

Статский советник

Борис Акунин

Сценарий четырехсерийного телевизионного фильма

В роли Фандорина Олег Меньшиков

Режиссер: Ф. Янковский.

Продюсеры: Н. Михалков, Л. Верещагин.

Оператор: В. Опельянц

2005 г.

Вариант I

ЭПИЗОД 1. Бой Эраста с головой (Сон Фандорина)

Дикое поле, заросшее буйными травами.

В небе кружит воронье. Тревожная музыка, предвещающая беду, или же, наоборот, никакой музыки — гулкая, звенящая тишина, крики воронов.

Фигура конного рыцаря в доспехах. Он поднимает забрало, видно невозможно прекрасное лицо Эраста Петровича Фандорина.

Он всматривается вдаль. Там некий холм, производящий жуткое, зловещее впечатление.

Фандорин выставляет вперед копьё, пришпоривает коня, атакует. Теперь видно, что холм — это голова великана, обмотанная чалмой. Голова растёт прямо из земли.

Рыцарь стремительно приближается. Рядом с этой машиной он кажется букашкой.

Голова спит. Косматые седые брови грозно насуплены, пышные усы подрагивают от сонного дыхания.

Внезапно Фандорин начинает придерживать коня.

ЭП: Эй, головастик! Я не нападаю на спящих! (*Слегка тычет кончиком копья Голову в нос.*) Немедленно проснись! Это, в конце концов, невежливо!

Голова поводит бровью, но не просыпается.

Тогда рыцарь трубит в рог, вызывая голову на бой, — это должен быть некий совершенно особенный звук, красивый и чистый.

Туг голова просыпается. Открывает сначала один глаз, потом другой. Свирепо насупливаются брови. Голова раздувает щеки, дует.

Поднимается ураганный ветер. Рыцаря вместе с конем сметает с лица земли.

Вой и свист ветра, стук, темнота.

Этот эпизод имеет двоякое значение. Во-первых, он является своего рода прологом к фильму, ключом к образу главного героя. Даже в схватке с заведомо более сильным противником Фандорин ни за что не станет пользоваться нечестными преимуществами, позволяющими сравнять шансы. Принципиально важен и некоторый комизм этой аллегории — аллюзия здесь не только с Русланом, но и с Дон Кихотом, атакующим мельницу. То, что Фандорин дается в виде не пушкинского витязя, а европейского рыцаря, опять-таки неслучайно. Это отражает смешение русских и европейских ориентиров в подсознании героя.

Второй — и главный — смысл эпизода в том, чтобы фильм с самой первой минуты начинался с эффектного трюка, который должен впечатлять профессиональностью технического исполнения. В сущности, содержание сна может быть изменено, если трюк с головой недостаточно эффектен или же если придумается трюк получше. Трюк здесь важнее аллюзивности.

Под вой бури на черном фоне идут начальные титры фильма — лишь самое необходимое и очень коротко; основные титры будут даны в конце картины.

Хотелось бы, чтобы это заняло не более 15 секунд. А еще лучше было бы отделаться от необходимых титров в самом начале, чтобы потом не отвлекать внимание зрителя от повествования информацией, напоминающей о том, что всё это — кино и понарошку.

ЭПИЗОД 2. Фандорин проснулся

Спальня в доме Фандорина.

Титры кончились, но темнота осталась. Остался и вой со стуком, но они незаметным образом изменились: теперь это вполне реальное завывание вьюги, швыряющей хлопья снега в окно. За окном видно раскачивающийся под ветром фонарь (газовый или керосиновый). Это раскачивание определяет и освещение комнаты: свет на мгновение выхватывает из темноты случайные предметы, которые, тем не менее, должны дать первое представление об атрибутом мире героя.

Вот большие напольные часы в виде Биг-Бена. Они показывают 4 часа утра.

Вот японская гравюра на стене — что-нибудь жутковатое, вроде Сяраку. Или, предположим, свиток с каллиграфически выписанными иероглифами. Одним словом, нечто японское. Книга корешком кверху.

Чиркает спичка. Огонек освещает лицо Эраста Петровича, который закуривает сигару и той же спичкой зажигает свечу. Волосы затянуты сеточкой — ЭП очень заботится о своей внешности. *Мне кажется, что эта комическая черта, которая будет возникать в фильме вновь и вновь, поможет оживить примороженность и несколько картонную положительность героя — он человек с маленькими слабостями. Да и трудно любить супермена, в котором нет ни одного изъяна.*

Фандорин лежит, закинув руку за голову, курит, вспоминает разговор у генерал-губернатора. Еще один-два предмета из спальни, снова вид окна, за которым ночь и вьюга.

Неприятное поручение (флэшбэк)

Кабинет генерал-губернатора

Возможный переход: тоже окно, но не такое, как в спальне Фандорина, а величественное, занавешенное бархатной портьерой. За портьеру держится старческая рука с пигментационными пятнами: обшлаг с золотым шитьем, бриллиантовый перстень на пальце. Рука собиралась отдернуть штору, но замешкалась.

Голос князя Долгоруцкого: ...Чему уж радоваться, коли едет министр с инспекцией. Это мои недруги питерские устроили. Старый Долгоруцкий им как кость в горле. Есть охотнички на мое место. И ведь не кого-нибудь послали — самого Храпова...

Рука, наконец, отдергивает портьеру. Ясный зимний день. Вид на Кремлевские соборы. *Зрителю не так важно, какой именно пост занимает вельможный старик, да у нас и нет времени на объяснения — вид из окна сам по себе объяснит статус Долгоруцкого: это Главный Московский Начальник.*

Показать князя: подтянутый и молодцеватый 80-летний старик в каштановом паричке; длинные вислые усы; гвардейский кавалерийский мундир в сочетании с пуховым шарфиком на шее. Потом, по ходу сцены, показать его огромный кабинет — обставленный богато, но вместе с тем как-то по-домашнему. Фотографии внуков на столе, вышитые салфеточки, серебряный поднос с пузырьками, надкушенная ватрушка на блюдечке. На стене — подношения от благодарных москвичей. Дурацкое блюдо с надписью: «Его сиятельству Владимиру Андреевичу от московских бакалейщиков в ознаменование 25-летия генерал-губернаторской службы». Огромная, аляповатая ваза с приукрашенным портретом князя. Долгоруцкий на групповой фотографии с воспитанниками сиротского приюта. Еще что-нибудь в этом роде¹.

¹ В финальной сцене, со сменой хозяина, кабинет изменится до неузнаваемости.

На ногах у князя войлочные полусапожки. Вставная челюсть не слишком хорошо подогнана, отчего Долгоруцкий пришепетывает и время от времени поправляет ее.

В ходе диалога князь начинает любовно поливать из серебряного кувшинчика большой уродливый кактус в кадке.

Около Долгоруцкого стоит его камердинер Ведищев (высокий, лысый старик с большими бакенбардами, в потертой ливрее и обрезанных валенках), держит в руке чашку с лекарственным настоем.

В кресле у стола в вольной позе сидит ЭП, одетый в повседневный мундир с петлицами статского советника. Напротив, тоже в кресле, сидит жандармский полковник Бурчинский, который явно чувствует себя в присутствии высокого начальства не столь свободно.

Бурчинский: лет сорока, аккуратный набриолиненный пробор посередине головы, один глаз закрыт импозантной повязкой черной кожи.

За креслом полковника стоит с блокнотом в руке адъютант поручик Смольянинов. Это совсем молодой офицер, с подкрученными усами, которые он часто трогает — видно, не так давно ими обзавелся. Лицо открытое, не умеющее маскировать чувства.

Подальше, на стуле, примостившись на краешке и всем видом изображая служебное рвение, сидит господин в цивильном платье, вертит в руках шляпу-котелок (на которую неодобрительно косится Ведищев: котелок полагалось оставить в приемной). Это начальник филерской службы Мыльников: сильное, простоватое лицо с хитрыми и умными глазками; всегда в черной тройке и с неизменным котелком.

Тем временем Долгоруцкий продолжает говорить

Долгоруцкий: Ладно бы еще инспекция — слава богу, всяких проверяльщиков на своем веку повидал. Но ведь с Храповым

нынче, сами знаете, какая морока. Террористы за ним гоняются. Сама БэГэ, Боевая Группа. Вот ведь времена настали — на министра, будто на куропатку какую охотятся. Не ровен час, убьют Храпова у нас в Первопрестольной. Тут-то мне и конец — погонят в шею. Да и вам, господа, не поздоровится. Вы, полковник, поедете заведовать жандармским управлением куда-нибудь в тундру, к самоедам. А вас, Эраст Петрович, душа моя, так и не назначат обер-полицмейстером.

Бурчинский нервно поправляет воротник.

ЭП: Владимир Андреевич, да какой из меня обер-полицмейстер? У меня и к-комплексия неподходящая.

Долгоруцкий: Ничего, остепенитесь, раздобреете. Кто ж лучше вас? И москвичам бы хорошо, и мне, старику, спокойно. Вот только Храпова отправим обратно подобру-поздорову... Я на вас полагаюсь, голубчик. Вы уж озаботьтесь, чтоб с ним, иродом, ничего не случилось. БэГэ — это вам не шутки.

Фандорин делает недовольное движение.

Долгоруцкий: Что такое? Или людей мало?

ЭП: Нет, людей довольно. И жандармы, и полиция, и филеры господина Мыльникова. (*Кивает на господина в штатском, тот немедленно вскакивает.*) Все меры приняты. Однако... нельзя ли избавить меня от необходимости лично встречать господина м-министра?

Долгоруцкий: Помилуйте, Эраст Петрович, что это вы такое говорите? Вы — мой чиновник особых поручений. Можно сказать, моя правая рука... Не самому же мне на вокзал ехать, больно много Храпову чести. Я и годами, и чином постарее его. Пусть не думает, что Долгоруцкий перед ним заискивает. Здесь встречу, в Кремле.

ЭП: Да как я ему руку подам, после истории с той студенткой?

Долгоруцкий: Нехорошо, конечно. Но вольно же ей было вешаться?

ЭП: Не всякий человек после порки жить захочет. Храпов — мерзавец. Право, отлично понимаю террористов. Воля ваша, Владимир Андреевич: б-безопасность Храпову обеспечу, а руки не подам.

Пауза. Полковник укоризненно качает головой — не одобряет. Мыльников смотрит на ЭП прищурясь — ему подобные мерихлюндии непонятны и, возможно, даже смешны. Зато поручик Смольянинов, кажется, целиком на стороне статского советника.

Ведищев (Долгоруцкому): Пей декохт, батюшка. Время.

Бесцеремонно сует князю чашку. Тот послушно пьет, после чего камердинер вытирает князю губы платком и заботливо поправляет съехавший на сторону парик.

Ведищев (ворчливо): А ты, Эраст Петрович, не надуйся, глазом не сверкай. Храпов этот какой ни есть, а все ж таки гость. Как гостю руки не подать? Не по-русски выйдет, не по-московски.

Спальня Фандорина

Лицо ЭП, освещенное огоньком сигары. Сигару он зажимает в зубах, смотрит на свою правую руку, сжимает и разжимает пальцы, имитируя рукопожатие, вздыхает.

Виден парадный мундир (там же шпага, двууголка), приготовленный для официальной встречи.

Вид флигеля, где квартирует ЭП, извне.

Опрятный дворянский домик, вокруг которого ярится зимняя стихия. Окно спальни, в нем искоркой горит свеча. А вокруг чернота, метель.

Вот уже нет ни огонька, ни флигеля, только ночь и буран.

Вариант II

ЭПИЗОД 1-2. Б.Г.

Набережная Яузы.

Зимний день на исходе. Последние лучи блекло-красного солнца, отраженные в слепых окошках домов. Треснувший лед на неширокой реке, там и сям в щелях видна черная вода. На набережной ни души. Только на каменной лестнице, спускающейся к воде, сидят два рыбака. В подворотне одного из домов, на противоположной стороне, виден высунувшийся задок черной кареты.

Внутри кареты сумрачно. Где-то очень близко слышится курлыканье голубей. Мужская рука в перчатке раздвигает шторку на заднем окошке пошире. Видно противоположную набережную, рыбаков. Над крышами с той стороны, полоча крыльями, взлетел голубь — рыжий.

Голос мужчины: Сигнал! Едут. Голос старика: Та-ак.

Голос мужчины: Смольянинов, трубки.

Молодой голос: Вот, извольте.

В окошко упираются две подзорных трубки.

Из-за угла улицы, выходящей под прямым углом к реке на противоположной стороне Яузы, выезжает кортеж: конный жандарм в каске с плюмажем, парадная карета четверкой (на козлах — кучер, рядом с ним еще один жандарм, на запятках еще двое жандармов), сзади еще четверо конных жандармов. Кучер — плотный, коренастый азиат в ливрее и почему-то в шляпке-канотье.

Голос мужчины: И это вся охрана? Невысоко же ставит Фандорин Боевую Группу.

Крупный план: окно парадной кареты. Виден силуэт в треуголке, поблескивает шитый золотом воротник и генеральский погон.

Голос старика: Это министр. Что ж, Станислав Иванович, ваш выход.

Голос мужчины: Так, стало быть, патронов не жалеть? А если не ровен час..?

Голос старика: Делайте ваше дело, господин террорист.

Голос мужчины: Слушаюсь.

Шорох крыльев. Вид кареты снаружи. Дверца приоткрывается. Рука в перчатке подкидывает кверху сизого голубя — тот взмывает вверх, несется к первому голубю.

В ту же секунду в чердачных окнах домов, расположенных с той же стороны реки, где стоит таинственная карета (и, стало быть, напротив той стороны реки, по которой едет кортеж), появляются снайперы. Их пятеро: мрачные усатые дядьки, лица закрыты масками.

Открывают ураганный огонь.

При первом же выстреле жандармы, сидевшие на министерской карете, бросаются в снег, закрыв головы руками — в общем, не проявляют ни малейшего героизма. Кучер-азиат нажимает какую-то кнопку, и с обеих сторон от него поднимаются стальные защитные щитки. Над ними торчит верх его дурацкого канотье.

Карета останавливается, построжки перепутались. Конные жандармы пытаются справиться со своими перепуганными лошадьми.

Пули щелкают по стеклу, по стенке кареты, летят искры, но стекла целы. Всё это мы видим в кружке подзорной трубы (или двух труб).

Голос мужчины: Ага. Блиндированная карета.

Голос старика: А вы как думали? Министра Храпова голыми руками взять?

Голос мужчины: Хорошо-с.

Снова рука в перчатке подбрасывает голубя — белого.

Двое рыболовов взбегают по лестнице, на бегу размахиваются, у каждого в руке зажата бомба. На круглом черном боку бомбы видны буквы «Б.Г.».

Бомбы летят прямо в карету.

Кучер чуть высунулся из-за своих щитков, нажал еще какую-то кнопочку, и из странного приспособления, расположенного по краям кареты (поначалу мы не обратили на это приспособление внимания), выстреливает и разворачивается сетка. Бомбы ударяются об нее, пружинят, отлетают в реку. Два гулких подводных взрыва. Всплывают рыбешки.

Молодой голос: Здорово!

Голос старика: Ай да Фандорин!

Голос мужчины: Ничего, ничего.

Снова выпускает голубя, на сей раз черного.

Вся разноцветная голубиная компания, объединившись, весело кружит в небе.

Из дверей и подворотен домов, расположенных на той же стороне, где остановился кортеж, выбегает двадцать человек в черном. Они в масках.

Двое стаскивают с коня переднего жандарма. Еще человек шесть таким же образом поступают с замыкающими конвойными.

Кучер высовывается из своего укрытия. Быстрым движением банкомета, сдающего карты, выстреливает из ладони стальными звездочками: раз, два, три. Это сярикэны (оружие японских ниндзя). Они впиваются в грудь одному террористу, второму, третьему. Те, согнувшись, падают. Четвертого кучер сбивает с ног, метнув канотье, которое, оказывается, тоже непростое.

В подворотне появляется предводитель террористов, человек в котелке. Сначала в акции не участвует, просто наблюдает. Ловко бросает кожаную веревку с грузилом на конце. Она обматывается

у кучера вокруг шеи. Человек в котелке дергает, кучер падает с козел. Двое террористов наваливаются на него. Остальные восемь подбегают к карете. Передний очень ловко, воровской фомкой, вскрывает дверцу — и тут же отлетает, получив мощнейший удар лакированным штиблетом в грудь. Из кареты, ухватившись руками за верхний косяк, ногами вперед выпрыгивает чиновник в парадном мундире и двууголке. Это Эраст Петрович Фандорин.

Голос старика: А вот и Фандорин. Ну-ка, ну-ка.

Два быстрых удара руками вправо-влево, и еще двое террористов падают. У Фандорина слетает двууголка. Нагнувшись, он подбирает ее, одновременно избежав удара по голове. Надевает, ударом ноги сбивает четвертого террориста. Поправляет двухуголку, чтоб сидела ровно.

Схватку Фандорина с остальными четверья террористами не описываю — это работа для постановщика трюков, однако двууголка должна упасть еще не раз, и ЭП вновь и вновь педантично надевает ее обратно.

Человек в котелке смотрит на потасовку. Потом на цыпочках обегает карету с другой стороны. Кладет на подножку узкую палочку динамита, отскакивает в сторону, молниеносным жестом выхватывает револьвер, стреляет. Взрыв. Блиндированная дверца криво свешивается, сорванная с нижней петли. Человек в котелке просовывает руку с револьвером в карету, несколько раз стреляет, потом свистит в свисток.

Голос мужчины: Что и требовалось доказать. Министр убит террористами Боевой Группы. Вот вам, ваше сиятельство, ваш любимчик и его меры безопасности.

Потасовка немедленно прекращается. «Террористы» поднимаются, жандармы — тоже.

Следующий кадр — черная карета стоит уже рядом с парадной (неподалеку должен быть мост). На козлах черной кареты —

лакей в ливрее и Ведищев, у которого на плечи накинут теплый пуховый платок.

Из черной кареты, кряхтя, спускается генерал-губернатор Долгоруцкий. Его поддерживают под локти поручик Смольянинов (в мундире) и полковник Бурчинский (в штатском).

Фандорин тем временем разглядывает ссадину от удавки на шее у кучера (это камердинер Фандорина Маса).

ЭП: Позвонок не поврежден?

Маса (*крутит головой, улыбается*): Нисего, до свадьбы доживёт.

«Террорист» (вытаскивая из пальто и разглядывая сюррикэн): Ишь, хреновина какая. (Щупает край.) Хорошо тупая, а если заточить... (Крутит головой.)

Бурчинский (*поманив человека в котелке*): Вот, ваше сиятельство, начальник филерской службы Мыльников. Отличный специалист.

Мыльников сдергивает котелок, коротко кланяется, немедленно нахлобучивает котелок снова.

Бурчинский (*торжествующе, Фандорину*): Ну как, господин статский советник, защитили высокого гостя вашими штучками-дрючками? То-то. Тут нужны профессионалы. (*Долгоруцкому.*) Уж поверьте мне, ваше сиятельство. Иначе завтра господа революционеры из Боевой Группы могут устроить нам такой же вот результат. (*Показывает на карету, из-под дверцы которой торчит носок черного лакированного сапога.*)

ЭП: Ну, если такой же — нестрашно. (*Открывает дверцу, берет «министра» под мышки и швыряет на мостовую. Это кукла.*) А агент, изображающий Храпова, уже доставлен во дворец его сиятельства, п-потихоньку, без помпы.

Долгоруцкий: Ловко! А ваши «террористы», полковник, прошляпили! Нет уж, за безопасность Храпова отвечать будет Эраст Петрович, а ваше управление пускай оказывает содействие.

Убитое лицо Бурчинского и восхищенное Смольянинова.

Бурчинский: За то что мои остолопы министра на вокзале прошляпили, я им головы поотрываю. Но что если завтра вправду будет покушение и настоящие террористы вашу уловку заметят?

Фандорин: Назавтра, полковник, у меня заготовлен другой фокус. Не люблю п-повторяться.

Долгоруцкий: Вот ведь времена настали — нигилисты на министра, будто на куропатку какую охотятся. Не ровен час, убьют Храпова у нас в Первопрестольной. Тут-то мне и конец — погонят в шею. Да и вам, господа, не поздоровится. Вы, полковник, поедете заведовать жандармским управлением куда-нибудь в тундру, к самоедам. (*Бурчинский нервно поправляет воротник.*) А вас, Эраст Петрович, душа моя, так и не назначат обер-полицмейстером.

ЭП: Владимир Андреевич, да какой из меня обер-полицмейстер? У меня и к-комплексия неподходящая.

Долгоруцкий: Ничего, остепенитесь, раздобреете. Кто ж лучше вас? И москвичам бы хорошо, и мне, старику, спокойно. Вот только Храпова отправим обратно подобру-поздорову... Я на вас полагаюсь, голубчик. Вы уж озаботьтесь, чтоб с ним, иродом, ничего не случилось. Приговор Боевой Группы — это вам не шутки.

Фандорин делает недовольное движение.

Долгоруцкий: Что такое? Или людей мало?

ЭП: Нет, людей довольно. Все меры приняты. Однако... нельзя ли избавить меня от необходимости лично встречать господина м-министра?

Долгоруцкий: Помилуйте, Эраст Петрович, что это вы такое говорите? Вы — мой чиновник особых поручений. Можно сказать, моя правая рука... Не самому же мне на вокзал ехать, больно много Храпову чести. Я и годами, и чином постарее его. Пусть не думает, что Долгоруцкий перед ним заискивает. Здесь встречу, в Кремле.

ЭП: Да как я ему руку подам, после истории с той студенткой?

Долгоруцкий: Нехорошо, конечно. Но вольно же ей было вешаться?

ЭП: Не всякий человек после порки жить захочет. Храпов — мерзавец. Право, отлично понимаю террористов. Воля ваша, Владимир Андреевич: б-безопасность Храпову обеспечу, а руки не подам.

Пауза. Полковник укоризненно качает головой — не одобряет. Мыльников смотрит на ЭП прищурясь — ему подобные мерихлюндии непонятны и, возможно, даже смешны. Зато поручик Смольянинов, кажется, целиком на стороне статского советника.

Ведищев (Долгоруцкому): На-ко вот, батюшка. Простудишься.

Бесцеремонно накидывает на плечи старого князя свой пуховый платок.

Ведищев (ворчливо): А ты, Эраст Петрович, не надувайся, глазом не сверкай. Храпов этот какой ни есть, а все ж таки гость. Как гостю руки не подать? Не по-русски выйдет, не по-московски.

Долгоруцкий: Да уж, Эраст Петрович, не подведите меня, старика. Сами знаете, у меня в Питере врагов хватает. Руку подать — велика ли мука. Завтра на рассвете прибудет, а вечером уж и восвояси. Вот и вся инспекция, всего-то денек потерпеть. *(Крестится.)* Охо-хо, пронес бы Господь... *(Смотрит в небо. Оно быстро темнеет, от горизонта накатывает свинцовая туча.)* Буран идет. То-то рана турецкая заныла.

ЭПИЗОД 3. Ночь. Поезд

Сквозь буран по голой, заснеженной равнине несется поезд. Искры из паровозной трубы, бешеная скорость, противостояние мощной стальной машины необузданной стихии. Это лейтмотив фильма: Россия, несущаяся неведомо куда — то ли навстречу испытаниям, то ли вообще в тартарары.

Министерский вагон: салон

Позвякивание серебряной ложечки о стакан. Мягкий, рассеянный свет от зеленого абажура.

Письменный стол, бронзовая чернильница.

Голова спящего Храпова, обмотанная полотенцем (очевидно, у министра мигрень)². Детали интерьера: карта империи на стене, стол для заседаний, солдатская койка за ширмой. Показать мельком медные рамы с заклепками на окнах — эта деталь сработает позднее.

На столе листок с каким-то печатным текстом, который мы прочесть не можем — только заголовок «ПРИГОВОРЪ» и характерный логотип «Б.Г.».

Оглушительно гудит паровоз.

² Зритель узнает великана из фандоринского сна (если берем вариант начала 1).

Храпов просыпается³. Камера отъезжает. Теперь видно, что у головы есть туловище, — блестит шитый ворот мундира, плечи министра прикрыты клетчатым пледом.

Храпов берет со стола часы, недовольно хмурит брови. Нажимает кнопку.

В дверь входит адъютант, молодцеватый подполковник с усталым, заспанным лицом.

Храпов (сердясь): Шестой час. Почему не разбудил?

Адъютант: Только к Клину подъезжаем, ваше высокопревосходительство. Задержка была — снежные заносы.

Храпов зеваает, и видно, что он, хоть и ворчун, но, возможно, не столь уж и страшен.

Храпов: Ты-то хоть, Миша, поспал? В Москве дел много будет. Насчет чайку распорядись.

Адъютант: Сию минуту, Иван Федорович.

Выходит. Камера следует за ним.

Министерский вагон: «предбанник»

У письменного стола, сбоку, подперев голову, сидит ротмистр фон Зейдлиц, начальник личной охраны Храпова: белобрыся остзейская физиономия, глаза со светлыми ресницами, красный цвет лица, россыпь веснушек — лицо недалекого, но крепкого служаки.

Зейдлиц: Ну, что там, Мишель?

Адъютант (зевнув): Чаю хочет. Пойду скажу.

Зейдлиц: Давай лучше я. Заодно проверю, не дрыхнут ли, черти.

Выходит в следующее помещение.

³ Точно так же, как голова великана во сне.

Министерский вагон: комната охраны

По обе стороны стулья. Двое агентов в штатском спят, двое сидят с неподвижными лицами. У каждого в руках по винчестеру. В углу на столике самовар.

Зейдлиц: Чаю его высокопревосходительству.

Агент отставляет винтовку, встает. Видно, что под полкой пиджака у него револьвер.

Двое спавших немедленно садятся, смотрят на ротмистра.

Зейдлиц (глядя в окно): Ничего, ничего, пока можно. Клин. Последняя остановка перед Москвой.

Выходит в тамбур.

Министерский вагон: тамбур

В тамбуре два жандарма в шинелях. Вытягиваются по стойке смирно. Зейдлиц машет им рукой — вольно, мол. Открывает дверь.

Свист ветра.

Поезд тормозит у платформы.

На перроне

Сквозь летучий снег смутно виднеется станционное здание. По платформе быстро идут двое, высокий и низкий. Первый придерживает рукой парадную чиновничью двууголку; второй, начальник станции, еле поспевает за ним, придерживает фуражку.

Мы видим обоих сзади.

Вот они поравнялись с Зейдлицем.

Начальник станции: Вот-с, он самый и есть, специальный вагон.

Придерживая шпагу, высокий чиновник поднимается на ступеньку.

Высокий (*сквозь вой ветра*): Вы М-Модзалевский? Адъютант его в-высокопревосходительства?

Зейдлиц: Нет, я начальник охраны ротмистр фон Зейдлиц. С кем имею честь? Я не могу впустить вас в вагон.

Высокий: Я — статский советник Ф-Фандорин. П-полагаю, вас известили...

Зейдлиц: Так точно, господин статский советник. Прошу.

Министерский вагон: «предбанник»

Вид от двери, из-за спин заики и Зейдлица.

Адъютант, поднявшись, вопросительно смотрит на вошедшего.

Зейдлиц: Это статский советник Фандорин. Тот самый, что отвечает за безопасность Ивана Федоровича в Москве.

Адъютант внимательно смотрит на высокого, сверяет по бумаге приметы. *Возможно, чтобы зрителю было понятнее, даже бормочет под нос: «Так, рост... Волосы черные, виски седые, так, легкое заикание...»* Кивает.

Адъютант: Что-нибудь случилось? Почему вы встречаете нас в Клину?

Высокий: Вы уже на т-территории Московской губернии, а это, г-господин подполковник, моя юрисдикция. К тому же у меня срочная д-депеша для его высокопревосходительства.

Адъютант: Хорошо. Сейчас доложу.

Уходит в салон.

Высокий снимает двууголку. Видно черные, как у ЭП, волосы и седой висок. Скидывает на руки Зейдлицу шинель, под ней парадный мундир — точь-в-точь такой же, как висел у ЭП в спальне.

Адъютант (*вернувшись*): Прошу вас.

Министерский вагон: салон

Храпов снял плед. Он в генеральском сюртуке без эполет. Полотенца на голове тоже уже нет.

Встает, протягивает руку.

Храпов: Здравствуйте, господин Фандорин. Эраст Петрович, не так ли? Что у вас? Депеша от его величества?

Высокий: Т-так точно, ваше высокопревосходительство.

Подходит к столу, после секундного колебания (которое должно укрепить зрителя в уверенности, что это именно Фандорин) подает министру руку. Мы по-прежнему видим этого человека только сзади или в одну четверть.

Крупно: лежащий на столе листок с логотипом «Б.Г.» и заголовком «Приговор».

Храпов ловит взгляд посетителя, устремленный на листок, и страдальчески морщится.

Храпов: Не оставляют господа нигилисты вниманием. Приговор прислали. *(Надевает пенсне, читает.)* Вот, извольте. «Кровавого палача и убийцу приговорить к смертной казни... Обжалованию не подлежит». Каково, а? Это я-то палач? Я честный солдат, у меня два «георгия», за Кавказ и за Плевну! Вы ведь, Эраст Петрович, тоже, поди, всяких гадостей про меня наслушались? Про девчонку-то эту, арестантку? Не верьте! Подумаешь, на «ты» ей сказал, эка важность. Да у меня внучка ее лет! А она мне, старому человеку, министру, пощечину! Ее за это полагалось на каторгу, а я пожалел — велел только посечь немножко, для ее же пользы! А она, дура, повесилась! Добро б еще дворянка была — а то обычная мещаночка! Увольте, не понимаю... *(Разводит руками.)*

Высокий (*вдруг перестав заикаться*): Где тебе понять, что такое честь и человеческое достоинство? Ничего, ты не поймешь, другим псам урок будет...

Храпов разевает рот, хочет что-то сказать, но в этот миг посетитель бьет его кинжалом в грудь, и министр валится в кресло. Глаза широко раскрыты, в них недоумение. Удар точен — смерть наступила мгновенно.

Убийца брезгливо вытирает руку, которую пожимал Храпов, платком. Сдирает приклеенные усики, и только теперь мы видим его лицо. Оно совсем непохоже на лицо ЭП. Это Грин. Он оглядывается на дверь, потом приближается к окну, противоположному перрону, и пытается открыть раму. Это невозможно — рама глухая.

Пробует другое окно — то же самое.

Грин застывает на месте, решая, что делать.

Звук приближающегося состава. По соседнему пути грохочет товарняк, движущийся в сторону Москвы.

Грин берет крепкий, дубовый стул, размахивается и бьет по стеклу — звон стекла будет поглощен шумом проезжающего поезда. От удара стул разлетается на куски, а стеклу хоть бы что. Снова показать медные заклепки на раме — оказывается, стекла особенные, пуленепробиваемые.

Грин озирается по сторонам — выхода нет. Бьет с размаху кулаком по стеклу — в первый момент это кажется истерикой или жестом отчаяния.

Он бьет снова и снова.

Железный человек (флэшбэк)

Зима. Сибирь. Санный обоз. Это каторжный этап. Каторжники сидят кучками возле костров, греются.

Рядом река, берег которой порос камышом. Видно мостки, за ними прорубь. У проруби стоит молодая баба в цветастом платке, пялится на каторжных.

Вдоль обоза идет инспектор, жандармский офицер, за ним топают урядник — старший конвоя.

Видно сани, в которых лежит скованный по рукам и ногам человек. Это Грин.

Офицер (уряднику): Почему скован? По инструкции не положено. Кто таков?

Урядник: Кличка Грин, настоящее имя неизвестно. Из политических. Бессрочник. А скован, потому злой как зверюга и силища скаженная. Одно слово — нелюдь, ваше благородие.

Офицер и Грин смотрят друг другу в глаза. Взгляд Грина немигающ и тверд — пожалуй, в самом деле нелюдь. На бровях и щетине иней. Во взгляде жандарма сострадание.

Офицер (морщась): Не положено. Замерзнет к чертям. Расковать.

Следующий кадр — урядник, кряхтя, снимает последний «браслет». В тот же миг, без единой секунды колебания, Грин бьет правым кулаком урядника в висок, приподнимается, точно так же бьет офицера (оба падают замертво), выскакивает из саней и бежит к реке. На бегу сдергивает серый каторжный халат. Крики, выстрелы, свист пуль.

Грин бежит по мосткам.

Баба оседает на снег, сраженная случайной пулей. Лицо у нее удивленное — она так и не поняла, что с ней случилось.

Грин прыгает головой в прорубь. Пули крошат лед.

Подводная съемка: Грин мощно отталкивает мерцающую зеленую воду руками и ногами. Здесь совсем другой мир: спокойный, беззвучный, красивый.

Кажется, что прыжок Грина — самоубийство, но вот впереди видны стебли камышей, в верхней своей части вросшие в лед.

Грин встает на дно, бьет по льду кулаком снова и снова, вода замедляет удары — это похоже на кошмарный сон⁴. Сначала ничего не происходит. Эту ледяную стену человеку прорвать не под силу. Потом по льду идут трещины.

Съемка сверху. Лед раскалывается, из-под него высовываются голова и плечи Грина (или, если он все-таки бил кулаком, — сжатый кулак). Видно, что лед толщиной дюймов в шесть. Вокруг камыш, с берега беглого каторжника не видно. Слышны отдаленные крики конвойных.

Министерский вагон: салон

Грин бьет кулаком в непробиваемое стекло. Капли крови — все же не железный, все же человек. Вдруг на окне паутина трещин, как во льду. Стекло вылетает из рамы. Оно, конечно, тоньше, чем тот лед, но все равно впечатляет.

Железнодорожные пути

Грин выпрыгивает в метель. Разбегается, на бегу срывает парадную шпажонку, отшвыривает. Цепляется за подножку последнего вагона товарняка. Отблеск фонаря на золотом шитье парадного мундира.

Выезжает за пределы станции, спрыгивает на ходу, катится по снегу. Бежит через пути.

Там дрезина, в ней сидят двое — Рахмет и Емеля.

Рахмет — красивое, дерзкое лицо. Усики, вьющиеся волосы. Движения ловкие, быстрые. Сразу видно бывшего офицера-кавалериста.

Емеля — дюжий парень простоватого вида. Неторопливый, ходит вразвалку. Медвежья сила, сонное лицо, но взгляд маленьких глаз острый. Из мастеровых, говорит и одевается по-простонародному.

⁴ Никогда не пробовал бить кулаком через воду. Если это окажется невозможно, пускай Грин упрется в лед руками и плечами, на манер Атланта.

Рахмет: Ну что?

Грин: Ходу!

Они втроем разгоняют дрезину, запрыгивают, качают рычаг. Верстовой столб. До Москвы — 58 верст.

Министерский вагон: салон

Короткий кадр. Буйство хаоса — метели, ворвавшейся через разбитое окно в обиталище власти. Летают бумаги, трепещет карта империи, шевелятся волосы на голове у мертвого старика.

Крупно: логотип «Б.Г.» на рукоятке кинжала.

Дрезина

Трое качают рычаг.

Снова мелькнул верстовой столб. 49 верст. Грин смотрит на товарищей по группе.

Лицо Емели. Он широко улыбается Грину и делает некий характерный жест — что-то детское, симпатичное: напри-мер, подмигивает и чмокает углом губы.

Надежный человек (флэшбэк)

Осенний вечер. Тихая улица губернского города: булыжная мостовая, чинные каменные особняки.

Емеля, переодетый извозчиком, сидит на козлах.

Грин (он в пиджаке, без грима) стоит рядом.

Грин (негромко): Главное спокойно. Я знаю, первая акция — всегда страшно, но тебе и делать ничего не нужно. Он выходит от любовницы, я исполняю приговор. Подхожу, сажусь, едем. Понял?

Емеля (хлопает глазами, вид у него туповатый): Чего не понять-то?

Грин смотрит на него с сомнением, вздыхает.

За стеклянными дверями одною из особняков зажигается свет. Сквозь белую штору видны два силуэта — мужской и женский. Напротив стоит пролетка с поднятым верхом. На козлах — агент в штатском. Глазами водит влево-вправо — характерная повадка телохранителя.

Неподалеку еще двое, переодетые велосипедистами: в клетчатых костюмах с гетрами, кепи. Один вроде бы качает велосипедную шину, второй помогает.

Грин неспешно, прогулочной походкой, идет по тротуару навстречу пролетке. Велосипедисты с другой стороны, они его пока не видят. Правая рука Грина сжата в кулак, опущена книзу. Кучер-телохранитель окидывает прохожего взглядом, ничего подозрительного в нем не видит.

По ступенькам крыльца, подняв воротник и надвинув на глаза котелок, спускается упитанный господин с эспаньолкой и подкрученными усиками — губернатор. Мельком глянув на приближающегося Грина, садится в коляску.

Губернатор (кучеру): Пошел.

Кучер трогает с места.

Велосипедисты пристраиваются сзади.

Поравнявшись с пролеткой, Грин делает почти незаметное движение правой рукой — бросил нож. Идеальная точность — прямо в сердце упитанному господину. Точно такой же нож, каким был убит Храпов, — на рукоятке буквы «Б.Г.». Как и Храпов, губернатор убит на месте, откидывается на сиденье. Ни кучер, ни велосипедисты ничего не заметили.

Грин как ни в чем не бывало идет дальше, разминая освободившуюся кисть.

На него смотрит один из велосипедистов, Грин скучающе отворачивается.

Велосипедист (*чуть отъехав, вполголоса напарнику*): Не оборачивайся. Справа, в шляпе. Грин, боевик. Видел его в прошлом году на Харьковском процессе. Особо опасен. Берем?

Второй велосипедист (*он старше и опытнее; не оглянувшись на Грина, тихо*): На семь-восемь... Семь-восемь!

Оба синхронно соскакивают с велосипедов, выхватывают револьверы.

Второй велосипедист: Стоять, паскуда! Убью!

Левой рукой дует в свисток.

Грин оборачивается, видит два наставленных ствола, замирает. Издали доносятся ответные свистки. Грин и агенты не шевелятся. Велосипедисты напряжены, следят за каждым движением опасного террориста и больше ничего вокруг не замечают. Коляска с убитым губернатором уезжает все дальше и дальше.

Грин (*спокойно*): В чем дело, господа? Это ограбление?

Делает знак глазами Емеле: уезжай, мол, уноси ноги, со мной всё кончено.

Второй велосипедист: Только дернись, положу на месте — со всем моим удовольствием.

Емеля спускается с козел, неслышно переступая в стоптанных валенках, вразвалку подходит сзади к агентам, бьет их головами друг о друга. Тошнотворный стук. Оба падают. Емеля широко улыбается, подмигивает, чмокает — уже знакомая зрителю мимика.

Емеля: Ну чё, едем, что ли?

Дрезина

Дрезина разогналась, мелькнул столб «25». Грин качает рычаг, как заведенный, и не проявляет ни малейших признаков утомления, а дюжий Емеля явно устал — вытирает рукавом полушубка пот. Второй, Рахмет, и вовсе на последнем издыхании.

Рахмет (бросает рычаг): Уф, птички-бабочки, не могу больше! Передохнем, а? Самое пти-пё. (*Хватает ртом воздух.*) Вот судьба-злодейка, был драгун, а стал ломовая лошадь.

Лихой человек (флэшбэк)

Плац драгунского полка.

Спешенный эскадрон стоит буквой «П». С краю офицеры: ротмистр, несколько субалтернов, среди них Рахмет с погонами корнета.

Командир полка (боровоподобный, красномордый), верхом на лошади, орет на солдат.

Полковник: Мразь, мразь! Не эскадрон, а стадо свиней! Ты свинья! И ты! И ты!

Тычет стеком в солдат поочередно. Один из них по виду татарин или кавказец — в общем, магометанин.

Магометанин (с акцентом): Нехорошо, ваше высокоблагородие. Свинья — нечистая. Подлец ругай, дурак ругай, а свинья нельзя! Человек не свинья.

Полковник: Что?! В строю? Мне? Ну и эскадрон! Манная каша!

Бьет инородца стеком по лицу. Еще, еще. Тот стоит навтыжку. На лице красные полосы.

Молоденький офицерик: Господин ротмистр! Это невыносимо! Сделайте что-нибудь!

Командир эскадрона страдальчески морщится, но молчит.

Офицерик (поворачивается к Рахмету, всхлипывает): Селезнев, да что же это? Он зверь! Бешеная собака! И никто не смеет ему даже слова...

Рахмет (лихо): Эх, птички-бабочки. (Выходит из строя, чеканит шаг, подходит к полковнику и звонко.) Господин полковник, а взвод-то мой.

Полковник (ошеломленно оборачивается): Что?

Рахмет: Мой взвод, говорю. Кроме меня, мордовать никому не дозволяется.

Все на него смотрят, и от всеобщего внимания Рахмета несет: смотрит на полковника дерзко, белые зубы оскалены в бесшабашной улыбке.

Полковник: Щенок! Сопля! Под суд!

Замахивается на Рахмета стеком.

Рахмет отскакивает назад, увернувшись от удара. Выхватывает револьвер и стреляет в полковника — да не куда-нибудь, а в лицо, причем не один раз, а два или три.

Эта несимпатичная подробность — расстрелянное лицо — должна быть показана натуралистично. Это необходимо для характеристики Рахмета: он не герой и не заступник за угнетенных, а позёр с садистическими наклонностями, вероятно, испытывающий патологическую ненависть к человеческому лицу, что будет продемонстрировано в сцене с инженером Ларионовым.

Дрезина

Рахмет (кричит, белозубо улыбнувшись): Что сверлишь взглядом, Гринуля? Я не битюг вроде Емели. Сатрапов стрелять — это сколько угодно, а бурлачить не привычен.

Грин: Отдохни. Оба отдохните. Я один.

Емеля: Надорвешься.

Грин: Нет. Нужно в Москву, скорей. Залечь на дно. Еще полчаса, много час — сообщат по телеграфу, всё перекроют.

Качает рычаг один. Дрезина мчится сквозь метель, не замедляя хода.

ЭПИЗОД 4. Фандорина арестовали

В спальне ЭП.

Напольные часы показывают четверть восьмого.

На улице пока темно, но метель почти прекратилась.

ЭП стоит перед зеркалом, застегивает воротник парадного мундира.

Показать детали интерьера, раскрывающие внутренний мир

ЭП:

Вот большие напольные часы в виде Биг-Бена.

Вот японские гравюры на стене — пока без крупных планов, они еще сыграют.

Свиток с каллиграфически выписанными иероглифами.

Два эскадрона на стене.

Несколько книг с закладками, на разных языках.

Мы видим Фандорина со спины — в первый миг впечатление дежавю: очень уж он сзади похож на убийцу Храпова. Потом в зеркало видно сосредоточенное, хмурое лицо ЭП. Бесшумно открывается дверь спальни. В зеркале появляется белая коренастая фигура. Это камердинер статского советника Маса. Он в японском костюме для спортивных упражнений (не совсем таком, какие носят сегодня, но похожем: широкая куртка, короткие штаны, черный матерчатый пояс). Маса: коренастый, бочонкообразный японец с круглым бесстрастным лицом. Стрижен ежиком, движения гуттаперчевые, ловкие.

Молча подходит, энергично кланяется.

Маса: Гаспадзин, рэнсю.

ЭП: Нет, Маса, сегодня бегать по потолку не будем. Сейчас за мной приедет к-какета. Нужно на вокзал. *(Вздыхает.)*

Маса неодобрительно качает головой — не любит нарушений обычного распорядка.

Доносится громкий, настойчивый звонок.

ЭП (обреченно): Вот и карета. Иди, открывай.

Маса выходит.

ЭП надевает двуголку. Он еще не решил, как ему держаться с министром.

Фандорин (*сухо*): «Статский советник Фандорин. Добро пожаловать в Москву, ваше в-высокопревосходительство». (*Руку в нерешительности держит перед собой, то сжимая, то разжимая пальцы.*) Нет, просто: «Статский советник Фандорин». (*Руку в белой перчатке отрывисто подносит к двуголке и сразу прячет за спину.*)

Из прихожей доносится шум, голоса.

ЭП удивленно оборачивается, выходит из спальни в соседнюю комнату. Она довольно странная: никакой мебели, полы устланы соломенными матами.

На пороге — полковник Бурчинский в сопровождении двух жандармов опасно пятятся от грозно шипящего японца. Тот присел, выставил вперед полусогнутые руки и наступает на жандармов.

Бурчинский (*нервно поправляя повязку на глазу*): Эраст Петрович, угомоните вашего японца! Я знаю его повадки, сейчас как начнет ногами махать. Я что, я же не виноват! Приказ!

ЭП: Какой п-приказ?

Бурчинский: Телеграмма из Петербурга. Вот. «Сверхсрочно. Сверхсекретно. Убит генерал-адъютант Храпов. Убийца — статский советник Фандорин. Немедленно отыскать и арестовать». Подписано шефом корпуса жандармов. Бред какой-то, но что я могу поделаться?

Безмерно удивленное лицо ЭП.

ЭПИЗОД 5. Розы и шипы

Николаевский вокзал.

Нервозная, даже истеричная атмосфера. Несмотря на раннее время, высокого петербургского гостя собралось встречать много народу: важные господа, нарядные дамы, многие с букетами.

Об ужасном событии уже известно. Бегают полицейские и жандармы, выражение лиц у мужчин растерянное и напуганное, некоторые дамы рыдают. На перроне тут и там растоптанные цветы. У корреспондентов азартный, ошалелый вид. Возле одинокой кабины с гордой золоченой вывеской ТЕЛЕФОНЪ целая очередь.

Корреспондент (кричит в трубку): Да-да, Боевая Группа! Прямо в вагоне! Подробности пока неизвестны!

Следующий в очереди: Коллега, вы не один! Нельзя ли побыстрее?

Разговор среди именитых встречающих: Это невозможно! Бред! ...А я вам точно говорю — Фандорин. Я всегда чувствовал в нем какую-то странность... Конец света, апокалипсис!

Крики: Поезд!

Все поворачиваются в сторону приближающегося состава.

Снова крики: Ведут! Убийцу ведут!

Поворачиваются в другую сторону.

Впереди идет мрачный, сосредоточенный полковник Бурчинский, за ним двое жандармов под локти ведут Фандорина, руки которого скованы наручниками.

ЭП бледен, его лицо неподвижно.

Крики из толпы: Убийца! Предатель!

Бурчинский (нервно оглянувшись на ЭП): Виноват, не следовало бы на вокзал. Но в целях опознания...

Какая-то истеричная дама с визгом, подскочив, наотмашь бьет ЭП по лицу букетом роз — раз, еще раз.

ЭП: Мадам, я не люблю розы.

Он говорит эти слова, сохраняя невозмутимость, но на щеке статского советника остается царапина, сочащаяся кровью.

Бурчинский (своим людям): Да уберите ее, черт!

Даму оттесняют.

Поезд еще не остановился, а с подножки уже соскакивает человек в синем мундире, бежит, отчаянно работая локтями. Это начальник охраны ротмистр фон Зейдлиц. У него совершенно сумасшедшее лицо, выпученные глаза, искусанные в кровь губы. За ним бежит один из охранников, кричит: «Ваше благородие! Ваше благородие!»

Мы видим как бы глазами Зейдлица, издали, фигуру чиновника в парадном мундире, жандармов по бокам.

Зейдлиц: Дайте мне его, дайте!

Бурчинский заслоняет собой арестованного, но бег Зейдлица замедляется.

Зейдлиц: Кто это? Это не он! Похож, но не он! Да не очень-то и похож! Кого вы привели? Где Фандорин?

ЭП: Уверяю вас, ротмистр, что я и есть Фандорин. (Трогает скованными руками Бурчинского за плечо.) П-полковник, снимите эти железки.

Бурчинский: Ви... виноват...

Руки у полковника трясутся — никак не может попасть ключом.

ЭП: Ладно, я сам.

ЭП выкидывает штуку: вытягивает пальцы таким образом, что кисть становится не шире запястья, и преспокойно вынимает руку из стального кольца, а затем таким же манером и вторую.

Для этого трюка, вероятно, придется снять руки какого-нибудь профессионального фокусника или манипулятора.

ЭП (раздраженно отшвырнув наручники): Где подполковник Модзалевский? Где остальные сотрудники охраны? Я должен д-допросить каждого и записать показания.

Зейдлиц (рыдает, отчего получается, что он как бы передразнивает заикание статского советника): Д-допросить? Какие к черту показания? Он убит, убит... Всеу конец! Я найду, из-под земли достану этого ряженого, этого сатану! Землю, небо переверну! Я докажу! Иначе — пулю в лоб! Я... я...

ЭП (полковнику): Пожалуй, ротмистра я допрошу позже. Начнем с остальных. Пусть освободят кабинет начальника вокзала. Всех посторонних — вон. (*Морщась, вытирает платком сочащуюся царапину.*) Сообщите генерал-губернатору, что через два часа буду у него с д-докладом. А сейчас осмотрим место убийства.

Начальник поезда (чиновник в путейском мундире): Ваше высокородие, а куда покойника? Такая важная особа...

ЭП (спокойно): Как куда? Сейчас прибудет т-труповозка, и в морг, на вскрытие.

ЭПИЗОД 6. Звонок из Царского

Кабинет генерал-губернатора.

Солнечное, безмятежное утро после ненастной ночи. Фандорин заканчивает доклад. Долгоруцкий напряженно слушает, приставив ладонь к уху. Ведищев стоит за его креслом, держит в руке пузырек с сердечными каплями. Рука камердинера подрагивает, глаза часто моргают, по щеке стекает слеза.

ЭП: ...Труп на вскрытии, это три. Головной убор, шинель и кинжал убийцы в лаборатории, это четыре. Все выезды из Москвы перекрыты. Это пять. Пока всё.

Ведищев: А может, он, злодей, не в Москву подался?

ЭП: Полагаю, что в Москву. В большом городе легче затаиться.

Долгоруцкий (*качает головой, смотрит в окно на купола*): А ведь, пожалуй, всё. Конец. Этакой конфузии мне питерские не простят. Прощай, Москва-матушка. (*Всхлипывает.*) Двадцать пять лет! Вот как уходить-то приходится, с позором...

Ведищев, встрепенувшись, какает в рюмку лекарство.

Ведищев (*плача*): Батюшка Владимир Андреич, да ляд с ней, с государевой службой. Будет уже, наслужились досыта. Уедем с тобой в имение... Будем сидеть на крылечке, прежние времена вспоминать. Чего еще в наши годы. А то в Ниццу поедем. Хорошо в Ницце-то — море, солнышко...

Долгоруцкий (*ласково улыбается слуге*): Не сумею я, Фролушка. Сам знаешь. Умру без службы, в полгода зачахну... Ведь что обидно — ладно бы за дело. В Москве ведь у меня всё как есть в полном порядке. А Храпов этот чертов, царствие ему небесное, даже до города не доехал...

Не выдержал, снова завсхлипывал.

Ведищев (*вытирая князю нос*): Бог милостив, батюшка, может, пронесет. Чего только не было, а ведь выручал Господь. Эраст Петрович пораскинет мозгами, скажет: «это раз, это два, это три», сыщет злодея, государь и оттает.

Долгоруцкий: Не оттает. Когда власти страшно, она никого не жалеет, для острастки своих бьет. Об одном Бога молю: найти бы убийцу своими силами. Чтоб без срама уйти, чисто. Как, Эраст Петрович, добудете мне эту самую БэГэ?

Смотрит с надеждой на Фандорина.

Фандорин: Владимир Андреевич, вы меня знаете. Я пустых обещаний не даю. Ведь ни одной зацепки. И политическим розыском я никогда не занимался.

Долгоруцкий (повесив голову): Да-да, верно... Что это я, в самом деле. БЭГэ эту весь Жандармский корпус вкупе с Охранным отделением поймать не могут...

В дверь без стука влетает секретарь.

Секретарь: Ваше сиятельство! Телефонуют! Из Царского Села!

Машет кому-то рукой. Двое пожилых лакеев в ливреях и чулках, семеня, вносят телефонный аппарат внушительного размера и вида: красное дерево, золотой государственный герб, серебряная инкрустация — в общем, прообраз вертушки. Третий лакей тянет сзади провод.

Долгоруцкий: Государь?!

Секретарь: Господин председатель Совета министров.

Князь брезгливо берет трубку — он с недоверием относится к техническому прогрессу.

Во время разговора с главой правительства Долгоруцкий преобразается: уже не комичный старик, а государственный муж, который знает себе цену и держится с достоинством.

Долгоруцкий: Здра...

Не договаривает — из трубки доносится неразборчивый сердитый писк.

Долгоруцкий (сдвинув брови): Прошу покорнейше передать его величеству...

Снова не договаривает.

Долгоруцкий: Чужих мест никогда не занимал и не намерен впредь! Что же до...

Писк в трубке.

Долгоруцкий (*сердито*): А на то воля государя и Всевышнего. (*Кричит.*) Кого-кого! ВСЕ-ВЫШ-НЕ-ГО! Ну вот, разъединилось. Чтоб ему провалиться, этому прогрессу. В прежние времена всё спокойно решили бы сами, а тут на тебе: и телеграф, и телефон... (*Вздыхает.*) Плохо. Государь был рядом, у аппарата, а говорить со мной не пожелал... Завтра прибывает сам генерал Пожарский, восходящая звезда сыска. Эраст Петрович, голубчик, хоть бы ниточку какую к его приезду ухватить. Никкак невозможно? А посредством этой вашей... дедукции?

Пауза. Князь и слуга с надеждой смотрят на статского советника. Тот же занимается ерундой — вытянул из кармана зеленые нефритовые четки, перебирает их бусина за бусиной. Потрогал пальцем царапину на щеке, поморщился.

ЭП (*разглядывая лацкан мундира*): Одна ниточка все-таки есть...

Долгоруцкий и Ведищев (*в один голос*): Какая? Где?

ЭП (*снимает с лацкана нитку*): Она перед вами. (*Бросает нитку. Все замороженно следят за ее неторопливым полетом.*) Эта ниточка — ваш п-покорный слуга. Террористы были оповещены о том, что в Москве за безопасность министра отвечает именно статский советник Фандорин, да еще и имели мой словесный портрет. Именно поэтому убийце удался его дерзкий план. Что из этого следует?

Ведищев: Что?

ЭП: Что здесь не обошлось без предательства. Или преступной болтливости. Найти источник не столь уж сложно, ибо вариантов всего четыре, и т-три из них находятся в поле нашего зрения...

Долгоруцкий: Погодите, погодите, голубчик. Я за вами не поспеваю! Какие четыре, какие три?

ЭП: Ну как же? Окончательно решение о моем участии во встрече было принято только вчера, после репетиции покушения. Кто об этом знал? Петербургский Департамент полиции, куда была отправлена шифрограмма с моей формулярной справкой, где имеется и словесный портрет. Это раз. Начальник Московского жандармского управления полковник Бурчинский, это два. Его помощник Мыльников, это три. И адъютант управления, новенький, поручик... Смольянинов. Это четыре⁵. Вот вам и все подозреваемые. Трое у нас на виду. С Петербургом, конечно, с-сложнее...

Долгоруцкий: Эраст Петрович, так, стало быть, не всё потеряно? Когда вы можете взяться за дело?

ЭП: Немедленно. *(Косится в зеркало, висящее на стене, трогает царапину на щеке.)* Только приведу себя в порядок и сниму эту с-сбрую. *(Дотрагивается до шитого золотом воротника.)*

ЭПИЗОД 7. На дне

Квартира приват-доцента Аронзона. Кабинет.

Просторная комната. Шкафы с книгами, письменный стол. На стене стеллаж с колбами, склянками, пузырьками и т.п. Периодическая таблица — в общем, должно быть ясно, что хозяин — химик.

Шторы плотно задвинуты, горят лампы.

За письменным столом Емеля, Рахмет и Снегирь азартно и весело режутся в подкидного дурака.

⁵ Здесь было бы неплохо показать стоп-кадрами участников совещания, которых зритель один раз уже видел, чтобы закрепить идентификацию персонажей.

Снегирь — по виду совсем мальчик. Ясное, открытое лицо, ломающийся голос, на щеках — румянец.

Голоса игроков: А вот мы с молодочки. (*Емеля ходит с дамы.*) А мы ее выдерем бородатым дядькой. (*Рахмет кроет даму королем.*)

В углу Игла и Грин, разговаривают вполголоса.

Из двери выглядывает хозяин. Грин и Игла оборачиваются на него, умолкают.

Аронзон — нервный, бледный мужчина с черными вьющимися волосами, бородкой, в очках. У нас нет времени рассказывать его историю, поэтому зритель должен сразу узнать типаж: ага, это интеллигент, сочувствующий революции. Аронзон делает сконфуженный, неопределенный жест.

Аронзон: Нет-нет, я только так... Может быть, чаю или... Прислугу я отпустил, так я сам...

Грин качает головой.

Игла: Спасибо, Семен Львович. Не беспокойтесь.

Аронзон: Хорошо... Я там, на кухне. Если что-нибудь — милости прошу. (*Громче.*) Будьте как дома, господа.

Играющие с некоторым удивлением оборачиваются к нему.

Снегирь (*вежливо, это хорошо воспитанный юноша*): Благодарим.

Аронзон исчезает за дверью.

Грин (*недовольно*): Почему разместили нас здесь, у этого дерганого? Пока мы в Москве, за сохранность Боевой Группы отвечаете вы. Решение ЦК. Нужно залечь недели на две, переждать. Почему не на проверенной квартире, у Инженера?

Игла: Был сигнал, что Инженер ненадежен.

Грин (с холодной яростью): Что? Вы предлагали нам ненадежную явку? Да вы понимаете, кто мы? БГ, Боевая Группа! Где гарантия, что этот-то надежен? Что-то непохоже.

Игла (сухо): Вы, конечно, герой и за Храпова вам когда-нибудь поставят памятник, но зачем так надменно? Мы здесь тоже делаем свое дело, по мере сил. С квартирой трудно — вы ведь непременно требовали, чтоб был телефон. Москва не Петербург, здесь телефонных аппаратов пока немного. А приват-доцент Аронзон человек порядочный, из сочувствующих.

Во время их разговора то и дело раздаются веселые выкрики играющих.

Рахмет: Продулся, пролетарий! На конюшню его, пороть!

Рахмет бьет Емелю картами по носу, отсчитывая: раз, два, три. Снегирь заливисто хохочет.

Грин смотрит на них.

Грин: Поймите, товарищ Игла, это ударный отряд революции, на сегодня единственный. Всех задавили — перевешали, пересажали, перебили. Говорунов-то много, а бойцов на всю Россию только я и эти трое. Против полиции, армии, жандармов, против всей этой махины. Если из-за неосторожности или глупости пропадем, это задержит революцию. Надолго. Возможно, на годы. Каждый из них (показывает на своих товарищей) — драгоценность. Спичка, от которой может запылать пожар на весь мир.

Игла (тоже смотрит на играющих, на Снегиря): Этот мальчик тоже спичка?

Оживленное лицо Снегиря, совсем детское.

Дитя революции (флэшбэк)

Каменный городской двор-колодец.

Солнце сюда не проникает, на мощеной земле ни травинки. Во дворе гуляет мальчик лет семи-восьми (это маленький Снегирь — он должен быть узнаваем; для этого, может быть, имеет смысл ввести какую-то особую примету — веснушки, что ли), играет один. Размахивает палкой, воюет с какими-то воображаемыми чудищами. Рядом большая дворняга — нервничает, лает на него. Мальчик время от времени поглядывает на открытое окно, улыбается.

Это окно кухни. Там молодые мужчина и женщина: у нее милое, ясное лицо; он бородатый, очкастый, тоже весьма славный. Что-то делают у плиты.

На первый взгляд идиллия: счастливая молодая семья, папа помогает маме готовить.

В кухне.

Мать поглядывает во двор, держа пинцетом стеклянную трубочку, в которую Отец капает из пипетки прозрачную жидкость. На столе рядом — корпус бомбы.

Здесь подробности изготовления бомбы пока не нужны, достаточно, чтобы зритель уяснил себе, какое это опасное занятие.

Отец: Маша, не отвлекайся. Не суп же варим. Держи крепко, но нежненько... Стекло треснет — конец... Так, теперь нитроглицеринчику... Осторожненько... Вот та-ак...

Во дворе собака набрасывается на мальчика, вцепляется зубами в палку, рвет.

Мать: Коленька!

Делает порывистое движение. Пинцет переломил стеклянную трубку. Жидкость капнула в корпус бомбы, наполненный гремучим студнем.

Вид из двора: яркая вспышка взрыва в окне.

Квартира приват-доцента. Кабинет

Лицо Грина, вспомнившего эту историю.

Грин: Нет, Снегирь пока еще не спичка. И на акцию сегодня я его не брал. Но он из особенной семьи, сын бомбистов. Продукт селекции...

Игла смотрит на обмотанный тряпкой кулак, которым Грин вышиб окно.

Игла: Скажите, как вам удалось подобраться к Храпову? Вы просто волшебник!

Грин смотрит на нее в упор.

Грин: Эс-Дэ-Дэ.

Игла: Что?

Грин смотрит все так же испытующе.

Грин (после паузы): Значит, не вы. А я думал, не из Москвы ли.

Игла: Что вы такое говорите?

Грин: Вчера получил записку. «В Москве за безопасность Храпова отвечает статский советник Эраст Петрович Фандорин. Худощавый, высокий, тридцать пять лет, брюнет, седые виски, заикается. Действуйте». И подпись — как раньше: СДД.

Игла: Что значит «как раньше»?

Грин: Когда мы казнили жандармского генерала Селиванова и уральского губернатора Богданова, сначала тоже были письма. Всякий раз — непонятно откуда, но сведения самые точные. Селиванова достали на конспиративной квартире, одного. Богданова — когда выходил от любовницы. И каждый раз подпись: СДД.

Игла: Что это — СДД?

Грин: СД — вероятно «социал-демократический». А «Д»... Доброжелатель? Не знаю. Возможно, кто-нибудь из полиции или жандармерии. Сражался с революционной заразой да сам заразился. Такое случалось. Мы ведь заразные. Особенно для людей с совестью.

Картежники зашумели.

Снегирь: Емеля, у него туз в рукаве! Вон, гляди!

Емеля: А, фармазонщик! Самого тебя на конюшню!

Обхватывает Рахмета за плечи.

Емеля: Лупцуй его нещадно!

Снегирь с хохотом поднимает карты, но Рахмет ловко выскальзывает из Емелиных лапищ, отбегает от стола.

Рахмет: Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от вас, болванов, и подавно.

Насвистывая, прогуливается по кабинету, разглядывает реторты и склянки. Среди склянок — разные кислоты, в том числе серная. Рахмет постепенно приближается к Игле и Грину. Емеля и Снегирь продолжают играть вдвоем.

Игла: СДД... Нет, вряд ли кто-то московский. Я бы знала.

Грин: Вы сказали, на Поварскую к Инженеру нельзя — ненадежен. Попал под наблюдение? Или...

Игла: Или. Провокатор. Сомнений нет. Проверено.

Рахмет (он уже подошел близко и слышал конец разговора):
Кто провокатор?

Игла: Инженер Ларионов, у которого я собиралась вас разместить. Поварская, двадцать восемь.

Рахмет: Так кончить его, крысятину. Грин, золотце, отпусти погулять. Ты-то нынче молодцом, а мне что, пассажирствовать? Я его, птички-бабочки, так сделаю — другим иудам неповадно

будет. Я мигом, честное драгунское: одна нога здесь, другая там.

Грин: Нет. Сидеть тихо. Отсюда носа не высовывать. У нас карантин.

Рахмет: Эх, скучный ты человек, Грин.

Отходит, разглядывает полку с химикатами.

Грин: Почему у вас такая кличка — Игла?

Она достает из узла волос на затылке длинную острую заколку.

Игла: Вот. Надо проткнуть вот здесь (*показывает место на шее*), меня научили. Мгновенная смерть.

Грин: Зачем? Не доверяете себе?

Игла: Боюсь. Тюрьмы боюсь. Каменный мешок. (*Передергивается. Потом как бы оправдываясь.*)

Клаустрофобия — знаете? Страх замкнутого пространства. Сойду с ума, наболтаю лишнего. У каждого свои страхи и слабости. Просто надо их знать и быть готовым. Разве вы ничего не боитесь?

Грин (помолчав): Предательства. Всё, идите. Сообщите в центр. С вами связь по телефону или на Сухаревке, как условлено.

После слов «Всё, идите» Игла от неожиданности вздрагивает — очень уж резко закончился разговор.

Грин перестает обращать на нее внимание. Встает, идет к двери. Игла смотрит ему вслед с явной неприязнью. Качает головой. Смысл этого жеста: хоть и герой, а какой неприятный субъект, сухарь.

Игла порывисто поднимается.

Квартира приват-доцента. Кухня

За столом сидит Аронзон. Перед ним книга, но приват-доцент не читает. Он нервничает. То и дело оглядывается на дверь — прислушивается к звукам.

Дверь открывается, входит Грин. Он хочет присмотреться к хозяину квартиры получше.

Грин: Не успели поговорить. Мы вас стеснили, понимаю. Вы ведь даже не член партии.

Аронзон (поднимаясь): Нет. Я, собственно... Прошу, присаживайтесь.

Грин: Постою.

Он всё время сосредоточенно смотрит на приват-доцента.

Аронзон: Я вообще не сторонник насилия. Хотя министр Храпов, конечно, был негодяй... То есть поймите меня правильно — вы можете находиться здесь сколько вам понадобится. Я как порядочный человек и вообще... Опасаться нечего, у меня никто и не бывает. Прислугу вот отпустил, в деревню. Вроде отпуска...

Грин: Вы ведь химик?

Аронзон (настороженно): Да, кандидат. А что? Прошу простить, но если вы в смысле изготовления взрывчатых веществ, то это нет, это увольте. Я не из страха, просто это противоречит моим...

Грин поднимает палец, прислушиваясь.

Поворачивается, быстро выходит.

Квартира приват-доцента. Кабинет

Емеля стоит у книжного шкафа. Уткнулся носом в пухлый томик. Видно заголовок: «Граф Монте-Кристо».

Снегирь смотрится в зеркало, дергает пушок на верхней губе.

При появлении Грина краснеет, убирает руку.

Грин: Я слышал — входная дверь. Где Рахмет?

Снегирь: Сказал, воздухом подышит.

Грин выбегает на лестницу. Внизу громко хлопнула дверь. Грин сердито дергает головой. Возвращается в кабинет. Обводит взглядом комнату.

На полке, где стоят склянки с химикатами, прореха. Исчезла серная кислота.

Грин: Уходим. Сейчас же.

Снегирь (изумленно): А Рахмет?

ЭПИЗОД 8. Защитники престола

Жандармское управление. Вход.

У казенного желто-белого здания останавливается пролетка (или щегольские сани-канадка). Перед ступенями полосатая будка, в ней дежурит жандарм.

Из пролетки выходит ЭП. Он в шубе, цилиндре. Царапина на щеке припудрена и почти незаметна. Жандарм берет под козырек.

ЭП легко взбегают по ступеням.

Жандармское управление. Коридор

Фандорин быстро идет по широкому коридору. По обеим сторонам двери. На некоторых таблички: «Телеграфный пункт», «Самоварная», «Картотека», «Реквизитное депо», «Фехтовальный зал». Другие двери открыты или приоткрываются, когда кто-то входит-выходит.

То и дело пробегают люди в синих мундирах и статском — вид потревоженного муравейника. Почти все кланяются Фандорину или почтительно с ним здороваются. Он отвечает вежливыми кивками.

Дверь с табличкой «Агентурная служба».

ЭП на миг останавливается — решает, сейчас заглянуть к Мыльникову или после.

Сейчас. Стучит, но дверь обита кожей — не слышно. ЭП открывает, остается на пороге.

Кабинет Мыльникова

Виден простецкий, без затей и изысков кабинет, стены которого сплошь увешаны фотографиями политических преступников в фас и профиль; небольшой портрет государя меж ними смотрится двусмысленно.

Вдоль стен шеренгой выстроены старшие филерских бригад, каждый в соответствующем наряде: бригадир «дворников», «извозчиков», «зевак», «газетчиков», «мастеровых», «падших женщин» (это размалеванная девица), «половых», «швейцаров».

Сам Мыльников, в котелке, прохаживается вдоль шеренги, негромко разговаривая. Фандорина он то ли не замечает, то ли притворяется, что не замечает.

МЫЛЬНИКОВ: ...Мелочи, вся штукovina в мелочах. Вот твои, гостиничные (*обращается он к швейцару*), пускай по корзинам в номерах пороются. Золотое дно — мусорные корзиночки. Обрывочек какой, тряпочка со следами ружейного масла, пузырек из-под химиката. На вас, дамочки (*это уже «гулящей»*), особая надежда. Революционер тоже человек, у него во время теракта всё поджигается и опускается, зато потом-то, после эдакого страха, от облегчения героя-революционера непременно на бабу потянет. Всех своих на улицу да по кабакам выпусти. Особое внимание брюнетам высокого роста, с тонкими чертами лица, худощавого телосложения...

«Гулящая» заинтересованно оглядывает худощавого брюнета с тонкими чертами лица, что стоит в дверях.

ЭП: Нет-нет, мадемуазель. Я не тот, кто вам нужен.

МЫЛЬНИКОВ (*обернувшись*): Господин статский советник! Вот-с, провожу летучее совещание с начальниками филерских бригад.

Фандорин пристально оглядывает пеструю компанию. Мыльников смотрит на него вроде бы почтительно, и все же профессиональным, цепким взглядом видавшего виды волка.

ЭП манит Мыльникова пальцем в коридор. Выходят.

ЭП: Это те люди, которые должны были обеспечивать безопасность Храпова?

МЫЛЬНИКОВ: Точно так-с. Не считая мундирных.

ЭП: Вы им сообщали, что общее руководство было поручено мне?

МЫЛЬНИКОВ: Никак нет. Не имею привычки говорить людям то, что им знать необязательно.

ЭП: Быть может, говорили обо мне с кем-то иным?

МЫЛЬНИКОВ: С господином полковником. Ну и поручик Смольянинов был осведомлен, по своей адъютантской должности. Более никто-с.

ЭП (*резко*): За исключением Боевой Группы. Получается, Мыльников, что один из вас троих предатель. Или б-болтун. Кто? Смольянинов, Бурчинский или вы?

МЫЛЬНИКОВ (*обиженно*): Я, ваше высокородие, в болтливости не замечен. Предавать тоже не с руки — за мои дела от господ революционеров мне потачки всё одно не будет.

ЭП (*иронически*): Отлично. Круг подозреваемых всё уже и уже. Остаются д-двое. Который из них: Смольянинов или Бурчинский?

МЫЛЬНИКОВ (*задумчиво*): Мальчишка, конечно, мог где-нибудь ляпнуть — больно зелен. Или, к примеру сказать, втрескался в нигилистку, тоже бывает... А что до господина полковника...

ЭП: Ну. Начали, так договаривайте.

МЫЛЬНИКОВ (*делает вид, что конфузится подставляя начальника*): В нашем агентурном деле нельзя без осведомителей из числа революционеров. Мы таких называем «сотрудниками»...

ЭП: Наслышан.

МЫЛЬНИКОВ: Есть преценные. Большие деньги получают и у начальства на особом счету. С такими и отношения особые. (*Подчеркивает последнее слово интонацией.*) Вы меня понимаете?

ЭП: Особые отношения? Интимные, что ли? Вы намекаете, что полковник Бурчинский ради блага отечества жертвует собой и вступает в м-мужеложеские отношения с революционерами?!

МЫЛЬНИКОВ (*испуганно*): Ну почему обязательно мужеложеские? Среди «сотрудников» есть и барышни, притом недурной наружности. Вот и у Станислава Иваныча имеется такая особенная сотрудница. Очень уж он ее бережет, никого не подпускает. Звать — Диана, больше ничего не знаю. Таинственнейшая особа. Уж не сболтнул ли ей господин полковник лишнего.

ЭП смотрит на Мыльникову с некоторой брезгливостью, отлично понимая, что тот копает яму начальнику.

ЭП (*сухо*): Хорошо. Продолжайте работать.

Дальнейшего прохода ЭП по управлению мы не видим. Сразу дверь с табличкой «Начальникъ губернскаго жандармскаго управленія полковникъ Бурчинскій».

Приемная начальника управления

За столом возле телефонного аппарата сидит адъютант, поручик Смольянинов. При виде Фандорина вскакивает.

Смольянинов: Здравия желаю, господин статский советник.

ЭП: У себя ли Станислав Иванович?

Смольянинов: Так точно. *(Понизив голос.)* Ужас что творится. Только что звонил шеф Жандармского корпуса, а перед ним директор департамента полиции. Станислав Иванович сердечные капли пил.

ЭП кивает, идет к двери кабинета, потом, как бы вспомнив что-то, останавливается.

ЭП: Я всё хочу спросить, поручик, а почему вы перевелись из гвардии в жандармы?

Смольянинов: Да что там хорошего, в гвардии. Парады да попойки, скука. А в жандармском интересно. Секретные задания, агентурные операции, террористы. В прошлом месяце в Новогирееве анархиста брали, помните? Целый час отстреливался, двоих наших ранил. Меня тоже чуть не задело, вот здесь *(показывает на висок)* вжикнуло. *(С сожалением.)* Еще бы полвершка, и шрам был.

ЭП: А не задевает вас неприязнь, с которой к синим мундирам относится... определенная часть общества?

Смольянинов: Я на это внимания не обращаю, потому что служу Родине и моя совесть чиста. Если не защищать государство от лихих людей, всё же развалится! А неприязнь — что неприязнь. Зубных врачей вон тоже никто не любит, а как без них?

ЭП смотрит на поручика с интересом.

ЭП: Стало быть, вы — д-дантист? Выдираете гнилые зубы?

Смолянинов (*смущенно*): М-да, неудачно сравнил. Человек, конечно, не гнилой зуб... Я что хочу сказать. Мы не какие-нибудь каратели, мы защитники. Недаром ведь эмблема Жандармского корпуса — белый платок для утирания слез страждущих.

ЭП (*качнув головой*): П-платок? Белый? Угу. (*Оно же «ага» и «хм» — в общем, утвердительное междометие, означающее «ах вот как».*) Кстати, поручик, где вы провели минувшую ночь?

Смолянинов (*вздрыгнув*): То есть... как где. Дома, разумеется.

ЭП: Не думаю. Бриллиантин на вашей замечательной куафюре не обновлен (*поручик непроизвольно дотрагивается до волос, которые и в самом деле сияют не так, как накануне, да и гладкости поубавилось*), усы подкручены не так браво, как вчера, — пообвисли (*поручик хватается за усики, по сравнению со вчерашним днем подутратившие симметричность*). Опять же подворотничок не столь ослепителен, как обычно. (*Поручик дотрагивается до воротничка.*) Если речь идет о чести дамы — можете не отвечать. (*Прищурившись.*) Хотя вряд ли — мундир со вчерашнего дня вы не снимали, этот волосок я заметил еще вчера.

Двумя пальцами снимает волосок с воротника поручикова мундира — волосок был как раз на том месте, где застегиваются крючки.

Смолянинов (*покраснев*): Вас не обманешь... Я и в самом деле дома не был. (*Опускает голову — ему стыдно.*) Ходил по маршруту, которым должны были везти Храпова. Думал, откуда могут напасть террористы и еще... (*совсем тихо*)

представлял, как я его спасу. Всю дорогу, аршин за аршином, изучил, а не понадобилось...

Фандорин (*бросив на поручика внимательный взгляд*): Что ж, такое рвение похвально.

Постучав, открывает дверь кабинета.

Кабинет начальника управления

Бурчинский с расстегнутым воротом, красный (или, наоборот, бледный), стоит у карты Москвы, которая вся утыкана разноцветными флажками. В руке у полковника еще один флажок — кажется, Бурчинский никак не решит, куда его воткнуть.

Бурчинский: А, Эраст Петрович. Как кстати. Скажу честно — я в отчаянии. Завтра приедет генерал Пожарский и разгонит нас всех к чертовой матери. Вся надежда на ваш аналитический талант. Операция «Перехват» ничего не дала. Думаю поставить пикеты вот здесь, у застав, и, может быть, на основных трактах. Так сказать, расширить кольцо. Ваше мнение?

ЭП: Не расширить нужно, а сузить. Вы говорили кому-нибудь о том, что в Москве за б-безопасность Храпова отвечаю я?

Бурчинский: Нет... То есть, Мыльников знал... Еще адъютант.

ЭП: А кто-нибудь из ваших осведомителей?

Бурчинский (*поспешно*): Зачем? С какой стати?

Фандорин смотрит на него в упор. Полковник явно нервничает.
Пауза.

Бурчинский: Господин статский советник, ваше раздражение вполне понятно. Я уже принес вам свои искренние, смиреннейшие извинения за казус с арестом. Готов их повторить. Клянусь вам, я ни на минуту не усомнился в том...

ЭП (перебивает): Известна ли вам некая т-таинственная особа по имени Диана?

Бурчинский меняется в лице.

Бурчинский: Я... я не вправе обсуждать своих «сотрудников» ни с кем, даже с вами. Так предписывает инструкция.

ЭП: Сейчас не до инструкций. Мне нужно видеть эту женщину.

Бурчинский (после паузы): Эраст Петрович, вы должны понять, это совершенно исключительный случай... Госпожа Диана не получает от нас денег, работает из одной только преданности отечеству, сведения дает наиценнейшие, но взамен выдвигает очень строгие требования... Тут нужна особая деликатность, соблюдение правил игры, иначе... Никто, кроме меня, к ней доступа не имеет... И даже я никогда не видел ее лица.

ЭП: Как так?

Бурчинский (поколебавшись): Хорошо, я вызову ее на конспиративную квартиру. Сами увидите.

ЭПИЗОД 9. Шепот в темноте

Перед домом Дианы.

ЭП и Бурчинский (он переоделся в штатское) стоят перед запертой дверью.

В окне мезонина качнулась занавеска.

ЭП: Долго нас еще будут лорнировать? Позвоните снова.

Бурчинский: Немного терпения... (*Задрав голову, громко.*)
Диана, нам нужно поговорить!

Из открытой форточки вылетает ключ.

Бурчинский подбирает его, открывает дверь.

Бурчинский (облегченно): Уф, а могла не пустить... Дама с норовом.

Лестница в ломе Дианы

Бурчинский и ЭП поднимаются по узкой деревянной лестнице в мезонин. В доме царит полумрак.

Бурчинский (на ходу, полуобернувшись, приглушив голос): Помните же, вы дали слово, что не попытаетесь зажечь свет и уйдете по первому ее требованию.

ЭП: Прямо пещера Лейхтвейса. Ну хорошо, хорошо...

Коридор мезонина и комната Дианы

Оба останавливаются в коридоре перед дверью. Бурчинский стучит. Изнутри доносится некий странный шелест, после чего полковник, сняв шляпу, входит. ЭП за ним.

Темная комната с задвинутыми шторами. Тиканье часов. Мир, сплошь состоящий из теней и силуэтов.

Не сразу среди силуэтов можно различить женщину. Она сидит в кресле у окна. На ней широкополая шляпа, под шляпой — черная бархатная маска с вуалью. Всё, что видит зритель во время последующего разговора, — тонкий профиль или мерцание глаз в прорезях. Камера то и дело выхватывает из полумрака некие детали интерьера этой зловещей комнаты. Предположим, такие: череп, стоящий на туалетном столике (если нужно, чтобы было какое-то освещение, в глазницах черепа может гореть свечка); какая-нибудь постимпрессионистская картина с василиском или драконом; абжур в виде двух переплетенных змей; китайская ваза с изображением паука или спрута. *В общем, чем больше прямолинейной инфернальности, тем лучше — это в стиле Дианы.*

Диана (она все время говорит громким, свистящим шепотом): Что за срочность, Станислав Иванович? Зачем вы привели этого человека? Хотите, чтобы я исчезла?

Бурчинский (тоже шепотом): Это статский советник Фандорин, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе. Он расследует обстоятельства гибели министра Храпова.

Диана (показывает на диван): Сядьте там... (Придушенно смеется.) Как же, как же, личность известная... Что ж вы, ваше высокородие, начальство — кинжалом? Нехорошо.

ЭП (громко): Откуда вы знаете подробности убийства? Г-газеты еще не вышли, да и не будет про это в газетах.

Диана (насмешливо): У революционеров свои телеграфы.

ЭП (по-прежнему не снижая голоса): Ну а все же? Нельзя ли поточнее?

Бурчинский (извиняющимся тоном): Диана, вы даже не представляете себе, до какой степени это важно.

Диана: Отлично представляю. За Храпова вас с Эрастом Петровичем погонят с насиженных мест пыльным веником. (Смеется.)

ЭП резко приподнимается, хочет подойти к Диане, но полковник хватает его за руку.

ЭП: Так-так. Вам известно мое имя и отчество. Откуда?

Бурчинский: Эраст Петрович, вы же обещали!

Диана: Вы в Москве персонаж известный. О вас много говорят.

ЭП: В самом деле? И Станислав Иванович вам тоже про меня рассказывал?

Диана смеется своим жутковатым свистящим смехом, на вопрос не отвечает.

Бурчинский (*поспешно*): Что вы, Эраст Петрович, что вы. Как вы могли подумать?

ЭП (*Диане*): Вы не ответили, кто именно вам пересказал подробности убийства. Я жду.

Диана (*порывисто поднявшись*): Я у вас на жалованьи не состою и отчетов давать не обязана! Вы забываетесь!

ЭП: Отвечайте.

Пауза.

Диана: Хорошо, я отвечу. Но после этого вы немедленно удалитесь. И больше, Циклоп Иванович, не смейте ко мне приводить этого господина!

Бурчинский: Да-да, мы сейчас уйдем. Ради Бога, кто вам сказал?

Диана: Подумаешь, тайна. Все наши обсуждают детали акции захлеб и ликуют. Сегодня в восемь у инженера Ларионова будет вечеринка по этому поводу. Наведайтесь. Если повезет — сцапаете кого-нибудь из нелегальных. А теперь — милости прошу.

Поворачивается спиной. Стройный силуэт на фоне завешенного белой шторой окна.

Перед домом Дианы

ЭП и Бурчинский выходят на крыльцо. Потом идут через заснеженный двор, по улице.

ЭП: Почему вы не спросили адрес этого Ларионова?

Бурчинский (*самодовольно*): Потому что инженер Ларионов — наш агент, и адрес мне отлично известен. Поварская, 28. Хлебосольный человек. Вкусно кормит, щедро поит. За наш

счет, разумеется. Разговоры про светлое будущее, прокламации, то-сё. А мы гостей записываем, приглядываем за ними.

ЭП (поморщившись): Но ведь это провокация.

Бурчинский (он окрылен и оттого стал менее почтителен): Извините, Эраст Петрович, вы, конечно, авторитет в сфере криминалистики, но в нашем охранном ремесле мало что понимаете. У нас своя специфика. Без профилактических мер никуда.

ЭП: Полагаю, действовать нужно так. Отрядить самых опытных агентов. Проследить за каждым из участников сходки. Возможно, выйдем на след.

Бурчинский: Ничего этого не нужно. Времени нет. Арестую всех голубчиков, да тряхану каждого. Авось ниточка и протянется.

ЭП: Арестуете? Но на каком основании?

Бурчинский: А на том, что завтра приедет Пожарский и нас с вами в самом деле попрут к чертовой бабушке. Нужны розыскные действия, результат нужен.

ЭП (остановившись): Не забывайте, полковник, вам предписано выполнять мои указания.

Бурчинский: Кем предписано? Генерал-губернатором? Да его завтра самого в отставку отправят. Нет уж, тут каждый за себя. Хотите присутствовать при операции — извольте. Но не мешайте работать профессионалам.

ЭПИЗОД 10. Профессионалы

Перед домом Ларионова.

Улица, освещенная газовыми фонарями. Одноэтажный дом, выходящий дверью на улицу. Окна плотно завешены шторами.

Доносятся приглушенные звуки пианино, играющего что-то бравурное.

К фонарю, расположенному напротив одного из окон, приставлена лестница. Мастеровой возится со стеклом. Второй, зевая и крестя рот, стоит внизу, держит запасной стеклянный колпак. Первый покрикивает на него: «Да не спи ты, Вязьма». На скамейке сидит выпивший парень, лениво растягивает гармонь. Еще двое сидят перед ним на корточках, время от времени громко гогочут.

Дворник меланхолично тюкает ломом, сбивая наледь.

Сбоку от дома, на пустыре, выстроена внушительная снежная крепость.

По улице медленно едет извозчик, в санях двое седоков. Один негромко говорит голосом Бурчинского.

Бурчинский: Ишь, революционная масленица (*это он про музыку*). Без одной минуты. Сейчас начнем.

Второй седок — Фандорин.

ЭП: А если станут прыгать в окна, уйдут д-дворами?

Бурчинский (усмехнувшись): У Мыльников не уйдешь... Всё, время. (*Извозчику.*) Давай!

Извозчик (зычным басом кричит на лошадь): Балуй, дура!

В ту же секунду ритм и темп меняется.

Тихая улица превращается в настоящий муравейник. Все, кого мы видели, — и мастеровые, и дворник, и пьяные парни, плюс еще десятка полтора людей, которых зритель не заметил (из снежной крепости, из теней, из-за деревьев), бегут к дому. Каждый знает свое место. Под окнами встает по агенту. Человек десять (впереди виден Мыльников в своем всегдашнем котелке), с револьверами в руках, вламываются в дверь.

В квартире Ларионова

Показать, как жестко и грамотно проводится захват. Никакого девятнадцатого века, никаких «Господа, вы арестованы». Агенты молча вламываются в прихожую, откуда основная часть врывается в освещенную гостиную, где обрывается звук пианино, доносится грохот, бешеный крик «Сидеть!!!». Двое агентов бегут налево по коридору, двое направо.

Мыльников (*пропустив своих людей вперед, кричит вслед тем, что побежали влево*): Про нужник не забудьте, черти!

Мыльников входит в комнату. Бурчинский и Фандорин пока смотрят из коридора.

В комнате за накрытым столом (бутылки, довольно обильная закуска), ооченев от неожиданности, сидят члены кружка. У каждого за спиной, приставив к голове револьвер, стоит агент.

На полу, тихо всхлипывая от шока, лежит мужчина. Обезумевшее от ужаса лицо щекой прижато к полу, изо рта стекает кровь. Над лежащим, уперев ему в спину колено и приставив револьвер к затылку, — агент.

Бурчинский (*Фандорину, тихо, с гордостью*): Профессионалы захвата.

Камера быстро пробегает по остальным лицам участников сродки, которые из-за игры света и теней, а также из-за испуга, искажившего черты, выглядят несколько гротесчно. Это, собственно, не настоящие революционеры, а любители революционных разговоров. В этот миг мы видим их глазами охранителей порядка, и зрелище получается довольно неприглядное. При переходе от лица к лицу впечатление некоторого босхианства усиливается.

Хозяин, инженер Ларионов: этакий чеховский интеллигент при пенсне и бородке клинышком — лицо симпатичного, но слабовольного человека.

Тщедушный, плюгавый студент моргает глазами, губы трясутся.

Барышня, «синий чулок», в очочках, очень некрасивая.

Другой студент, жирный и неопрятный, застыл с рюмкой и вилкой в руке. На вилке — соленый рыжик, рот разинут.

Господин с бабьим лицом, жидкой скопческой бородкой, в толстовке. Сидит, втянув голову в плечи.

Романтический красавец в стиле Рудина, с пышной шевелюрой — всем был бы хорош, но очень уж перетрусил: держит в руке чашку с чаем и не замечает, что чай льется на скатерть.

На углу, повернувшись в профиль, наконец, сидит женщина некарикатурного вида: спокойное, красивое лицо с тонкими чертами. Но вот она повернулась в фас и — о ужас! — видно, что вся вторая половина лица у нее закрыта уродливым родимым пятном.

Это апофеоз босхианства.

Предлагаемая сцена революционного паноптикума помимо сюжетной функциональности, которая станет ясна позднее (при развязке линии Дианы), играет роль некоторого поддразнивания зрителей, обманного маневра. Ага, скажет себе зритель, отношение режиссера к революционерам понятно: они для него сплошь уроды и исчадия ада, режиссер не за «красных», а за «белых».

Ларионов (приподнимаясь): Однако, что за произвол! Я хозяин, инженер Ларионов! У меня именины...

Агент, стоящий у него за спиной, бьет инженера рукояткой по ключице, и Ларионов, вскрикнув, оседает на стул.

Один из агентов, кинувшихся налево по коридору, вводит в комнату мужчину, согнутого в три погибели, — у него завернута за спину рука. Арестованный мелко переступает — штаны сползли на щиколотки, видно белые кальсоны.

Агент: Вот, с толчка снял. (Толкает задержанного на свободный стул. У арестованного нервная икота.)

МЫЛЬНИКОВ: Я вам дам «именины», тараканье семя. Кончились шутки! Хватит! *(Подлетает к тщедушному студенту, трясет его, страшным голосом кричит.)* Что скалишься, тварь?! У всей державы горе, а тебе хи-хи?

Тщедушный студент: Я не... Я вовсе...

В комнату из коридора входит Бурчинский.

Бурчинский: Евстратий Павлович, возьмите себя в руки. Надо ведь в людях разбираться. Вы же видите, нам дали неточные сведения. Это никакие не террористы, а вполне приличная публика. *(Понижает голос, но так, чтобы было слышно.)* И потом, я же просил вести себя при задержании по деликатней. Зачем это — револьвером в зубы *(кивает на лежащего)*, руки заламывать? Право, нехорошо.

МЫЛЬНИКОВ: Эх, Станислав Иваныч, моя бы воля, я бы с этой сволочью по-своему потолковал. Дайте мне их на полчаса — соловьями запоют, честное благородное.

Бурчинский: Еще не хватало. Я ваши методы знаю. *(Повернувшись к задержанным.)* Господа, вы должны извинить чрезмерное рвение моих людей. У нас большая беда: злоумышленник из так называемой Боевой Группы убил министра Храпова, кинжалом прямо в сердце... Не вижу удивления на ваших лицах. Вам уже известны эти подробности? Что ж, об этом и поговорим, с каждым по отдельности. Если не возражаете.

МЫЛЬНИКОВ (свирепо): «Если не возражаете». Черт!

Яростно пинает ногой стул, отворачивается. Подмигивает Фандорину, который наблюдает за этой нехитрой интермедией с ироническим выражением лица.

Задержанные провожают грозного человека испуганными взглядами.

Женщина с родимым пятном (*вскакивает, звонко кричит*):
Сатрапы! Мерзавцы! Пала...

Агент, стоящий у нее за спиной, берет ее за горло на зажим.
Женщина сипит.

Бурчинский (*насмешливо поаплодировав*): Браво, мадемуазель, вы прекрасны. Просто «Свобода на баррикадах». (*Мыльникову.*) Ну и баранина. Только бабы на что-то и способны. Да и то, если уродины.

Ненавидяще сузившиеся глаза женщины с родимым пятном. В этот миг за спиной полковника из-за пианино выглядывает хорошенькая барышня, которая, очевидно, успела юркнуть за инструмент и потому осталась незамеченной. Это Эсфирь Литвинова. Ее глаза горят праведным негодованием.

Пальцы Эсфири, расстегивающие ридикюль. Перламутровая рукоятка дамского револьверчика.

Эсфирь вытягивает руку с револьвером, целя в Бурчинского. Фандорин с короткого разбега делает огромный прыжок, отталкивается ногой от пола, другой в полете бьет по револьверу, выбив его из руки барышни. Приземляется очень ловко, по-кошачьи.

Этот японский трюк, для зрителя первый, должен быть совершенно неожиданным и почти сверхъестественно эффективным. ЭП раскрывается с неожиданной стороны. Оказывается, у этого чистоплюя-аналитика в критические моменты обнаруживается тигриная хватка.

Гремит выстрел, с потолка сыплется штукатурка. Бурчинский, немужественно вскрикнув, садится на корточки и обхватывает голову руками. Агенты стремительно поворачиваются к Эсфири, готовые изрешетить ее пулями, но Фандорин уже прикрыл ее собой.

Бурчинский: Ах так?! Так?! Сука, убью на месте!

Выхватывает револьвер, причем руки у него трясутся, дуло застревает в кармане.

Мыльников хватает начальника за руку.

Мыльников: Станислав Иваныч! Она живая нужна! Ребята, берите!

Двое агентов выволакивают барышню из-за пианино, держат за плечи.

Фандорин отступает в сторону.

Бурчинский (*задыхаясь*): Кто... такая? Как твое имя?

Эсфирь: На «тыканье» отвечать не буду.

Мыльников (*терпеливо*): Как вас зовут? Имя, звание.

Эсфирь: Эсфирь Авессаломовна Литвинова. Дочь почетного гражданина.

Мыльников (*Бурчинскому*): Дочь банкира Литвинова. Того самого.

Бурчинский: Хоть Ротшильда! На каторгу пойдешь, мерзавка! Там тебя жидовскими кошеррами кормить не станут!

Эсфирь: Скотина. В морду захотел, как Храпов?

Пауза. Бурчинский смотрит на барышню с ненавистью, но напоминание об участии Храпова подействовало.

Бурчинский (*отвернувшись, Мыльникову*): Всех в предварилровку. А эту в допросную. Она-то нам, похоже, и нужна. (*Громко.*) Увозите!

ЭП (*делает шаг вперед*): Никого увозить я не позволю. Ваша профессия — захват, а моя п-профессия — соблюдение законности. На каком основании задержаны эти люди? Где улики, где факты?

Бурчинский молчит — от неожиданности утратил дар речи.

ЭП (задержанным): Вы свободны, господа. От имени генерал-губернатора приношу вам извинения за действия полковника Бурчинского.

Бурчинский: Это неслыханно! Да на чьей вы стороне?

ЭП: Я — на стороне закона. А вы?

Бурчинский (агентам): Ладно. Забирайте Литвинову и едем. (Гостям Ларионова.) Смотрите у меня, объедки. Всех наперечет знаю.

Агенты ведут Литвинову к выходу. На статского советника Бурчинский не смотрит.

ЭП: И госпожу Литвинову тоже придется отпустить.

Бурчинский оборачивается. Смотрит на Фандорина недоверчиво.

Бурчинский: Да ведь она в меня стреляла! В должностное лицо! Находящееся при исполнении! Это же висельное дело!

ЭП: Она в вас не стреляла. Это раз. О том, что вы должностное лицо, знать не обязана. Вы ведь не в мундире. Это два. Про исполнение же лучше вовсе не поминать. И это три. Вломились в дом, не назвали. Я бы на месте этих господ принял вас за н-налетчиков. (*Эсфири.*) Сударыня, вы ведь могли принять этого человека за бандита?

Эсфирь (нахально): А разве он не бандит? Кто вы вообще такие? И почему вы назвали этого хама «полковником»?

Бурчинский (горько): Эх, Эраст Петрович, господин статский советник... Дочистоплюйничаетесь.

Безнадежно машет рукой. Идет к выходу. Агенты, переглянувшись, тянутся за ним.

Мыльников выходит последним. На пороге оборачивается, смотрит на всех с улыбкой. Отчески грозит участникам сходки пальцем. Исчезает.

Ларионов (гостям): Господа, через кухню. Вон туда.

Гости Ларионова моментально устремляются к черному ходу. В комнате остаются ЭП, инженер и Эсфирь.

Эсфирь (*саркастически*): Это у вас инсценировка такая? Bravo! (*Хлопает в ладоши.*) Что по вашей пьесе должно последовать дальше? Благодарная девица падает на грудь избавителю и открывает ему душу? Тоже еще гуманист выискался! Такие, как вы, вежливые, лощеные, еще хуже, чем откровенные держиморды! Во сто крат опасней! Ничего, никто из вас не спрячется от народной мести!

ЭП (*несколько обескураженный таким напором*): Да я, собственно, не п-прячусь. Мое местожительство указано в любой адресной книге: Фандорин, статский советник.

Эсфирь: А-а, тот самый Фандорин, раб лампы!

ЭП: Какой еще лампы, мадемуазель?

Эсфирь: Древней, из которой песок сыплется! Под названием «его сиятельство генерал-губернатор»! Служите ему, как верный джинн!

ЭП: Я служу вовсе не лампе, а отечеству.

Эсфирь: Да ну вас!

Запальчиво машет на Фандорина рукой, идет к выходу.

ЭП нагибается за чем-то, окликает ее.

ЭП: Мадемуазель Литвинова!

Эсфирь (*обернувшись*): Ага! Я так и знала! Вы и не думали меня отпускать!

ЭП (*с поклоном, протягивает ей револьверчик*): Вы забыли ваше оружие.

Эсфирь брезгливо, двумя пальцами, берет револьвер. Уходит.

ЭП смотрит ей вслед с интересом — но не более того. Оборачивается к хозяину, который всё это время стоял с несчастным, потерянным видом.

ЭП: Господин Ларионов, мне известно о ваших отношениях с Охранкой.

Ларионов (вздрагнув): Да-да. Спрашивайте. Только я ничего не знаю. Никого серьезного у меня сегодня не было. Так, сочувствующие... *(Зябко передергивается.)* Застрелиться, что ли?

ЭП (тоже вздрагнув): Простите?

Ларионов (доверительно): Не сплю по ночам. Совсем. Забудусь на минуту и тут же слышу: стук-стук. Словно в дверь стучат. Ага, думаю. Это за мной пришли. Интересно, которые — те или эти. Так и дергаюсь всю ночь: стук-стук, стук-стук.

В этот миг раздается отчетливый стук в дверь.

Ларионов (нервно рассмеявшись): Припозднился кто-то. Всё веселье пропустил. Я быстро спроважу, а вы пока побудьте вон там. *(Показывает на дверь кабинета.)* А то объясняйся потом, кто да почему.

ЭП выходит в кабинет, оставив дверь приоткрытой. Слышатся голоса.

Голос Рахмета: И не передавали, что мы у вас остановимся? Странно, странно, честное драгунское.

Фандорину неловко подслушивать — он разглядывает кабинет, но следующая реплика заставляет его вздрогнуть и заглянуть в щелку.

Видно спину инженера, который загораживает собой вошедшего.

Ларионов (говорит нервно и громко, чтобы слышал Фандорин): Нет, мне ничего не передавали. А вы в самом деле из Боевой Группы? Вам здесь нельзя. У меня только что была полиция.

Делает шаг в сторону. Теперь видно Рахмета. Он стоит в бекеше, держа руки в карманах, и улыбается.

Рахмет: Пришла, понюхала и ушла? Вот ведь чудеса какие.

Ларионов (*дрожащим голосом*): Что?

Рахмет: То самое. Страшно, Иуда? Ты в зеркало на себя посмотри. Белый весь.

Ларионов непроизвольно оборачивается к висящему на стене зеркалу. Воспользовавшись этим, Рахмет вынимает из кармана склянку с серной кислотой, выдергивает пробку и, когда инженер снова поворачивается к нему, плещет Ларионову в лицо.

Рахмет: На тебе серебреники!

Дикий крик Ларионова.

Рахмет: А теперь снова поглядишь! На свою истинную рожу!

Ларионов сгибается в три погибели, падает на пол, истошно крича.

Фандорин выскакивает из двери, выдергивая из кармана револьвер.

ЭП: Ни с места!

Рахмет вылетает в прихожую.

Показать Ларионова. Пугать ли зрителя видом сожженного лица или просто показать, как через пальцы, которыми инженер зажимает лицо, стекают капли пузырящейся крови, не знаю. Если сделать кошмарный эффект растекающегося лица технически возможно, может быть, и есть смысл — чтобы встряхнуть зрителей. С другой стороны, если руководствоваться принципом «в приключенческом фильме не должно быть ничего отталкивающего», то, м.б., лучше проявить сдержанность.

ЭП задерживается возле стонущего инженера.

Ларионов: Добейте... Ради Христа! А-а-а!

ЭП застывает в нерешительности.

Ларионов (*воет*): Скорее! Да что же вы! Дайте, я сам!

Тянет руку с растопыренными пальцами.

ЭП протягивает ему револьвер.

Ларионов, встав на четвереньки и ткнувшись лбом в пол, приставляет дуло к виску, потом к груди, потом снова к виску.

Ларионов (рыдая): Сейчас... Сейчас.

ЭП оглядывается на дверь, куда несколько секунд назад выскочил террорист. Терять время нельзя. Решившись, бросается вдогонку безоружный.

Улина перед ломом Ларионова

Выстрел гремит, когда ЭП выскакивает на улицу. Впереди видно стремительно бегущего Рахмета. Скоро он скроется за углом. ЭП коротко оглядывается — не вернуться ли за револьвером. Нет. Бежит так.

Рахмет на бегу стреляет из-под руки. Снова, снова, снова. Фандорин бежит зигзагообразными рывками, похожими на прыжки.

Пули свистят мимо. После каждого выстрела ЭП шепчет: «Это раз... Это два... Это три... Это четыре...»

Это не фантастика: в восточных единоборствах действительно существует методика рваных, бессистемных движений, при которых человек делается практически неуязвимым для прицельной стрельбы. Нечто вроде пресловутого «качания маятника», только с быстрым движением вперед.

Рахмет сворачивает за угол.

Через две-три секунды Фандорин оказывается там же. Вылетает из-за угла и видит, что Рахмет не бежит, а стоит, тщательно прицелившись в преследователя, на расстоянии в каких-нибудь десять шагов.

Выстрел. ЭП присел. Качнулся в сторону угла. Выстрел. Каменные крошки летят от стены.

ЭП: Это шесть! Всё. Сдавайтесь.

Идет прямо на Рахмета.

Тот спускает курок, щелкает опустевшим барабаном. После секундного колебания поворачивается, бежит.

ЭП догоняет его в несколько прыжков, сбивает с ног. Манера задержания у статского советника брутальностью не уступает мыльниковской.

Фандорин сидит на спине у Рахмета, одной рукой крепко держит его за волосы, оттянув голову назад. Другую руку держит у Рахмета на сонной артерии.

Рахмет (рычит): Врешь! Врешь! Умру — не дамся!

ЭП (сквозь зубы): Умереть — уснуть. (*Сжимает артерию. Голова Рахмета безвольно обвисает.*) И видеть сны, быть может...

ЭПИЗОД 11. Крепкий орешек

Бертильонажный кабинет в Охранке.

Рахмет сидит в кресле, руки пристегнуты ремнями к подлокотникам. Над ним колдуют двое антропометристов — докторского вида, в белых халатах. Один делает замеры специальными циркулями и линейками, второй записывает.

На стенах схемы различных частей человеческого тела, на столе всякие хитроумные приборы⁶. Рахмета эта процедура явно забавляет.

Бурчинский, Фандорин и Мыльников стоят поодаль, приглядываясь к арестанту.

Голоса обмерщиков и тихий разговор блюстителей закона попеременно.

Первый антропометрист: Правое ухо три и четыре... Левое три и три с четвертью...

Рахмет: Птички-бабочки, щекотно!

⁶ В музее Парижской префектуры (рю де Карм, 1) сохранился подлинный бертильонажный кабинет - он весьма колоритен. Хорошо бы его воспроизвести.

Бурчинский (от былой строптивости не осталось и следа, смотрит на Фандорина искательно): Теперь пускай Пожарский приезжает. Есть что предъявить.

ЭП: Я бы не сказал. Даже имени не знаем. Разве что б-бертильонаж поможет. (Громко, антропометристам.) Господа, еще долго?

Первый антропометрист: Сию минуту. Только ступни остались. (Встает на четвереньки.)

Рахмет (он разут) толкает чиновника ногой в лоб, смеется. Чиновник от толчка садится на пол, сохраняя полнейшую невозмутимость.

Первый антропометрист (подчиненному): Пожалуй, и ноги.

Они ловко пристегивают Рахмету ноги к ножкам стула. Продолжают заниматься своим делом.

Бурчинский: Сейчас я с ним, голубчиком, потолкую.

Рахмет, вытянув губы трубочкой, плюет одному из антропометристов на лысину и смеется. Тот как ни в чем не бывало вытирается рукавом — эти люди всяких субъектов повидали и ко всему привыкли.

Мыльников (скептически): Орешек-то, похоже, крепок. Ничего не скажет. Пойду, пожалуй.

Выходит, махнув рукой.

Бурчинский (потирая руки, подходит к Рахмету): Ну-с, господин висельник, поболтаем? Я — полковник Бурчинский, это вот статский советник Фандорин.

Рахмет: А, Эраст Петрович. Как же, как же. То-то, я смотрю, височки седые и заикание опять же. Как мы с вами ловко Храпова-то, а?

На лице ЭП мелькает раздражение — это напоминание его уязвило.

Бурчинский: Ну вот, видите, вы нас знаете. А как вас прикажете величать?

Рахмет: Что в имени тебе моем? Оно, голуба, умрет, как шум печальный.

Бурчинский (*вкрадчиво*): Я тут на казни присутствовал, по долгу службы. Кошмарное, доложу вам, зрелище. Всю ночь потом не спал, пачку папирос выкурил. Человек хрипит, давится, помирать не хочет. Глаза на лоб лезут, язык свисает, из брюха нечистоты текут...

Рахмет (*беззаботно*): Ничего, подотрешь потом. Такая уж у тебя служба, глазастик.

Бурчинский бьет Рахмета по лицу — коротким, страшным ударом.

Тот выплевывает два зуба. Скалится на полковника щербатым ртом, в глазах вызов.

Фандорин хватает Бурчинского за руки.

ЭП: Полковник! Вы роняете престиж власти!

Бурчинский (*бессвязно*): Сволочь! Ты у меня! Я..!

Рахмет (*шепеляво*): Валерьяночки выпей. Глаз выскочит.

Фандорин: Допрос ничего не даст. (*Сидящим на корточках антропометристам.*) Господа, вы закончили?

Первый антропометрист: Левая — девять и одна десятая. Теперь всё.

Фандорин: Результаты немедленно телеграфом в Департамент п-полиции. С пометой «сверхсрочно».

Этот эпизод, конечно, можно сократить, а при крайнем цейтноте и вообще выкинуть, но хотелось бы показать негибимость Рахмета, чтобы тем блистательней затем выглядел Пожарский.

ЭПИЗОД 12. Выстрел в ночи

Улица перед домом Фандорина.

Глубокая ночь. Слабый свет фонаря. Решетка (за ней двор, в глубине которого фандоринский флигель).

ЭП идет домой из Жандармского управления. Он сосредоточен, хмур.

Берется рукой за калитку. Вдруг резко оборачивается, вглядывается в густую тень.

Не сразу зритель замечает там чей-то смутный силуэт.

В первый миг должно возникнуть ощущение опасности.

ЭП быстрым жестом откидывает полу шубы, сует руку в карман — и тут же убирает.

Силуэт делает шаг вперед, становится видно, что это женщина, причем совсем не угрожающих пропорций.

ЭП: Вы? Что вы здесь делаете?

Женщина порывисто подходит. Это Эсфирь Литвинова. Она в серебристой шубке, руки спрятаны в муфте.

Эсфирь: Вы негодяй! Я стою здесь два часа! Я вся окоченела!

ЭП (озадаченно): Но я же не знал, что вы меня ждете.

Эсфирь: Не поэтому! Не прикидывайтесь болваном! Вы негодяй, потому что коварный и подлый. Я вас раскусила! Ангелом прикинулся! Ланселот Озерный! Вздумал в душу пролезть! Лучше уж Бурчинский с Храповым! Сатана! Опричник!

Выдергивает из муфты руку. В ней поблескивает уже знакомый револьверчик.

ЭП: Если вы никого не пристрелили, день пропал зря?

Делает шаг вперед. Дуло револьверчика дрожит.

Эсфирь: Ищейка! Сатрап! Ненавижу!

Ее лицо в мерцающем свете фонаря прекрасно, глаза и снежинки на ресницах посверкивают искорками. Такое же сверкание на

мехе собольей шапки — похоже на лучезарный нимб. Лицо Фандорина приобретает странное выражение. Нет, он не влюблен в барышню, но очарован ее искренностью, естественностью, чистотой и еще — неповторимой красотой мгновения.

ЭП: Как вы узнали мой адрес?

Фандорин, не обращая внимания на упертый ему в грудь револьвер, берет барышню за плечи, нежно целует в губы.

Эсфирь (*закрыв глаза*): И тупица к тому же... Сам сказал: в любой адресной книге.

Эсфирь сильным, даже яростным движением обхватывает статского советника за плечи и притягивает к себе. Этот порыв так стремителен, что у нее падает шапка и наполовину распускаются волосы. Видны руки Эсфири. Одна быстро гладит ЭП по щеке и виску, другая, в которой револьвер, непроизвольно сжимается. Вспышка, выстрел — прямо в звездное небо. Фандорин ладонью зажимает оглохшее ухо.

ЭПИЗОД 13. Чрезвычайное известие

Толкучий рынок на Сухаревке.

Хорошо бы при помощи компьютерной графики воссоздать Сухареву башню — это само по себе было бы неплохим трюком.

Утро солнечного бесснежного дня.

Толкучка, отчасти напоминающая современный вещевой рынок. Зазывные крики: «А вот ковры персидские-турецкие, картинки молодецкие!» (Ковры со Стенькой и княжной, с танцующей Зюлейкой у фонтана, с янычаром.)

«Котята, котята, три копейки пара!»

«Ходи-ходи, тянучка бели, леденец бели, китайский шоколадка!» (Это китаец-разносчик; под конической соломенной шляпой для тепла вокруг головы у него намотано тряпье, из-под которого свисает коса.)

«Пироги с вязигой, с требухой, с картофлей!»

В толпе ходит Игла, высматривая Грина, который назначил ей здесь встречу.

Игле в глаза светит солнечный зайчик. Она досадливо щурится, отворачивается. Зайчик снова тут как тут. Тогда она поворачивает голову, видит яркую сияющую искру, и уже потом того, кто держит в руке зеркальце. Это Снегирь. Он делает знак глазами. Игла следит за направлением его взгляда и видит Грина, стоящего за углом деревянной палатки «Бублики-пряники». Идет к нему.

Они прохаживаются вдвоем, негромко обмениваясь фразами.

Игла (*зло, нетерпеливо*): Как вы скоры на расправу, как безжалостны! Кислотой в лицо — это гадость.

Грин (*он еще не знает об убийстве Ларионова*): Что?

Игла: Ларионова нужно было сначала судить, а потом уже...

Грин хмурится (он понял, что это дело рук исчезнувшего Рахмета), но не пытается ее разубедить.

Игла: И почему вы так внезапно сорвались с квартиры? Ваша подозрительность оскорбительна! С вами трудно, неприятно работать.

К ним подходит оборванец, жуткий, опухший от пьянства. Показать Емелю, который, оказывается, здесь же, неподалеку — прикрывает Грина. Он идет, уткнувшись носом в «Графа Монте-Кристо», позаимствованного из квартиры Аронсона, однако всё видит. Оторвал глаза от книги, сунул руку в карман.

Оборванец: Господа, подайте пять копеек жертве романтических увлечений юности. Отчизне посвятил души прекрасные порывы, и вот-с, всего лишен...

Игла хочет дать ему монетку, но Грин отталкивает пьянчугу — безо всяких эмоций, как механическое препятствие.

Грин: Нет. Другие налетят.

Эпизод с нищим, разумеется, можно и выкинуть. Я предлагаю его, во-первых, чтобы дать перебивку в диалоге; во-вторых, чтобы показать, что Грина постоянно охраняют; в-третьих, усугубить первоначальную неприязнь зрителя к «нелюдю».

Емеля вынимает руку из кармана, снова утыкается в книгу.

Грин: Сделали, о чем телефонировал?

Игла: Да, квартира есть. Хорошая. Адвоката Зимина. Он сейчас в Варшаве на процессе. Жена и дети, кроме старшего, в имении. А старший сын, студент, наш товарищ.

Грин хмурится.

Игла: Не беспокойтесь. Он съедет. Там будете только вы.

Грин кивает.

Грин: Вы сказали по телефону: «Чрезвычайное известие». Что случилось?

Игла (*оглянувшись и еще больше понизив голос*): Да, это главное. Вчера в Питере генерал Пожарский взял партийную кассу. Всю. Это настоящая катастрофа. Через восемь дней нужно внести пятьдесят тысяч за женевскую типографию, иначе наложат арест. А еще хуже — с одесскими товарищами, которые ждут казни. (*Грин угрюмо кивает — мол, знаю.*) Наши подкупили тюремного надзирателя, за семьдесят тысяч, чтоб устроил побег. Теперь нечем платить. ЦК понимает, в каком вы положении, и потому не приказывает, а просит: нельзя ли срочно добыть денег?

Грин: Экс? Экс требует подготовки. Сколько всего нужно?

Игла: Минимум сто двадцать тысяч. И срочно — в течение двух-трех дней. Что делать?

Игла смотрит на Грина с надеждой.

Здесь возможны два варианта окончания эпизода, в зависимости от того, будет ли сцена с заводчиком (Эпизод 13-а) или нет. Я переименовал Трофима Григорьевича Лобастова из романа в Савву Даниловича Дружинина, чтобы этот изгиб фабулы помимо публицистической нес еще и полезную нагрузку — давал ложную наводку чрезмерно проницательному зрителю (инициалы фабриканта — СДД).

Итак. Вариант 1. после которого сразу переход к Эпизоду 14.

Грин (*подумав*): А квартира с телефоном?

Игла: Что? (*Вспыхнув.*) Я же сказала, квартира хорошая. Вы что, мне не доверяете? И потом, я, кажется, задала вам вопрос!

Грин: Едем.

Идет вперед, негодующая Игла за ним. Емеля и Снегирь движутся следом — поврозь. Первый вроде бы по-прежнему всецело увлечен чтением, второй старательно вертит по сторонам головой.

Вариант 2

Грин (подумав): Нет, столько не даст. Но попытаться можно.

Игла: Кто не даст?

Грин: Дружинин. Савва Данилович.

ЭПИЗОД 13-а (факультативный). Союзник революции

Мануфактура Саввы Дружинина.

Вывеска над заводскими воротами «Текстильная мануфактура С.Д.Дружинина».

Вид заводской территории. Расчищенные, посыпанные песком дорожки, клумбы, аккуратные корпуса (в том числе и с вывеской «Больница», «Рабочая столовая»).

Дружинин (крепкий, энергичный господин с простым, калмыковатым лицом, но в английском костюме, без шляпы) идет по дорожке с Грином и Иглой. То и дело навстречу им попадают рабочие. Здравуются с Лобастовым, он кивает. Некоторым, кто постарше, жмет руку.

Вся сцена — в постоянном движении. Помимо содержания разговора важно еще показать само предприятие — это тот путь, по которому могла пойти Россия, если бы ее не довели до революции бездарным правлением.

Дружинин (Грину): Чему обязан? Не вчерашнему ли казусу с партийной кассой?

Грин: Уже знаете. Откуда? Неужто и в Охранке кого-то прикармливаете?

Дружинин (*усмехнувшись*): Сказано в Писании: «Отпускай хлеб свой по водам, потому что потом снова найдешь его». И насколько вас облегчили?

Останавливаются перед стройкой: довольно странное для завода сооружение: псевдорусского (или античного) вида, в первом случае с балясинами и прочими поребриками, во втором — с колоннами. Там работают штукатуры, распоряжается инженер.

Инженер (*пожав Дружинину руку*): Дело ваше, Савва Данилыч, и денежки тоже ваши, но право что за причуда: рабочим — клуб? Нашли британских джентльменов. Вы как Мария-Антуанетта с ее игрушечными пейзажами.

Дружинин: Сами вы Антуанетта, Фридрих Иваныч. Если я рабочих джентльменами не сделаю, они мне станки поломают, а после и вовсе фабрику отберут. В срок закончите?

Инженер (*сухо*): Я вас когда-нибудь подводил?

Дружинин: Ну-ну. (*Идет дальше. Игла оглядывается на здание клуба — она впечатлена.*) Так сколько у вас Пожарский отобрал, я спрашиваю?

Грин: Сто двадцать.

Дружинин резко останавливается. Лицо сердитое, жесткое.

Дружинин: Я человек слова. Вы — нет. В январе я аккуратнейшим образом сделал полугодовой взнос, двадцать пять тысяч. Моя кошелек глубока, но не бездонна. Эх куда хватил — сто двадцать тысяч!

Грин: Хотя бы семьдесят. Иначе товарищей повесят. Такое не прощают.

Дружинин: А вы меня не страшайте. Вы думаете, Дружинин вам из страха деньги дает? Чтоб в случае победы революции от гильотины спастись?

Игла: Не для этого? А для чего же?

Дружинин: А для того, мадемуазель, чтоб остолопов наших государственных уму-разуму поучить. Пусть понюхают революции, кровушкой своей похаркают. Может, тогда до их чугунных лбов дойдет: у России только два пути — с нами, Дружининскими, идти, либо с вами, революционерами, в тартарары.

Игла: Понятно. Вкладываете деньги. Давите на правительство.

Дружинин: Вот-вот, лоббирую. У нас парламентов нет, так я с вашей помощью. *(Задрал голову, кричит рабочему, который лезет вверх по фабричной трубе с ведром и малярной кистью.)* Эй! Почему без страховочных ремней? Правил не знаешь? Скажи мастеру — штраф. Полмесячной премии! *(Сердито машет рукой.)* Бесшабашность русская. Разобьется к чертям, а у самого семья! *(Грину и Игле.)* Так вот, товарищи террористы, на вас у меня отведена строго установленная сумма. Больше ни копейки не дам. Прощайте, мне в прядильный. Туда посторонним хода нет⁷.

Дружинин уходит. Игла и Грин смотрят ему вслед.

Игла: Что же делать? Неужели товарищей не спасти?

Грин: А квартира с телефоном?

Игла: Что? *(Вспыхнув.)* Я же сказала, квартира хорошая. Вы что, мне не доверяете? И потом, я, кажется, задала вам вопрос!

Грин: Едем.

⁷ Диалог с Дружининским, разумеется, можно дать и просторнее, если позволяет время. Мне эта тема самому очень интересна. Но здесь, по моей прикидке, и так минимум минуты три.

Эпизод 14. Союзница революции

В заведении Жюли.

Салон в борделе со следами ночного веселья: на столиках пустые бутылки, подвявшие цветы, апельсиновая кожура, хвост от ананаса и прочее. Позднее утро. Звуки «Собачьего вальса», который кто-то неумело подбирает на пианино.

За окнами — вид на Неву (или нечто иное узнаваемо петербургское). За пианино, позевывая, сидит нечесаная девица в неглиже, с размазанной косметикой на лице. Грызет яблоко, тычет пальцем в клавиши.

Камера скользит по обитым шелком стенам, на которых литографии пикантного содержания. Коридор. Открытая дверь кабинетика.

За столом сидит Жюли в пеньюаре, щелкает пальчиком по счетам, записывает что-то в бухгалтере кую книгу. Жюли — хорошенькая молодая женщина с веселыми глазами и улыбчивым ртом. На ней круглые золотые очки, весьма идущие к ее свежему личику. На отдельном столике телефонный аппарат.

Перед хозяйкой стоит батлер — представительный господин с замечательными бакенбардами, одетый в строгий костюм.

Жюли: Et puis, Андрей Митрофанович? Люстру в малой гостиной?

Батлер (разводит руками): Так ведь пажи, госпожа Жюли. Мальчишки. Расколотили вдребезги. Я им: «Господа, с вас пятьсот рублей!» Дали без споров. Вот что значит благородная молодежь.

Жюли: Пятьсот? Молодец. (Щелкает на счетах.)

Батлер: А вот господин полковник из Охранки опять не заплатили. «Запиши за мной», — говорят. Как же — за ними записывай, не записывай...

Жюли (*перекидывает костяшку в другую сторону*): Это ничего. Господин полковник — особенный гость. С кем был?

Батлер: С мамзель Зизи и мамзель Мальвиной.

Жюли кивает.

Телефон начинает звонит. Жюли хочет взять трубку, но тут в проеме появляется девица, затянутая в кожаный корсет, в высоких сапогах и прочей садо-мазохистской сбруе.

Девица (*плачущим голосом*): Вот, Жулечка, полюбуйся. (*Показывает синяк на животе и ссадину на спине.*) А говорил — понарошку. Только сейчас ушел, скотина. За что мне такое мучение?

Жюли: Ах, негодяй! Андрей Митрофанович, этого подлого человека больше на порог не пускать! Бедненькая. (*Гладит и целует всхлипывающую девицу.*) Ничего, ничего, до свадьбы заживет. (*Наконец снимает трубку.*) Алло, пансион Жюли Ренар.

Батлер (*бурчит*): Легко сказать — не пускать. Ведь не купчина какой — тайный советник. Как я их не пущу?

Жюли машет на него рукой — не мешай.

Жюли (*с неподдельной радостью, сдернув очки*): Гриночка! Как я рада вас слышать! Поздравляю с удачной коммерцией. У нас все-все об этом говорят.

Далее поочередно кадры с Грином и Жюли.

Гостиная в квартире адвоката Зимина.

Игла стоит рядом с Грином, напряженно на него смотрит. Емеля и Снегирь тоже здесь. Первый увлеченно читает «Графа Монте-Кристо», второй старательно смазывает, а потом собирает револьвер.

Грин: Жюли, мне опять нужна ваша помощь. Вы говорили, у вас есть первоклассный специалист по кредитам и ссудам в больших размерах... *(Говорит эти слова особенным тоном, со значением.)* Господин Козырев, кажется?

Кабинетик Жюли.

Жюли *(озадаченно морщит лобик):* Козырев? По кредитам? А, Козырь! Это в связи со вчерашним банкротством, да? Я уже слышала, такое несчастье!

Гостиная в квартире адвоката Зимина.

Грин: Да. Срочно нужна очень крупная ссуда. Можете привезти вашего специалиста в Москву? Это очень важно, Жюли.

Снегирь целится из револьвера в портрет императора: «Па! Па!»

Кабинетик Жюли.

Жюли *(продолжает гладить девицу по голове):* Я понимаю. Будем утренним поездом. Встречайте.

Дает отбой.

Девушка: Ах, твой Козырь такой интересный мужчина, хоть и разбойник. А этот *(кивает на аппарат)* интересный кавалер?

Жюли *(рассеянно, она сосредоточенно размышляет):* Очень интересный.

Возможный переход к следующему эпизоду: на стенах кабинетика Жюли японские непристойные ксилографии — потом вдруг красавица Утамаро, которая, оказывается, уже в другой комнате — в спальне Фандорина.

ЭПИЗОД 15. «Полоумный»

Спальня ЭП.

То же утро.

В постели спят ЭП и Эсфирь. Ее голова у него на груди. Одежда Эсфири разбросана по полу. Чулок свисает с картины, на которой изображен свирепый самурай. Одежда ЭП аккуратно сложена на стуле.

Эсфирь открывает глаз. Смотрит на ЭП, нежно улыбается. Поворачивает голову. Вскрикивает от ужаса.

От двери, неслышно переступая, приближается Маса в белом спортивном костюме. В полутемной комнате он и в самом деле смотрится жутковато. Маса низко кланяется перепуганной барышне.

Эсфирь (колотит ЭП по груди): Что это?!

ЭП (жмурясь от луча солнца, проникающего в щель между шторами): Это Маса, мой камердинер. Он японец. Ночью из деликатности спрятался, и вы его не видели.

Маса держит поклон, не разгибается.

Эсфирь (все еще опасливо): Что ему нужно?

ЭП: По утрам мы делаем рэнсю, японскую гимнастику. Вчера я пропустил, а Маса этого не любит. Вы подождете? Это недолго. Маса, выйди, я сейчас.

Маса, еще раз поклонившись, выходит.

Эсфирь: То, что случилось, не меняет сути. Я не деревянная, а ты по-своему привлекателен. Но мы все равно по разные стороны баррикад. Так и знай.

ЭП (кратко): Хорошо. Но вы больше не станете в меня стрелять?

Эсфирь: Там посмотрим. Я у тебя бывать буду, а ты ко мне не ходи — такое знакомство скомпрометирует меня перед друзьями, они все очень порядочные люди.

В дверь просовывается Маса. Эсфирь швыряет в него подушкой. Маса принимает удар как истинный самурай, не дрогнув.

Эсфирь: Ладно, иди, занимайся своей ерундой. Только недолго. Нам нужно расставить все точки над «і».

ЭП: Так я встаю. *(Пауза. Он думает, что она его не поняла.)*
Отвернитесь, пожалуйста.

Эсфирь *(подпирает голову рукой, чтоб было удобней смотреть):* Не смей мне выкатать. Ишь какой застенчивый. Ночью бы стеснялся.

ЭП встает, прикрываясь одеялом, — Эсфирь качает головой на такое целомудрие. Рассматривает японскую гравюру на стене. Там изображена траектория прыжка ниндзя со стены замка. *(Если не удастся найти, нужно будет заказать художнику — особенных красок не требуется, главное, чтобы из рисунка была ясна техника прыжка «Полет ястреба».)* Фандорин тем временем облачается в такие же, как у Масы, белые штаны и куртку.

Эсфирь: Что это?

ЭП: В Японии были такие особенные люди, ниндзя. Они умели делать всякие необыкновенные вещи. Например, прыгать с отвесной стены. Видите... То есть видишь: ниндзя сначала падает вниз, вытянувшись в струнку. Потом, в десяти — пятнадцати футах от земли, резко отталкивается ногами от стены — меняет вектор падения и мягко приземляется. Прыжок называется «Полет ястреба». Только сначала нужно вот так сложить ладони и прочесть молитву «Наму Амида Буцу» — иначе к японским чертям расшибешься... Я скоро. Ты пока можешь одеться.

Выходит.

Эсфирь сладко тянется. Вертит головой, осматривая комнату. Замечает нечто любопытное. Встает, не проявляя ни малейших

признаков стыдливости. Подходит к стене, на которой японские эротические гравюры со всякими замысловатыми комбинациями. Разглядывает их, по временам наклоняя голову, чтобы лучше разглядеть перевернутую вверх ногами фигуру. Лицо розовеет, на губах улыбка-воспоминание.

Из соседней комнаты тем временем доносятся гортанные вскрики, грохот — все громче и громче. Заинтересованная, Эсфирь идет к двери. По пути берет из вазы с фруктами грушу, набрасывает на плечи сюртук Фандорина — ей зябко. Приоткрывает дверь.

В соседней комнате, лишенной мебели, с устланными циновками полами, ЭП и Маса делают рэнсю.

ЭП: Ити, ни! (*Что означает «раз, два!»*)

Оба с криком разбегаются, взбегают по стене и, оттолкнувшись от нее ногой, пытаются второй ногой достать до потолка. Оттолкнувшись от потолка, делают сальто и приземляются⁸.

Эсфирь (*откусив от груши и покачав головой*): Полоумный.

ЭП (*тяжело дыша*): Это такая разминка, называется «Бег по потолку». Я долго жил в Японии. Замечательная страна, многому там научился.

Эсфирь: Оно и видно.

Захлопывает дверь, подходит к окну.

Через двор, придерживая саблю, бежит поручик Смольянинов. Слышен дверной звонок.

Эсфирь снова приоткрывает дверь, прижимается к щели ухом.

Голос Смольянинова (*запыхавшийся*): ...С минуты на минуту прибудет в управление. Филеры с вокзала доложили. Сам князь Пожарский! Скорей, ваше высококородие. Вас ждут!

⁸ Прием с беганьем по потолку можно видеть в старом курасавском фильме «Гений дзюдо». Я спрашивал О. Меньшикова, может ли он научиться бегать по потолку. Он сказал: «Понадобится - научусь». Если все же этот трюк окажется невозможен, можно, конечно, устроить обычную тренировочную махаловку, хоть это будет менее эффектно.

Эсфирь откусывает от груши, презрительно морщит носик.

ЭПИЗОД 16. Звезда сыска

Кабинет Бурчинского.

За столом Бурчинский, к нему склонился Мыльников. Оба весьма сосредоточены. Входит Фандорин.

Бурчинский: Эраст Петрович, наконец-то! Агенты телефонируют мне каждые пять минут. С вокзала Пожарский отправился в гостиницу «Лоскутная», взял номер. А полчаса назад вышел — и как сквозь землю провалился! Куда его понесло? Зачем?

ЭП (хладнокровно): Никуда не денется, объявится. Лучше скажите, что б-бертильонаж? Есть ответ из Департамента?

Бурчинский: В том-то и дело! Молчит Питер! И арестованный молчит, личность не установлена. А Пожарский уже здесь!

При этих словах вдруг раздается громкий стук в дверь. Все оборачиваются. Дверь распахивается. На пороге — Пожарский. Он в штатском платье. Останавливается на пороге. Мрачно смотрит на присутствующих.

Немая сцена.

Третий из главных героев фильма появился только теперь, сильно отстав от остальных, поэтому наверстывать должен быстро. Его появление подготовлено постоянными упоминаниями о том, что вот уже приедет Пожарский и о том, какая он звезда. Интерес зрителя к этому персонажу должен возникнуть мгновенно и постоянно поддерживаться на высокой точке. Каждый эпизод с его участием эффектен, причем эффектен по-разному. Пожарский должен быть блестящим олицетворением Зла в его самой привлекательной ипостаси: бесконечно изобретателен, обаятелен, остроумен и при этом еще,

рассуждая логически, прав. Дефект всего один, заметный не сразу: дисгармония между целью и средствами ее достижения.

Сейчас зритель увидит сразу нескольких Пожарских, едва успевая следить за метаморфозами этого господина. Итак, сначала Пожарский-весельчак, рубаха-парень.

Пожарский (торжественно): Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. (Лицо генерала преображается — на нем теперь веселая улыбка.) А впрочем, явился к вам сам и требует только одного — стакан крепкого чаю с дороги. Давайте знакомиться, господа. Я — тот самый Пожарский, которого вели от вокзала чудесные филеры господина Мыльников. Это ведь вы Мыльников?

Мыльников (сдергивает котелок): Так точно, ваше превосходительство!

Пожарский: Какое там «превосходительство», просто Глеб Георгиевич. Нам ведь работать вместе. (Бурчинскому.) Вы — полковник Бурчинский. Рад, рад. (Жмет руку Бурчинскому, потом Мыльникову. Смотрит на Фандорина.) Если не ошибаюсь, Эраст Петрович Фандорин? Наслышан о ваших дедуктивных талантах. Давно мечтал... (Жмет руку Фандорину, задерживает ее в своей.) И еще говорят, будто вы невероятно везучи, выигрываете в любую азартную игру. Правда?

ЭП: Да, есть у меня такое с-странное качество. Но пользуюсь им я редко. Неазартен.

Пожарский (все еще не выпуская руку ЭП): А я так очень азартен. И, представьте, тоже считаю себя везунчиком. (В его глазах появляется озорной блеск.) Проверим, чья фортуна мускулистей?

Жестом фокусника открывает вторую ладонь, в ней маленькая колода карт. Пожарский кладет ее на стол.

Пожарский: Черная масть или красная?

Фандорин смотрит не на колоду, а на Пожарского — изучающе. После секундного колебания принимает правила игры. Снимает колоду — Пожарский оценил предосторожность, чуть улыбнулся в усы.

ЭП (снисходительно): Черная.

Пожарский (он тоже смотрит не на колоду, а в глаза Фандорину, думает): Согласен.

Переворачивает верхнюю карту — черная.

Пожарский: А теперь?

ЭП (не задумываясь): Черная.

Пожарский (смотрит ему в глаза): ...Согласен.

Переворачивает — черная.

Пожарский: Теперь?

ЭП (ему начинает наскучивать эта глупая затея): Черная.

Пожарский: Третий раз подряд — маловероятно. Красная.

Переворачивает — пиковый туз, знак смерти.

Здесь, на долю секунды, Пожарского должно охватить предчувствие, что игра в БГ, которую он затеял и планирует вскоре завершить самым блестящим образом, закончится для него скверно. Но он отгоняет дурное предчувствие прочь. В Фандорине он угадал человека, который не вполне ему понятен и оттого может быть опасен — отсюда и дальнейшая линия поведения в отношении статского советника. Впрочем, вся эта гамма — лишь в выражении глаз, да и то мгновенно исчезнет.

Пожарский: Да вы опасный человек, ваше высокородие. Ваш трофей, по праву победителя.

Протягивает Фандорину колоду. Тот рассеянно сует ее в карман, озадаченный поведением питерской звезды сыска. Пожарский

улыбается, но тут же веселость исчезает — перед нами и в самом деле «чиновник, приехавший по именному повелению».

Итак, теперь Пожарский — государственный человек.

Пожарский: Шутки в сторону, господа. От нас ждут быстрых результатов. Убийство министра Храпова — позор для России, покушение на основы нашей государственности. Дело не в том, как скажется этот кризис на вашей личной карьере... *(Тем не менее, здесь Пожарский делает красноречивую паузу, смысл которой слушатели отлично поняли: Бурчинский сглотнул, Мыльников прищурился.)* Или мы их, или они нас. Где арестованный?

Бурчинский: В допросной. Всё утро пробился с ним.

Пожарский: Молчит?

Бурчинский: Хуже. Дерзит.

Пожарский: Вот что. Пусть мне чаю туда подадут. Погляжу, что за птица.

В кабинете для допросов

Голая, унылая комната. Письменный стол. Несколько стульев. На окне решетка.

В кресле, ножки которого привинчены к полу, сидит Рахмет. Его руки и ноги пристегнуты ремнями. Рахмет оброс щетиной, под глазами круги, но вид по-прежнему нахальный. Следующая ипостась: Пожарский — мастер своего дела. Только что вошедшие Пожарский (со стаканом чая в руке), Фандорин, Бурчинский, Мыльников и Смольянинов смотрят на арестованного. Тот — на Пожарского. Дерзко улыбается щербатым ртом, подмигивает.

Рахмет (шепелявя): Это что еще за Кот Котович? Ну-ка, помурлыкай.

Пожарский (*не обращая внимания на его слова*): Что это он у вас пристегнутый сидит? Азиатчина какая-то. Велите отстегнуть.

Бурчинский: Отчаянный субъект. Может броситься.

Пожарский: Пускай бросается. Мы ведь не барышни. Подержите-ка...

Передает Бурчинскому стакан, запросто садится на корточки перед креслом, отстегивает ремни на ногах арестанта. При этом смотрит Рахмету прямо в глаза — будто на некое любопытное насекомое. Зритель помнит, как в подобной ситуации поступил Грин, и ждет чего-то подобного, но Рахмет пожиже «железного человека», да и Пожарский — не болван-конвойный.

Пожарский (*негромко*): Боже мой, господин Селезнев... (*Громко.*) Какая встреча! (*Рахмет от неожиданности вздрагивает.*) Господа, вы только поглядите, кто это! Я изучал результаты вашего бертильонажа и сомневался: всё сходится, но неужто такая удача? А теперь вижу — точно! Сам Николай Селезнев! Тот самый, что застрелил полкового командира, а после бежал из крепости! (*Рахмету.*) Вас, душа моя, мне Бог послал. Теперь у нас дело пойдет. Дайте я вас расцелую.

Пожарский и в самом деле целует Рахмета прямо в губы.

Показать, как веселые, бешеные глаза генерала в упор смотрят в оторопевшие глаза террориста. Рахмет мычит, дергается — его руки еще пристегнуты.

Пожарский отодвигается, смотрит на Рахмета с отеческой улыбкой. Рахмет сплевывает, но психологическая цель допроса Пожарским уже достигнута: он захватил инициативу и показал, кто главный.

Пожарский: Мы вас вешать не станем. Зачем нам плодить «мучеников революции»? Мы вам мягкий приговор нарисуем,

сибирскую ссылочку. А в газетах пропишем, что бывший корнет Селезнев оказал следствию неоценимые услуги по розыску пресловутой Б.Г. Зачем нам на вас казенную веревку переводить? Пеньку лучше в Европу продать, казне выгода. А вас ваши же товарищи- ссыльные вздернут.

Рахмет: Стращать изволите? Я не из пугливых. Приемчики охранки давно известны. Товарищи мне поверят, а не вам.

Пожарский (*кивнув*): Непременно. Как не поверить герою революции? Только ведь это герою, светлому рыцарю без страха и упрека. А вы у нас того, озорник. (*Теперь уже он подмигивает Рахмету и скалит зубы. Лезет во внутренний карман, потом в другой — якобы не может найти искомое.*) Я вот вам фотокарточки привез, прелюбопытные... Черт, да где же они? Неужто в Питере оставил? Вы ведь, Николай Иосифович, если уж по всей правде-то, никакой не революционер, не защитник угнетенных. Вам на угнетенных положить со всей амуницией. Вам острых ощущений хочется, оттого и в террористы угодили... А, вот они! (*Достает конверт, из конверта — снимки.*) Полюбуйтесь, господа. Это Селезнев заснят в одном порочном заведении на Лиговке. Тоже искал острых ощущений, только иного рода. Новейшая техника, господа, — потайная съемка.

Бурчинский, Мыльников и Смольянинов подходят, рассматривают фотографии. Фандорин остается на месте — его интересуют не картинки и даже не Рахмет, а Пожарский.

Пожарский: Вот, бравый корнет с десятилетней девочкой. Хорош, а? Или сюда посмотрите...

Смольянинов: Гадость какая!

Рахмет изменился в лице, облизывает губы.

Пожарский: Вам бы, душа моя, лучше в анархисты. У них с нравственностью попроще. А ваши не простят. Такой компрометаж для светлого дела революции. Любой пакости про вас поверят. Уж я-то эту публику знаю.

Жандармы увлеченно разглядывают снимки, а Пожарский наклоняется к Рахмету, кладет ему руки на плечи. Говорит уже без глумливости, а серьезно, искренне, как равный равному.

Пожарский: Вы человек веселый, безудержный. Зачем вам эти тоскливые страстотерпцы? Я вам обещаю такую игру, что ваши бомбочки и кинжальчики против нее — как уксус против вина. Будет и риск, и азарт, и смертельная опасность. Жалко видеть, как талантливый человек без толку гибнет. Мы с вами похожи, оба игроки. Потому и предлагаю. Отлично разыграли бы. Как мяч в британском футболе — в одно касание. Думайте, Селезнев, думайте. Сейчас вы — кукла в руках партийных вождей, а можете стать кукловодом.

Рахмет: Я буду их за ниточки дергать, а вы меня?

Пожарский: Вас, пожалуй, подергаешь... *(Смеется. Придвигается еще ближе, громко шепчет на ухо.)* Да я на вас, дорогой мой, молиться стану. Всё на вас поставлю. Сорветесь — мне конец. *(Обычным голосом.)* Кстати, как ваш революционный псевдоним?

Рахмет *(рассеянно — он увлечен перспективами предлагаемой игры):* Рахмет.

ЭП удивленно поднимает брови — оказывается, нестигаемый террорист уже перевербован. И так быстро, так просто?

Пожарский: Ну а для меня вы будете... Скажем, Гвидон.

Рахмет *(вздвогнув):* Почему Гвидон?

Пожарский: Будете летать с вашего острова Буяна ко мне, в царство славного Салтана, то комаром, то мухой, то шмелем... Сколько человек в БГ?

Рахмет: Кроме меня трое.

Мыльников отворачивается, достает блокнот, быстро начинает записывать.

ЭП наблюдает эту сцену в ошеломлении и, пожалуй, с ревностью. Оказывается, есть виртуоз, перед которым фандоринские дарования блекнут.

К Фандорину подходит Бурчинский.

Слышен голос Рахмета, который негромко рассказывает склонившемуся к нему Пожарскому (тот деловито кивает головой, смотрит на Рахмета с приязнью и даже восхищением, будто любит). Однако вскоре голос Рахмета становится фоном. Зрителю достаточно услышать первую фразу, из которой будет ясно, что Рахмет действительно переметнулся.

Если бы позволило время, я бы добавил в диалог Пожарского и Рахмета еще несколько реплик, чтобы перевербовка лихого человека выглядела психологически поубедительней, — в романе это есть. Однако, в то же время, не хочется сбивать темп: появление Пожарского должно придать немного притормозившейся истории новое ускорение.

Главный диалог сейчас происходит между Бурчинским и Фандориним. Они переговариваются очень тихо.

Бурчинский: Беда, Эраст Петрович. Сожрет нас этот питерский волкодав. Очень уж ловок. Не бывать вам обер-полицмейстером.

ЭП: Невелика п-потеря.

Бурчинский: А я, извините, за свое место держусь. И порву всякого, кто мне опасен. Хоть бы даже и сиятельство. (*Кивает на Пожарского.*)

ЭП: Это каким же м-манером?

Бурчинский (*хитро*): Самым эффектным — выставлю на посмешище. (*Подмигивает и загадочным тоном.*) Коко, Ко-ко.

ЭП: Полковник, вы, кажется, переутомились.

Отворачивается, смотрит на Пожарского и Рахмета.

Бурчинский (*усмехнувшись, вполголоса*): Положитесь на меня... Ко-ко.

Тём временем Рахмет говорил Пожарскому следующее (слова, которые слышит зритель, подчеркнуты, остальное — неразборчивым фоном).

Рахмет (*он окончательно решил, поэтому говорит в своей всегдашней манере — зло, весело*): Эх. птички-бабочки! Была не была. Старший группы — Грин. Этакий Франкенштейн, получеловек-полумашина. Когда ходит или говорит — будто шестеренки звякают. Настоящего имени никто не знает. Дюжина терактов, четыре побега. Потом Емеля. Этот из пролетариев, Михал Иванович Топтыгин. По виду простофиля, но очень неглуп. Когда надо, ловок. Потом новенький, Снегирь. Совсем сосунок, Грин его натаскивает. Были на Остоженке, на квартире у химика. [*Если понадобится, этот монолог может быть и длиннее — чтоб уместился вышеприведенный диалог Бурчинского и Фандорина.*] Аронзон. Семен Львович. Только их там, конечно, уже нет, оторвались.

Эти две последние фразы должны быть снова слышны — диалог между Бурчинским и Фандориным закончился. Теперь в фокусе снова Рахмет и Пожарский.

Пожарский: У вас с ними экстренная связь предусмотрена?

Рахмет колеблется.

Пожарский (*быстро*): К черту подробности. Я не собираюсь вести вас на коротком поводке. И слезки за вами не будет, слово офицера. Вы — сами по себе. Одинокий охотник. (*Усмехается.*)

Вдруг Пожарский резко оборачивается к двери. В несколько скачков подлетает к ней, распахивает. Там — ротмистр фон Зейдлиц, начальник охраны покойного Храпова. Он подслушивал.

Вступает еще одна ипостась Пожарского: жесткий, безжалостный начальник.

Зейдлиц (*в совершенной растерянности*): Я... я к господину полковнику... Насчет следа убийц. Ротмистр Зейдлиц, начальник охраны... то есть бывший нача...

Пожарский (*свирепо*): Я знаю, кто вы. Вы преступник. Такого человека доверили охранять! Раззява! Если не хуже... Предстанете перед судом.

Зейдлиц: Я искуплю! Клянусь, я...

Пожарский: В арестантских ротах искупите. Из Москвы не отлучаться!

Захлопывает дверь перед носом ротмистра. Оборачивается — ни малейших признаков ярости на лице.

Пожарский (*заговорщическим тоном*): Насыпал колбаснику перцу на хвост. Теперь землю рыть будет, чтоб Б.Г. отыскать. Глядишь, что-нибудь и зацепит. (*Тон внезапно меняется. Теперь генерал спокоен, деловит.*) Итак, распределим роли. (*Рахмету.*) Вы — наша главная надежда. Ищите Б.Г., найдите, снова станьте там своим. Связь со мной по телефону. (*Бурчинскому.*) Вы, полковник, отвечаете за жандармерию и полицию. Заставы, вокзалы, дороги. Вы, Мыльников, за

агентуру. Прощупать все кружки, все связи. (*Мельком смотрит на Фандорина, ничего ему не говорит.*) Я в гостиницу, часок-другой отдохну и вернусь в управление. Работаем, господа, работаем.

ЭПИЗОД 17. С ЭТИМ ГОСПОДИНОМ ШУТКИ ПЛОХИ

Номер Пожарского в гостинице «Лоскутная».

В кровати лежит голая красотка — из-под одеяла видно шею и обнаженные плечи.

Портье инструктирует ее через открытую дверцу гардероба.

Там же, в просторном шкафу, корреспондент с «кодаком» и вспышкой, полицейский офицер.

Портье: Значит так, Коко. Он входит, выскакиваешь с криком «Мой пуся пришел!», и ему на шею. Да повернись сюда хозяйством, чтоб хорошая фотка получилась. Коко хихикает басом.

Из-за двери, ведущей в коридор, доносится металлический звон.

Портье: Сигнал! Идет!

Прикрывает дверцу изнутри.

Коридор гостиницы

Насвистывая легкомысленную арийку, идет Пожарский. Приподнял шляпу перед хорошенькой дамой, проводил ее взглядом.

Сзади, на некотором отдалении, со скучающим видом идут два неприметных господина — вроде бы сами по себе. Пожарский останавливается перед номером (на ручке табличка: «Не беспокоить»). Ему делает книксен горничная с ведром и щеткой (это она звякнула ведром, подавая сигнал.)

Пожарский (*показывает на табличку*): Читать умеешь?

Горничная: Ни-ни, барин, я не заходила.

Отступает в сторону.

Пожарский вставляет ключ.

Номер Пожарского

Звук ключа в скважине. Коко спускает одеяло, обнажив пышную грудь, расставляет руки для объятий.

Коридор

Пожарский поднимается на цыпочки, проводит пальцем по дверной щели.

Крупно: оборванный волосок.

Пожарский беззвучно щелкает пальцами. К нему вмиг подлетают неприметные. Смотрят на волосок, кивают. Пожарский отходит в сторону. Горничная открывает рот, чтобы крикнуть, и генерал молниеносным движением сдавливает ей горло.

Пожарский (страшным шепотом, кивая на дверь): Там кто-то есть?

Горничная мотает головой.

Пожарский кивает телохранителям. Они достают револьверы, встают по бокам двери. Один пальцами отсчитывает: раз, два, три.

На «три» они вламываются в номер.

Коко сидит на кровати с распростертыми руками, губы сложены трубочкой. Чуть дергается слегка приоткрытая дверца гардероба.

Телохранители, не разбирая что к чему, открывают огонь. Один всаживает в гермафродита сразу несколько пуль. Второй расстреливает гардероб. Первый, покончив с Коко, тоже палит в гардероб.

Щепки, дыры, дым.

В шкафу дергаются незадачливые интриганы, пронзаемые пулями.

В кровати лежит мертвый Коко. Из-под одеяла, подергиваясь, свешивается волосатая, вполне мужская нога. Пожарский крепко сдавливает пальцами горло окоченевшей горничной.

Горничная (сипит): Всё скажу, всё...

ЭПИЗОД 18. Возвращение Рахмета

Улица.

Идут Грин и Игла. Они только что встретились в условленном месте.

Игла: ...передал через Аронзона, что будет ждать в трактире до самого вечера. *(Они останавливаются на углу. Она показывает вдалеке трактир с вывеской «Ладога».)* Вон там. Мои проверили: всё чисто, слежки нет. И всё же на вашем месте я бы с ним не встречалась. Где он пропадал столько времени? Рискованно. Вы слишком ценны для революции, особенно теперь.

Грин (внимательно осматривает улицу): С товарищем так поступать нельзя. Посмотрю ему в глаза — пойму.

Игла (решительно): Тогда я пойду с вами.

Трактир

Грязноватый, полупустой трактир. Стойка с огромным самоваром и множеством чайников, грудями баранок и прочее. Пианола играет песню «Последний нонешний денечек». Пьяненький извозчик в одиночестве приплясывает, топчась на месте.

У дальнего стола, лицом к мутному окошку и спиной к входу, понуро сидит Рахмет, пьет чай.

Грин смотрит на него от дверей. Рядом Игла.

Осмотрев зал, Грин медленно идет к Рахмету. Руку держит в кармане. Игла нервничает, кусает губы. Держит руку в сумочке.

Когда до Рахмета остается два шага, тот, так и не обернувшись, негромко говорит.

Рахмет: Спасибо. Боялся, не придешь.

Грин и Игла садятся напротив. Грин и Рахмет смотрят друг другу в глаза. Взгляд Грина трудно выдержать — такой он прямой, серьезный, ясный. Однако Рахмет выдерживает, потому что для него Грин уже не товарищ, а объект игры, дичь на охоте. Притворяться Рахмет умеет.

Грин: Где был?

Рахмет (*грустно ухмыляется — так, чтоб было видно выбитые зубы*): В охранке.

Игла встревоженно смотрит на Грина. Тот не шелохнулся, выжидательно смотрит на Рахмета.

Рахмет: Давай без лирики, Гринуля. Как говорит один мой знакомый, к черту подробности. Наплести можно что хочешь. Или ты мне веришь, или нет. Если веришь, пошли меня в самое пекло, на верную смерть. Если нет, выведи во двор и кончи потихому. Не пикну, честное драгунское.

Грин молчит, смотрит на него. Игла затаила дыхание.

Грин (*поднимаясь*): Идем. Будет тебе пекло. А про охранку после расскажешь.

Рахмет: И-и-эх, птички-бабочки! (*Подхватывает.*) «А завтра рано, чуть светочек, заплачет вся моя родня!»

Рахмет лихо отплясывает, пристроившись к пьяному извозчику.

Грин и Игла уже направились к выходу.

Игла (*вполголоса*): Почему вы ему поверили?

Грин: Лучше поверить предателю, чем не поверить товарищу. (*Оборачивается.*) Рахмет!

Взгляд Иглы — она открывает для себя в «железном человеке» нечто новое, неожиданное.

ЭПИЗОД 19. Эраст Петрович дедуктирует, а ему все мешают

Кабинет Фандорина.

ЭП прохаживается взад-вперед, пощелкивая зелеными нефритовыми четками. Он оставлен Пожарским не у дел, без помощников, и пытается решить задачу при помощи одной дедукции.

На протяжении всей этой сцены откуда-то из глубины квартиры доносится монотонный напев непонятого происхождения и приглушенный плеск воды.

ЭП раздраженно прячет четки в карман. Обычно они помогают ему сосредоточиться, но сейчас ничего не получается.

Нащупывает в кармане что-то, чего не ожидал там найти. Достает. Это колода карт Пожарского.

Звенит телефон.

ЭП (сняв трубку): Фандорин слушает.

Голос в трубке: Эраст Петрович, беда!

ЭП: Бурчинский? Что случилось?

Голос в трубке (зайкаясь): Коко... Ка...ка...

ЭП: Вы можете по-человечьи, а не по-куриному?

Бурчинский: Ка...катастрофа! Он застрелил Коко и еще троих агентов!

ЭП: Кто?!

Бурчинский: Пожарский! Я хотел подсунуть ему Коко, гермафродита...

ЭП: Гермафродита? Но зачем?

Бурчинский: Чтоб обезвредить. Думал, возьму его, как он Рахмета. В нашем ведомстве такого не прощают. Но это сам

дьявол! Хуже всего, что горничная, стерва, выдала! Что со мной будет? Меня арестуют? Может, броситься ему в ноги, повиниться? Но четыре трупа...

ЭП: Поступайте как хотите. Вы мешаете мне д-дедуктировать!

Дает отбой. Во время разговора он рассеянно перебирал карты. Видит трефового короля, который чем-то похож на Бурчинского. ЭП заинтересованно смотрит на карту. Пририсовывает повязку на глазу, пробор, и король становится вылитым Бурчинским.

ЭП откладывает карту. Находит бубнового короля. Пририсовывает ему котелок — получается Мыльников. Кладет рядом с трефовым королем.

Находит червового валета, пририсовывает ему подкрученные усики — выходит Смольянинов.

Находит пиковую даму, рисует ей маску с вуалью — выходит Диана.

Теперь на столе лежат рядом четыре карты, обозначающие четверых подозреваемых. (Если кто-то из зрителей этого еще не понял, скоро поймет.)

ЭП перебирает карты, поочередно глядя на каждую.

Раздается звонок в дверь.

Прихожая

ЭП открывает, видит рассыльного в генерал-губернаторской ливрее.

Рассыльный (с поклоном): От их сиятельства господина генерал-губернатора.

Кабинет

ЭП вскрывает конверт с золотым гербом, достает красочную карточку.

Голос читающего ЭП: «Его сиятельство князь Долгоруцкий просит пожаловать завтра в пять часов на Лакомственную Среду по случаю Масляной недели. Мундир необязателен, дамы вольны в выборе платья».

Показать карточку, текст которой набран типографским образом.
Внизу — приписка от руки.

Голос генерал-губернатора: «Эраст Петрович, приходите, потолкуем о деле. И приводите Вашу новую пассию — мне, старику, любопытно посмотреть. Долгоруцкий».

ЭП: Самое время блинами лакомиться...

Досадливо отбрасывает карточку на стол.

Снова перебирает карты.

ЭП держит в руке трефового короля.

Короткий флэшбэк: лицо Бурчинского из Эпизода 9. Полковник говорит: «Извините, Эраст Петрович, вы, конечно, авторитет в сфере криминалистики, но в нашем охранном ремесле мало что понимаете. У нас своя специфика».

ЭП берет бубнового короля. Короткий флэшбэк из Эпизода 8. Мыльников говорит: «Не имею привычки говорить людям то, что им знать необязательно».

ЭП берет червового валета. Короткий флэшбэк из Эпизода 8. Смольянинов говорит: «Недаром ведь эмблема Жандармского корпуса — белый платок для утирания слез страждущих».

ЭП берет пиковую даму. Короткий флэшбэк из Эпизода 9. Диана говорит: «Что ж вы, ваше высочорodie, начальство — кинжалом? Нехорошо».

ЭП вглядывается в пиковую даму.

Снова звонок.

Досадливо вздохнув и сердито покосившись в направлении, откуда доносится приглушенное пение, Фандорин идет открывать.

Прихожая

Пришла Эсфирь, румяная от мороза, оживленная.

Эсфирь (*чмокнув ЭП в щеку*): Почему не твой китайский пельмень открывает?

ЭП: Не китайский, а японский. Маса в это время дня сидит в бочке.

Эсфирь (*снимает перед зеркалом меховую шапку, шубку уже сбросила на руки ЭП*): В какой еще бочке?

ЭП: Это такая японская б-баня. Неважно.

Кабинет

Эсфирь берет со стола приглашение.

Эсфирь: Что это? (*Читает.*) М-м-м, «дамы вольны в выборе платья...»

ЭП ловким, но не грубым движением изымает у нее карточку, чтобы Эсфирь не прочла приписку.

ЭП: Если хочешь — пойдем со мной.

Эсфирь: Только в кандалах и под конвоем! Я не понимаю, Эраст, как ты можешь служить этим упырям? Они же душат, насилуют, подло обворовывают свой собственный народ! Все эти Храповы, Бурчинские и иже с ними!

ЭП (*неохотно — он сейчас не расположен к спорам*): Я служу своей стране. Как умею. А что при власти трется немало подлецов, то так было во все времена.

Эсфирь: Немало подлецов? Да все или почти все! А все или почти все революционеры — люди благородные и самоотверженные!

ЭП: Вечная беда России. Всё у нас перепутано. Добро защищают м-мерзавцы, злу служат мученики и герои....

Эсфирь (*возмущенно*): Революция, по-твоему, зло?! Декабристы, Чернышевский, Бакунин (*это имя пусть Эсфирь, пожалуйста, произнесет с особенным придыханием.*) служили злу?

Фандорин: Если зовут рубить лес так, чтоб летели щепки из человеческого мяса, разве это не зло? Худшее из зол, потому что добром прикидывается.

Эсфирь: Ну... ну после этого... Между нами всё кончено! Я стыжусь, что спала с тобой!

ЭП страдальчески морщится.

Эсфирь: И нечего кривиться! Надо называть вещи своими именами! Именно что — «спала»! Еще бы! Мастер японского сладострастия! Эквилибрист! А больше ничего интересного в тебе нет! Если ты себе что-то навоображал, то напрасно! (*Гневно идет к двери. На пороге оборачивается.*) Цепной пес самодержавия!

Хлопает дверью. ЭП делает движение, чтобы последовать за ней, но слышно, как стукнула входная дверь — очень громко.

Тишина, только доносится давешнее пение и плеск воды.

ЭП со вздохом возвращается к столу. Снова пытается сосредоточиться. Берет четыре карты, неумело тасует. Одна карта падает и переворачивается — пиковая дама.

ЭП снова тасует колоду, открывает верхнюю карту — снова пиковая дама.

ЭП заинтересован этим совпадением.

Тасует еще раз. Раскладывает четыре карты рубашками кверху. Думает. Переворачивает одну — пиковая дама.

В тот самый миг, когда ЭП сосредоточенно забарабанил пальцами по карте и, кажется, приступил к дедукции, снова раздается звонок.

ЭП: Нет, это невыносимо!

Сердито выходит в соседнюю комнату, откуда идет не в прихожую, а открывает деревянную дверь, на которой крупно написано иероглифами «баня».

Баня

Маленькая комнатка, вся в клубках пара. Посередине деревянная бочка, в которой сидит распаренный Маса. Его голова обвязана скрученным в жгут полотенцем. Маса блаженно напевает. Под бочкой, в чугунной жаровне, тлеют угли, отчего Маса похож не то на грешника в аду, не то на огромный пельмень в кастрюле с бульоном.

ЭП: Маса, черт бы тебя побрал! Почему я все время должен бегать открывать дверь?! И без того в голове какой-то мусор!

Маса (благодушно): А вы давайче ко мне, гаспадзин. Баня отисяет дусю, теро и горову. Быр гряззный — стар тистый.

По лицу ЭП видно, что эти слова его почему-то потрясли.

ЭП: Как ты сказал? Был грязный — стал чистый? Баня? Ну конечно! Отделить г-грязного от чистых!

Снова нетерпеливый, громкий звонок.

ЭП, весь во власти озарения, идет открывать.

Прихожая

На пороге снова Эсфирь. Она тоже во власти новой идеи. Стоит подбоченясь.

Эсфирь: Значит, дамы вольны в выборе платья?

ЭП растерянно хлопает глазами.

ЭПИЗОД 20. Специалист по крупным судам

Николаевский вокзал.

Утро.

Поток пассажиров, проходящих через зал отправления к питерскому поезду, тщательно осматривается жандармами в мундирах и филерами в штатском: они буквально впиваются глазами в лицо каждого. В руках у агентов описание внешности членов БГ.

Крупно: рисованные портреты Грина, Емели и Снегиря. Задерживают и отводят в сторону худощавого высокого брюнета, отдаленно напоминающего Грина.

Поодаль, у выхода из зала прибытия, стоят Игла и Грин (он в накладной бороде). Всматриваются в лица пассажиров, прибывших петербургским поездом.

Игла (вполголоса): Шпикам и в голову не приходит, что вы не собираетесь бежать из Москвы. Осматривают только отъезжающих. А если вам удастся произвести экс, это будет для них как гром среди ясного...

Грин (перебивает): Вон они.

Появляются Жюли и Козырь. Она в изящном дорожном костюме, он — франтом, с тросточкой, в штиблетах с гамашами и т.п. По виду — просто светский лев. Сзади носильщики тащат багаж

Жюли, весьма внушительный — одних шляпных коробок штук пять.

Козырь оглядывается по сторонам цепкими, спокойными глазами. Грин, поймав его взгляд, делает движение рукой. Козырь смеривает его взглядом, наклоняется к Жюли. Она видит Грина — на лице появляется радостная улыбка. Быстро идет ему навстречу.

Жюли: Здравствуйте, милый, здравствуйте!

Грин протягивает ей руку, но она обнимает его и целует.

Чуть прищуренный взгляд Козыря — эти нежности ему не нравятся. Он подходит, молча ждет.

Подходит и Игла.

Грин (представляет): Жюли. Игла. А вы — Козырь?

Женщины пожимают друг другу руки. Обмениваются быстрым, оценивающим взглядом, как это обычно бывает у женщин. Друг другу не понравились — слишком разные, но Жюли умеет притворяться и быть любезной, а Игла не умеет или считает излишним, поэтому первая улыбается, а вторая нет.

Козырь коротко, крепко жмет руку Грину — блеснул большой камень на пальце.

Грин сразу переходит к делу.

Грин: Ну что? Можно устроить экс или нельзя?

Козырь: Почему нельзя. Можно. Когда надо-то?

Грин (с нажимом): Сегодня.

Козырь (ничуть не удивившись — он вообще, как это принято у бандитов наивысшей квалификации, изображает непроницаемость и невозмутимость, а говорит медленно и негромко, с ленцой): Можно и сегодня. Есть одна заготовочка. Карета Государственного казначейства. Что ни день тыщ по триста вывозят, а то и больше — к вокзалу, на поезда, сибирский, кавказский, азиатский. Конвой, правда, крепкий.

Тут нужны тертые ребята. Бомба нужна, не особо сильная. Ну и волыны, само собой.

Грин: Что?

Козырь: Револьверы.

Грин: Люди есть, оружие есть, бомбу я могу сделать любую. Едем. По дороге изложите план мне, а на квартире — моим товарищам.

Козырь: Я работаю из трети.

Грин (кивает): Уговор.

Гостиная в квартире адвоката

Это та самая гостиная, откуда Грин вчера телефонировал Жюли. Рахмет, Емеля, Снегирь и Игла слушают Козыря. На большом листе углем начертана схема: улица, карета, угол другой улицы, место засады.

Козырь: Еще раз. Ты (*Рахмету*) пропускаешь банковскую карету, пропускаешь сани с охраной, швыряешь дуру. (*Показывает по схеме.*) Попасть не обязательно, лишь бы шарахнуло. Бежишь вот сюда, за угол. Псы — за тобой. Вы двое (*Емеле и Снегирю*) содите с обеих рук. Меткости опять-таки не требуется. Главное, чтобы псы к вам за угол завернули, в снег попадали и тоже палить начали. Пускай труханут как следует, от пальбы оглохнут. А мы с Грином покамест вот тут (*показывает*) всё и обтяпаем. Нам одну минутку всего и надо, а после берите ноги в руки и деру. Пареная репа, и та мудреней. Три пуда хрустов возьмем. Два вам, один мне.

Снегирь: Три пуда — это триста тысяч, да? Здорово!

Емеля: Толково.

Рахмет: Толково-то толково, а если они не все за мной припустят?

Игла слушает очень внимательно, а вот Жюли явно скучает. Встала, прошлась по комнате. Вышла в коридор. Козырь проводил ее быстрым взглядом.

Кухня в квартире адвоката

Грин делает бомбу — и опять достаточно этот процесс показать мельком, без подробностей.

Входит Жюли, наблюдает.

Жюли: У вас красивые руки, Гриночка. Я мужчин всегда по рукам оцениваю. Лицо, стать — ерунда. А вот руки, они не обманут.

Грин (бросает на нее взгляд): Я никогда не мог понять, Жюли, почему женщина вашей... вашего рода занятий помогает пролетариату.

Жюли (подлаживаясь под его серьезный тон): Потому что нет пролетариев угнетенней и бесправнее, чем женщины «моего рода занятий». *(Подходит сзади, кладет ему голову на плечо.)* Ах, что вы про это знаете? Вы же железный.

Ее рука гладит его по груди, расстегивает пуговицу на рубашке, проникает внутрь.

Грин замирает.

Грин (ровным тоном): Это опасно. Одно неосторожное движение, и будет взрыв.

Жюли (ему на ухо): Взрывы бывают разные. Я тебя научу...

Быстрыми, легкими поцелуями касается его шеи.

Грин на миг закрывает глаза. Волевое усилие явно дается ему не без труда.

Осторожно завинчивает крышку бомбы, ставит на стол. Берет Жюли за руки — не грубо, но решительно. Поворачивается к ней лицом, смотрит в глаза.

Грин: Зачем? Не понимаю. У вас ведь, кажется, есть любовник. *(Кивает на комнату.)* Разве вы его не любите?

Жюли *(смотрит на него с нежной улыбкой):* Любовник — одно, любовь — совсем другое. Я свободная женщина, и любовников у меня много. Козырь — он смелый, щедрый, и глаза у него васильковые.

Грин: А я вам зачем?

Жюли: Жалко. Убьют ведь, так ничего хорошего в жизни и не увидишь. *(Шепчет — как маленькому, неразумному ребенку.)* Же-лез-ненький мой... *(Гладит его по лицу.)*

Грин: Вы говорите: «Любовь другое». Значит, кого-то любите?

Жюли *(посерьезнев):* Больше жизни. *(Поправляется.)* Нет, так же, как жизнь... *(Опять шепотом.)* Только вас это не касается...

Грин убирает со своей щеки ее руку. Берет бомбу, выходит из кухни.

Гостиная

Грин заглядывает в гостиную. Инструктаж уже закончился.

Козырь *(вытирает платком руки, усмехается):* Ну, что лбы в гармошку собрали? Не пузырьрся, революция. Налет — дело фартовое, он кислых не любит. Весело надо, на кураже.

Видит Грина. Крупно — расстегнутая рубашка Грина. Глаза Козыря опять чуть сузились.

Грин отдает Рахмету бомбу. Тот лихо подбрасывает ее — Снегирь ойкает.

Грин: Пора собираться. *(Игле.)* Можно вас?

Коридор

Грин и Игла.

Грин: Вы на экс не нужны. Уезжайте. Когда закончится, протелефонирую.

Игла: Это... это нечестно! Я умею стрелять!

Грин, не слушая, идет к двери, открывает. Вдруг видит на полу белый прямоугольник. Это конверт. Быстро нагибается, достает из конверта листок, разворачивает, читает.

Игла: Вы не можете так со мной поступить! Я такой же товарищ, как...

Грин резко взмахивает рукой, чтоб она замолчала.

Грин: СДД! Снова СДД!

Игла: Что?

Грин: Я рассказывал! Записки! Непонятно откуда! Вот опять!

Игла: Что в ней?

Грин: Смотрите.

Протягивает ей листок. Там печатными буквами, крупно:
«РАХМЕТЪ ПРЕДАТЕЛЬ. СДД».

Игла вскрикивает. Грин вертит листок и так и этак.

Грин: Как? Откуда?

Игла: Что... что же теперь делать? Отменить экс? Бежать?

Грин молчит, сосредоточенно что-то прикидывает.

Грин берет Иглу за плечо, ведет к двери, хоть Игла и упирается.

Грин: Экс будет. С Рахметом решу. Прощайте.

Выталкивает Иглу, захлопывает дверь.

Лестничная клетка

Игла (со слезами ярости на глазах): Ненавижу! Ненавижу!

Гостиная

Входит Грин. В комнате Козырь, Рахмет, Емеля, Снегирь, Жюли.
Все уже одеты, рассовывают по карманам оружие.

Грин (Рахмету): Дай бомбу.

Рахмет (отдав): Зачем тебе?

Грин: Ты остаешься.

Рахмет: Почему это?

Грин: Опасно. Твои приметы известны. Из-за тебя можем всю акцию провалить. Жди здесь. *(Емеле.)* Ты бросишь. *(Отдает Емеле бомбу.)* Справитесь вдвоем?

Рахмет: Да что я здесь буду вялиться? Так не пойдет! *(Однако протестует не столь уж буйно — такой поворот дела его устраивает.)*

Грин: Это приказ. Всё.

Рахмет: Эх! *(Швыряет шапку об пол.)*

Грин (Жюли): Вы ждете нас в вокзальной гостинице. *(Козырю.)*
Поделим там.

Козырь кивает.

Грин: Идем.

Все, кроме Рахмета, выходят.

Двор

Там двое саней.

Грин (Емеле и Снегирю): Встреча у Жюли, в «Вокзальной». Ровно минуту палите, и ходу. Минуту! *(Снегирю.)* Ну, с революционным крещением. Главное — не высовывайся, лупи в белый свет, как в копеечку.

Снегирь: Ты, Грин, не волнуйся, я не подведу. Я всё сделаю как надо. А если что, ты знай...

Емеля берет его за шкурку, толкает к саням.

Емеля: После расскажешь, Снегирек.

Емеля и Снегирь садятся в сани, уезжают.

Во вторые сани (это тройка) садятся Грин и Козырь. Из саней почему-то торчит длинное бревно.

Жюли целует Козыря. Улыбается им обоим, стряхивает слезинку, легкой походкой удаляется.

Оба смотрят ей вслед.

Грин (роется в кармане): А, черт, револьвер чистил — шомпол на столе оставил. Я быстро.

Козырь (лениво): Хреновая примета — возвращаться.

Грин: Ерунда.

Идет обратно.

Гостиная

Рахмет крутит ручку телефона.

Рахмет: Барышня! Алло! Номер 12-74. Живей, милая, живей! ...Это жандармское? Мне Глеба Георгиевича, срочно! ...Кого-кого, Пожарского!

Оглядывается на дверь.

Там стоит Грин. Руки Грина прижаты к бокам.

Рахмет дает отбой. Его рука как бы случайно опускается в карман.

Рахмет: Что, Гринуля, не поверил боевому соратнику? Не ожидал от тебя, чугунолобого.

Выхватывает револьвер. Грин стоит неподвижно.

Рахмет: Что ж ты, птички-бабочки, ослов своих не прихватил? Или стыдить будешь? Пустые хлопоты. Живым ты, конечно, не дашься. А жаль — было бы эффектно.

Взводит курок.

Грин чуть качает головой, будто не может чего-то понять. Быстрое движение рукой (такое же, как при убийстве уральского губернатора) — брошенный нож впирается Рахмету в сердце. На рукоятке буквы «Б.Г.». Рахмет роняет револьвер, хватается обеими руками за рукоятку, смотрит на нее.

Грин, не дожидаясь, пока тот упадет, поворачивается и выходит. Грохот упавшего тела.

Двор

Грин с разбегу падает в сани. Показывает шомпол. Вставляет в револьвер.

Грин: Вот. Нельзя без шомпола — патрон заклинит, что делать?
Козырь (щелкнув вожжами): Нно, пошли!

ЭПИЗОД 21. Блины и ЭПИЗОД 22. Экс

(21) Резиденция генерал-губернатора. Зал, где собираются приглашенные.

Очень красивая большая комната с белоснежными колоннами, украшенная цветами.

Лакеи в ливреях, пудренных париках, белых чулках. Изысканная публика, самый цвет московского бомонда — человек тридцать. Мужчины (кроме военных генералов) во фраках и белых галстуках, некоторые со звездами и лентами. Дамы в «вольных платьях», то есть не обязательно в белых, а некоторые в светло-серых, бледно-палевых, светло-голубых и т.п. — ни одной яркой краски.

Сам Долгоруцкий к гостям пока не вышел.

Мэтр д'отель: Его высокопревосходительство генерал от инфантерии граф Румянцев и графиня Румянцева!

Входит старый, важный генерал с супругой. Чинные поклоны. Графиня, прищурившись (она близорука), осматривается, на

секунду подносит лорнет к глазам и подходит к знакомой даме, такой же сушеной мымре.

Графиня Румянцева (знакомой даме): Что за прелесть эти неформальные вечера у старика Долгоруцкого! Сколько живости, непосредственности!

Голос мэтр д'отеля: Его высокородие статский советник Фандорин и госпожа Литвинова.

У дамы, с которой разговаривает графиня, потрясенно расширяются глаза и отвисает челюсть. Графиня оборачивается. Мы видим зал как бы ее близорукими глазами, не в фокусе: скучная черно-серая гамма, в которой пылает некий ярко-алый цветок.

Графиня подносит к глазам лорнет, и становится видно, что аленький цветочек — это Эсфирь, одетая в совершенно умопомрачительный наряд. На ней ярко-алая туника античного кроя. Разрез спереди чуть не до пупа, через прорезь видно свободно покачивающиеся груди, не стесненные лифом. На черных волосах — сияющая золотая сетка, из которой торчит пышное страусовое перо. Наряд ни в коем случае не вульгарный — напротив, очень эффектный и стильный.

Графиня: Боже, что это...

Рядом с Эсфирью Фандорин, одетый, как все прочие мужчины, с крестом на шее и владимирской звездой на груди. У ЭП совершенно заочневшее лицо — он терпеть не может публичных скандалов, а сейчас назревает именно скандал. Выпученные глаза мэтр д'отеля, уставившегося в голую спину Эсфири.

ЭП мужественно ведет даму по залу, он готов испить чашу до дна. Там, где проходит эта пара, воцаряется молчание. Мужчины как заколдованные пялятся на покачивающийся бюст Эсфири. Их спутницы с обнаженными плечами и глубокими декольте, но это привычное зрелище, не производящее впечатления, а вот бюст без

лифа — это что-то невиданное. Эсфирь нисколько не смущена — совсем наоборот. С любопытством вертит головой.

Эсфирь (*не понижая голоса*): По-моему, я имею успех. Тебе нравится мое платье? Эффектное?

ЭП: Не то с-слово.

Приоткрывается дверь, ведущая в личные покои генерал-губернатора. Высовывается голова Ведищева. Он манит Фандорина пальцем.

ЭП (*с явным облегчением*): Ради Бога извини, но мне нужно заглянуть к его сиятельству. Я ненадолго п-покину тебя.

Эсфирь: Ничего-ничего, я пока погуляю.

ЭП быстро идет к двери, избегая смотреть по сторонам и даже несколько втянув голову в плечи.

(22) Улица

Вечереет, но еще довольно светло.

Длинная пустая улица на окраине Москвы. Невысокие домишки, заборы.

Аптека, в витрине часы.

У столба привязаны сани. В них, развалясь, сидит Козырь. Грин возится со сбруей.

Грин: Десять минут шестого. Не могли отменить?

Козырь (*лениво*): Куда они денутся? Каждый день возят, кроме воскресений.

На противоположной стороне улицы, чуть подальше, у запертых ворот дома сидит Емеля, увлеченно читает своего «Монте-Кристо».

Поперек дороги валяется бревно — то самое, что торчало в тройке.

Из ворот выходит дворник. Смотрит на бревно, чешет в затылке. Кряхтя подходит, берется за конец, хочет оттащить.

Козырь: Куда поволок? С нашего воза упало! Сейчас возчики вернутся, подберут. Вот народишко! Сразу своровать норовят!

Дворник выпускает бревно. Шмыгает носом. Уходит обратно в ворота.

Козырь (чуть приподнявшись): А вот и тетенька пожаловала.

Показать выезжающий из-за угла конвой: впереди двое конных стражников; потом карета банковской экспедиции — закрытый, безоконный возок, запряженный четверкой. Кучер сидит на одной из пристяжных; на козлах — экспедитор (в фуражке с шерстяными наушниками, с портфелем под мышкой) и старший конвоя, пожилой полицейский унтер; за каретой еще четверо конных; замыкают кортеж сани, в которых сидят еще четверо полицейских с карабинами.

(21) Кабинет генерал-губернатора

Старый князь готовится выйти к гостям. Ведищев вносит последние штрихи в наряд своего господина: поправил ленту, выровнял чуть съехавший паричок, слегка подрумянил щеку.

ЭП: ...Таким образом, по сути дела, я отстранен от расследования. Ни людей, ни полномочий. П-Пожарский недвусмысленно дал понять, что в моей помощи не нуждается.

Долгоруцкий: Что, он и вправду так ловок, как рассказывают?

ЭП (сухо): Да, очень способный человек.

Долгоруцкий (вздыхнув): И раскроет дело?

ЭП: Вероятно.

Долгоруцкий: А нам, стало быть, сидеть сложа руки и ждать?

ЭП (после паузы, негромко): Не совсем. Есть у меня один план.

Долгоруцкий и Ведищев оба оборачиваются к Фандорину.

Ведищев: Говори, Эрастушка, не томи.

ЭП: Думаю в б-баню сходить.

Ведищев и Долгоруцкий переглядываются.

Деликатный стук. Заглядывает мэтр д'отель.

Мэтр д'отель: Ваше сиятельство, десять минут шестого. Все прибыли. Ждут.

Ведищев: Да уйди ты! (*Фандорину.*) Ты что, батюшка? В какую еще баню?

ЭП (невозмутимо): В Петросовскую. Там отдельные кабинеты.

Долгоруцкий хлопает глазами.

Мэтр д'отель (плачущим голосом): Ваше сиятельство...

(22) Улица

Козырь (прищурившись, негромко): Ага. (*В смысле: «Пошел!»*)

Грин не спеша переходит на другую сторону улицы.

Емеля сует книжку в карман. Подмигивает Грину и чмокает губой — уже знакомый зрителю мимический жест.

Идет навстречу конвою, проходит мимо него. Под мышкой у Емели небольшой сверток.

Козырь лениво вылезает из саней, отряхивается.

Перед началом экса расположение действующих лиц такое:

Козырь — на левой стороне улицы, возле саней.

Грин — на правой, возле аптеки.

Как раз между ними, на мостовой, лежит бревно.

Конвой приближается к бревну.

Емеля уже позади саней со стражниками, пропустил их шагов на двадцать.

В десяти шагах далее — угол небольшого переуллка.

Первые двое всадников минуют лежащее бревно — лошади просто переступили через него и двинулись дальше.

Кучер же через бревно ехать не хочет.

Кучер: Тпррру! Да стой ты!

Карета останавливается.

Часы в витрине. Стрелка, качнувшись, переходит на одиннадцать минут шестого.

(21) Кабинет генерал-губернатора

Долгоруцкий приготовился к выходу. Распрямил плечи, принял осанистый вид.

В открытую дверь видно спину мэтр д'отеля.

Мэтр д'отель (*стукнув жезлом*): Его сиятельство генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруцкий!

Князь (*чуть высунувшись из-за двери*): Кто та брюнетка в красном платье?

ЭП не отвечает, делает вид, что не слышал, да еще повернулся в сторону.

Князь (*дернув его за рукав*): Вы только взгляните, она вытряхивает туфельку! Какая непринужденность!

ЭП (*хмуро*): Это моя знакомая, госпожа Литвинова. Вы ведь сами просили...

Князь (*оживившись*): Нимфа! Богиня! (*Оборачивается к Ведищеву.*) Фрол, голубчик, распорядись, чтобы вице-губернатора с супругой пересадили на два стула. Места рядом со мной — для Эраста Петровича и его спутницы.

(22) Улица

Напряженная, звенящая тишина. Скрип снега под копытами переступающих с ноги на ногу лошадей.

Старший конвоя (*приподнявшись на козлах*): Куда едете, черти? Бревна не видите? (*Это двум передним.*) И ты пособи. (*Это кучеру.*)

Двое стражников спешиваются, кучер тоже.

Поднимают бревно.

В это время Емеля с громким криком « Ийэххх!» бросает сверток в сани, замыкающие кортеж. Сидящие в санях оборачиваются на крик. Видят летящий сверток. Он падает в пятишести шагах от них. Грохочет взрыв — не бог весть какой мощности. С пары стражников сдувает шапки, один вскрикивает, испуганно ржут лошади.

Емеля не слишком быстро добегает до угла тихого переуллка, сворачивает.

Конные разворачивают лошадей, несутся вдогонку. Охранники из саней тоже бегут за Емелей, щелкая затворами.

Старший конвоя и экспедитор оборачиваются и приподнимаются, смотрят поперх кареты.

Те, кто держит бревно, так и застыли на месте.

Вот четверо конных охранников вылетели за угол.

Там, из-за поленницы дров, с двух рук стреляет из револьверов Снегирь. Он бледен, зажмурился, палит куда придется, но грохоту много.

Емеля, обернувшись, тоже палит из двух револьверов, прячется за поленницу.

Оба стреляют, не целясь, спрятав голову за дровами.

Видно, что там лежат наготове еще четыре револьвера. В за-боре приоткрытая калитка — путь отхода.

Конные пытаются удержать рвущихся на дыбы коней. Выбегают пешие стражники, падают в снег. Стреляют по по-леннице. Летят щепки.

В это время на улице Грин и Козырь в два-три прыжка подлетают к стражникам, держащим бревно. Грин бьет своего рукояткой в лоб — тот падает.

Козырь бьет своего в висок — чтобы уложить наповал. Раз-дается хруст.

Кучер один не может удержать бревно, падает на колени. Лицо, искаженное ужасом.

Старший конвоя этого не видит. Перегнувшись через карету, он орет что-то нечленораздельное («А-а-а! Что? Засада?»). Зато оглянувшись экспедитор, увидел, как к карете молча направляются двое с револьверами. Побелел, схватил унтера за рукав.

Унтер (*выдернув руку*): Да ну вас! (*Орет.*) Что там, Захарчук?

Ему ничего не видно — только слышно выстрелы. Экспедитор дергает сильнее. Унтер сердито оборачивается. Оседает на сиденье.

Козырь: Руки! Слезли. Живо.

Экспедитор, подняв руки до плеч, пытается слезть, но без помощи рук у него не получается. Унтер поднимает одну левую руку, правой скребет по кобуре.

Козырь стреляет ему — прямо в лоб. Унтер падает. Выстрела на фоне канонады почти не слышно.

Грин подходит, хватая экспедитора за полу шинели, стаскивает вниз.

Грин: Хочешь жить — отпирай.

Экспедитор: Ключ... ключа не имею!

Козырь: А, ну его.

Стреляет экспедитору в ухо — того так и отбрасывает в сторону.

Грин: Зачем?

Козырь: Видел меня. Опишет.

Обегает карету сзади, трижды стреляет в замок. Замок отлетел. Козырь срывает пломбу, распахивает дверцу.

Козырь: Есть!

В карете два туго набитых мешка с штампами и сургучными печатями.

Козырь взваливает на плечо один, Грин другой. Перед тем как уйти, Грин втыкает в дверцу кинжал с буквами «Б.Г.».

Бегут к своим саням.

Пробегаая мимо трясущегося кучера, Козырь хочет застрелить и его, но Грин ударом кулака выбивает у бандита револьвер. Револьвер выстреливает в воздух. Звон пробитой витрины, позвякивание часов: пуля попала прямо в аптечные часы. Стрелка сдвинулась с 11 минут на 12 и застыла. Кучер в ужасе утыкается носом в снег.

Козырь: Ты что?!

Грин: Он ни при чем.

Выругавшись («Фазан!»), Козырь добегаает до саней, швыряет мешок, сразу подхватывает вожжи. Заливисто свистит. Кони рвут с места, легкие сани быстро набирают скорость. Грин бросает мешок на ходу, бежит, падает в сани.

(21) Банкетный зал

Гости сидят за длинным столом, уставленным всевозможными блюдами, которые обычно едят с блинами: разные сорта икры, рыбы и проч.

За стульями прислуживают лакеи.

Лица у гостей, сидящих в непосредственной близости от верхнего конца, вытянутые. Все смотрят на Эсфирь и генерал-губернатора. Князь, приложив ладонь к уху, слушает барышню. На его лице гримаса радостного удивления.

ЭП сидит, будто костыль проглотил. На его тарелке красиво завернутый блин, к которому статский советник явно не при-трагивался. ЭП страдает.

Эсфирь (*наклонившись к генерал-губернатору*): Директор гимназии мне говорит: «Оставьте ваши жидовские замашки, Литвинова». А я ему хлоп по морде!

Важный господин, хотевший было отхлебнуть из бокала, поперхнулся.

Князь: Как-как?

Эсфирь: Вот так. (*Показывает.*) А как бы вы поступили?

Князь: Да, пожалуй, иного выхода не было. Ну а директор что?

Эсфирь (*машет рукой*): Выгнал, с волчьим билетом. Дома доучивалась.

Подцепляет вилкой кусок блина с икрой, ловко отправляет в рот.

Эсфирь (*с набитым ртом*): А у вас бывали подобные случаи?

Долгоруцкий: О да! В Париже, в сорок шестом... (*Кашлянув.*)

То есть, я хочу сказать, в семьдесят шестом году один маркиз вздумал приревновать меня к своей содержанке. А она, антр ну, была... (*Нагибается, шепчет Эсфири что-то на ухо.*)

Эсфирь залиvisto смеется. Поворачивается к ЭП.

Эсфирь: Милый старичок. И что наши так его ругают?

ЭП пожимает плечами — сам, мол, удивляюсь. Тем временем князь, воспользовавшись тем, что барышня отвернулась, показывает Фандорину из-под скатерти большой палец и закатывает глаза — мол, она божественна.

Раздается приближающийся звон не вполне понятного происхождения. Гости один за другим оборачиваются.

Через зал трусцой бежит адъютант, звеня шпорами и аксельбантами. По лицу офицера видно: произошло чрезвычайное событие.

Адъютант: Ваше высокопревосходительство! (*Наклоняется, понижает голос.*) Ограблена карета Государственного казначейства. Похищено триста двадцать тысяч. Есть убитые. И вот... (*Протягивает кинжал, который Грин воткнул в дверцу кареты.*) Оставлено на месте преступления.

Крупно — кинжал с буквами «Б.Г.» на белоснежной перчатке адъютанта.

ЭПИЗОД 23. Бутылка шампанского

Гостиница «Вокзальная». Перед входом.

Вывеска гостиницы — приземистого одноэтажного здания. Уже почти стемнело.

У входа стоит швейцар, разговаривает с человеком в штатском — филером.

Из саней вылезают Грин и Козырь.

Козырь (*он одет лучше и изображает хозяина*): Бери, что ли. Заноси.

Грин взваливает оба мешка на спину. Несет, согнувшись, за Козырем.

Швейцар (*филеру, вполголоса*): Купец из шестого. Нынче въехал, с мамзелью. Говорил, образцы товара привезет.

Филер кивает.

Филер (*зевает*): Угости, что ль, чайком?

Гостиница «Вокзальная». Номер

Богато обставленная комната. В углу неразобранные чемоданы и коробки Жюли. Сама она стоит у окна, курит папироску в длинном янтарном мундштуке.

Стук. Быстро входит Козырь, за ним Грин с мешками.

Жюли бросается Козырю на шею, несколько раз целует его.

Жюли: Слава Богу! Так волновалась, так тряслась!

Козырь, сохраняя всегдашнюю невозмутимость, закрывает дверь, отодвигает Жюли.

Грин кладет мешки на пол.

Жюли (*тараторит*): А я знала, что все будет отлично! Вот, даже шампанское приготовила!

Берет со стола бутылку. Там же стоят фрукты и несколько бокалов.

Жюли: Мы будем пить шампанское!

Козырь бьет ногой по одному мешку, по второму, как бы проверяя, плотно ли набиты. Потом с точно таким же замахом, но резко и развернувшись, бьет Грина ногой в пах.

Тот сгибается пополам. Жюли вскрикивает. Козырь бьет Грина сверху вниз кулаком по затылку. Грин падает ничком, так и не проронив ни звука.

Козырь, насвистывая, делает вид, будто хочет отойти. Делает шаг, другой, потом быстро разворачивается и с разбега бьет лежащего ногой по ребрам — еще, еще, еще, еще.

Козырь: Забью, тварь! В навоз размажу! Нашел баклана!

Жюли бросается к нему, пытается удержать — ей мешает бутылка шампанского.

Жюли: Ты что?!

Козырь (продолжая осыпать Грина ударами): Что, сучка, променяла Козыря на фоску? Я измену кишкой чую. Потому и жив.

Внезапно Грин выворачивается, хватая Козыря за сапог. Тот, не удержавшись, падает на спину. Легко вскакивает. Выдергивает из рукава складной нож, щелкает узким лезвием. Грин тоже поднимается. Сует руку в карман, вынимает револьвер. Оглядывается на дверь. Прячет револьвер обратно. Выставляет вперед пустые руки.

Козырь с уверенной улыбкой рисует перед собой лезвием в воздухе свистящие зигзаги. Медленно наступает. Грин пятится.

Жюли (в ужасе лепечет): Мальчики, мальчики!

Козырь: На кого меня променяла, лярва французская? На мертвяка, на урода безухого!

Жюли (растерянно): Почему безухого?

Козырь: Так вот оно, ухо-то.

Делает молниеносный выпад, отскакивает назад. На пол падает пол-уха, половина головы у Грина залита кровью. Он даже не поморщился.

Козырь (хохотнув): Это закуска.

Жюли визжит.

Грин: Тихо, Жюли, тихо. Нельзя шуметь.

Противники кружат друг напротив друга, мелко переступая ногами.

Козырь снова делает выпад — чиркает лезвием по вытянутой руке Грина. На пол капает кровь.

Козырь: Это на супец. Сейчас жаркое подам... Ну что, Жульетка, кого выбираешь — меня или этого? (*Глумливо.*) Он, конечно, побитый-порезанный, а я целый и при большущих деньгах, но где же мне против его?

Жюли: Тебя! Тебя, сокол мой! С ним я только так, поигралась немножко! Да и не было ничего!

Козырь (Грину): Слыхал, революция? Вот они, бабы- то. Ладно, пожалею тебя. Быстро кончу.

Делает бросок, целя Грину в живот — Грин еле успевает отскочить, но ясно, что шансов у него нет, — Козырь гораздо быстрее и ловчей.

Грин зажат в угол. Козырь стоит перед ним с улыбкой — движением жонглера перекидывает нож из руки в руку — так быстро, что в глазах мелькает.

Жюли с размаху бьет Козыря тяжелой бутылкой по темени — с силой, которую трудно было ожидать от этой тонкой барышни. По лицу Козыря стекают кровь и пузырящееся шампанское. Козырь падает лицом вниз — французенка проломила ему череп. Жюли в истерике: трясется, стучит зубами, в пальцах зажато горлышко разбитой бутылки.

Грин, смахнув с шеи стекающую кровь, наклоняется к Козырю. Видно открытый, неживой глаз бандита.

Грин распрямляется, смотрит на мешки. Подходит к Жюли, крепко берет за плечи, трясет.

Грин: Всё, всё. Надо уходить. Перехватим Емелю и Снегиря на перекрестке.

Жюли: Ку... куда... уходить?

Грин: Для начала — в окно. В таком виде через вестибюль нельзя. *(Снова досадливо вытирает рукавом кровь.)*

Открывает окно.

Грин: Когда ехали на дрезине, видел удобное место. Будка обходчика, заброшенная. Не номер «люкс», но переночевать можно. Ну же!

Жюли: Сейчас, сейчас...

Мечется по комнате. Натягивает шубку, хватается за один чемодан, за другой. В конце концов берет две шляпные коробки. Грин кладет на подоконник мешки. Терпеливо ждет, протягивая Жюли руку.

Жюли (причитает): Cauchemar, catastrophe!

Грин (трогая обрезанное ухо): Пустяки. Дело-то сделано.

ЭПИЗОД 24. Минин и Пожарский

Улица.

То самое место, где состоялся экс.

Темно, горят факелы. Копшение множества теней, звук приглушенных голосов.

Стоит выпотрошенная карета банковской экспедиции. Темные пятна на снегу.

В сторонке Мыльников допрашивает кучера. Тот что-то рассказывает, весь трясясь. Мыльников кивает, записывает.

Суетится Бурчинский, за ним ходит Смольянинов, с любопытством вертя головой во все стороны.

Главный человек здесь — Пожарский. Он в коротком дубленом полушубке довольно современного вида. Все время движется, осматривая место преступления, — ни на секунду не остается на месте.

Фандорин же, приехавший прямо от губернатора, в своем цилиндре и барской шубе, из-под которой выглядывают воротнички крахмальной рубашки и крест, смотрится здесь ино-родным телом. ЭП тоже двигается, но медленней. Присел на корточки возле бревна. Подошел к карете.

К Пожарскому рысцой подбегает Бурчинский, искательно заглядывает в лицо.

Бурчинский: Ваше превосходительство, мои люди опрашивают жителей...

Пожарский проходит мимо, не обращая на полковника внимания. Тот нервно сглатывает, бросается следом.

Бурчинский: И еще я распорядился проверить сани по всей Москве! У нас есть отпечаток полозьев!

Пожарский его игнорирует.

Бурчинский: Ваше превосходительство!

Пожарский резко оборачивается.

Пожарский (тихо, отдельно): Ты мне — Коко, а я тебе — кукареку.

Идет дальше. Бурчинский в ужасе застывает на месте.

Тем временем Фандорин подошел к аптеке. Посветил электрическим фонариком на часы с остановившейся стрелкой. Прискакал верхом жандармский офицер, спрыгнул с лошади, подбежал к Пожарскому. Откозыряв, вручил какую-то депешу. Пожарский читает; один из телохранителей держит факел. Пожарский щелкает пальцами (триумфальный жест), поднимает глаза, смотрит на Фандорина.

Идет к нему.

ЭП коротким, легким движением бьет кулаком в белой перчатке по треснувшей витрине — стекло вылетает.

Можно, конечно, обойтись без повтора этого приема, но мне хотелось бы заставить внимательного зрителя задуматься о символизме этого настойчиво повторяемого образа.

ЭП достает из кармана пинцет, начинает вынимать из циферблата пулю.

Пожарский: Тоже обратили внимание? Точное время экса. Да что толку?

ЭП: Дело не во времени. Зачем было сюда стрелять? В отличие от тех, из переулка, эти двое пуль зря не тратили. Странно.

Пожарский мягко берет ЭП под локоть, отводит в сторону, где стоят два перевернутых ящика.

Пожарский: Сядем-ка, Эраст Петрович, потолкуем.

Садится. Фандорин остается стоять. Телохранитель держит над Пожарским факел.

Пожарский: Не хотите? Ну, как угодно. А я посижу. Ночь впереди длинная... Сердитесь, что я вас от дел отставил? Понимаю. Я бы на вашем месте тоже разозлился. Но у меня был тайный умысел. *(Лукаво улыбается.)* Вы в одиночку можете достичь большего, чем все жандармы и филеры вместе взятые. А если еще прибавится уязвленное самолюбие да желание утереть нос питерскому наглецу... *(Смеется.)* Держу пари на сто империалов, что вы не сидели без дела. Угадал?

ЭП молчит, хочет понять, к чему клонит Пожарский.

Пожарский *(посерьезнев):* Видите депешу? *(Показывает. Читает.)* «Вам предоставляются чрезвычайные полномочия для возврата похищенных денег и уничтожения Боевой Группы. Все органы государственной власти обязаны оказывать вам

полное содействие». Вы понимаете, что это значит? «Все органы государственной власти»!

ЭП молчит.

Пожарский: С сего момента главный человек в России — я, Пожарский. Вот это (*показывает на место экса*) — не просто ограбление, это публичная пощечина власти. Сразу после Храпова такое! И власть говорит мне: «Пожарский, оторви оскорбившую меня руку, смой с моего лица позорную печать. На тебя вся надежда». Дело тут уже не в амбициях, хоть амбиций у меня хватает... Мне нужна ваша помощь, Фандорин. Ваша голова. Давайте поможем власти, спасем ее от краха, а вместе с нею и Россию. Для того я и живу на свете... (*Внезапно.*) А зачем живете на свете вы?

ЭП (*неохотно — он не любитель пафосных разговоров*): Затем, чтобы выяснить, зачем я живу на свете... А служба отечеству, по-моему, — не цель, а средство...

Пожарский (*пристально смотрит на ЭП снизу вверх. Весело улыбается*): Посмотреть бы на нас сейчас со стороны: Минин и Пожарский, спасители отечества. [*Пожарский, сидящий на ящике, и стоящий над ним Фандорин и в самом деле похожи на знаменитую скульптурную композицию.*] Так где, по-вашему, нам следует искать тропочку к Б.Г.?

ЭП (*после недолгого колебания*): Среди своих.

Пожарский (*изумленно*): Что?

ЭП: Среди нас оборотень, связанный с Боевой Группой.

Пожарский (*вскочив*): Кто?

ЭП: Кто-то из Московского жандармского управления либо из Питерского департамента полиции. Предаёт. Или чрезмерно откровенничает не с тем, с кем нужно.

Пожарский (*резко*): А вы с вашей нигилисткой, мадемуазель Эсфирью, не чрезмерно откровенничаете?

ЭП (*вспыхнув*): Моя частная жизнь вас не касается!

Пожарский: Надеюсь, что так... Кто у вас на подозрении?

ЭП: Четверо. У меня есть план...

Пожарский: Ага, я так и знал! Ну, выкладывайте!

ЭП (*смотрит на телохранителя*): Не сейчас и не здесь. (*Очень тихо.*) Мы д-должны встретиться наедине.

Пожарский: Вдали от посторонних ушей и глаз?

ЭП: От *своих* ушей и глаз. Говорю вам, предаст кто-то из наших. О встрече не должна знать ни одна живая душа. Только вы и я...

Пожарский (*делает жест — телохранитель отходит*): Когда? Где? Говорите.

ЭП: Знаете Петросовские бани? (*Пожарский кивает, выжидательно смотрит.*) Там отдельные кабинеты. Никому в голову не придет. Да и не п-подслушают. Завтра вечером. В семь. Скажем, в пятом номере. Я закажу. Там и поговорим начистоту.

Пожарский: В бане начистоту? Каламбур. (*Усмехается.*) Интересный вы экземпляр, Эраст Петрович. Весьма. Так, значит, в пятом?

ЭПИЗОД 25. Фандорин готовится

Петросовские бани.

Утро.

Просторный, светлый зал с бассейном посередине. Античный интерьер.

Бассейн необычный. Во-первых, он глубоко утоплен в полу: расстояние между кромкой воды и бортиками значительно больше, чем в современных бассейнах — метра полтора. С бортиков вниз свисают зеленые ветви, в воде плавают кувшинки.

Спуститься и подняться можно по красивой латунной лестенке. Напротив входа, по ту сторону бассейна, — балюстрада, за ней двери пяти отдельных кабинетов с табличками: №1, №2, №3, №4, №5.

Служитель показывает Фандорину устройство бань.

Служитель: Вот-с, общая зала с бассейном, а вон там — отдельные кабинеты. Пять рубликов за час.

ЭП (тоном привередливого барина): Это что же, мне в кабинет через общую залу идти?

Служитель: Что вы! Там, с той стороны, галерейка-с, для интимного проникновения. А с этой стороны дверка, если вашей милости пожелается в большом бассейне окунуться. Да вот пожалуйста, покажу-с. Какой угодно?

ЭП: Пятый.

Входят из залы в пятый.

Служитель: Вот, с этой стороны засовчик.

Вид кабинета: мрамор, бронза, сияющие краны, стол на гнутых ножках, кожаные лежанки. Посередине в полу — маленький бассейн.

ЭП мельком оглядывает кабинет, идет к противоположной двери, открывает. Там коридор.

Служитель: Вход отсюда-с.

ЭП (показывает налево): Что там?

Служитель: Ничего-с. Служебная лестница.

ЭП (показывает направо): А там?

Служитель: Дамское отделение и выход.

ЭП: Что ж, возьму, пожалуй. На семь часов.

Протягивает кредитку.

Служитель: Много давать изволите.

ЭП: Я беру все пять кабинетов. Мой товарищ выберет, какой ему больше нравится.

Служитель (подмигнув — он вообразил, что это встреча двух гомосексуалистов): Понимаю-с.

ЭП (с сомнением): В самом деле?

ЭПИЗОД 26. Фандорин загибает карты

Перед входом в Жандармское управление.

Подъезжает коляска (или сани), из нее легко выскакивает Фандорин. Останавливается — видит, как Мыльников перед входом втолковывает что-то группе филеров.

ЭП направляется к Мыльникову.

Мыльников (филерам): ...Тараканчиками, ребятки, блошками: прыг-скок. В семь чтоб были у меня.

Филеры торопливо расходятся, каждый на свое задание.

ЭП (легкомысленным тоном): Всё паутину плетете, Мыльников?

Мыльников (обернувшись и коснувшись котелка): Такая служба, ваше высокородие. В семь часов будет совещание со старшими филерских бригад. Всю Москву, как перину, вытряхнем. Не угодно присутствовать?

ЭП (зевнув): В семь? Нет, мы с князем Пожарским в б-баню собрались. Знаете ли, смыть суету, прочистить мозги... Отличное место — Петросовские бани. Не приходилось бывать?

Мыльников: Нет, я предпочитаю русскую парилочку, с березовым веничком.

ЭП: Дикость ваша п-парилочка. Мы вот с князем заказали первый кабинет, самый лучший, в римском стиле.

Мыльников: Подружились, значит, с его превосходительством? Ну и правильно, так оно умней выйдет. Не то что иные некоторые... (Бросает взгляд на здание Управления.)

ЭП: Мое почтение.

Входит в двери.

В вестибюле достает двумя пальцами из правого сюртучного кармана карту. Это бубновый король с пририсованным мыльниковским котелком. ЭП загибает на карте угол, перекладывает в левый карман.

Приемная начальника Управления

Смолянинов разговаривает по телефону. У поручика взволнованный вид.

Смолянинов: ...И саквояж с взрывателями? (Видит входящего Фандорина.) Будьте у аппарата, перезвоню. Эраст Петрович, на

квартире адвоката Зимина обнаружен труп Гвидона-Рахмета, того самого! Заколотся кинжалом!

ЭП: Не может быть! Это совсем на него непохоже.

Смольянинов: Пристав говорит — вцепился обеими руками в рукоятку, не разожмешь, а нож всадил себе прямо в сердце! А прочие террористы ушли — в спешке, даже запас взрывчатки бросили! Пристав хочет оставить засаду.

ЭП: Пустое. Ушли — так не вернуться... Рахмет заколотся? Странно.

Смольянинов (горячо): Ничего странного! Опомнился, и совесть не выдержала. Предательство — гнусность! А большинство революционеров — люди высокого образа мыслей, я в этом убежден. Просто их благородство служит ложной идее! Знаете, как я бы стал бороться с Б.Г. на месте князя Пожарского?

ЭП (смотрит на молодого человека с интересом): Как?

Смольянинов: Я бы не стал подсылать к ним шпионов и провокаторов, а просто объявил бы во всех газетах: «Господин Грин, вы верите в вашу правду, а я верю в свою. Давайте сойдемся в честном поединке, и пускай Бог решит, кто из нас прав. Убьете меня — никто вас не задержит. Слово чести». И этому Грину некуда было бы деваться. Откажется — будет трусом перед всем обществом.

ЭП: А если согласится, да и п-подстрелит нам генерала?

Смольянинов: Тогда следующим бросите вызов вы. Уверю вас, среди слуг престола найдется множество волонтеров, еще в очередь запишутся! Кого, в конце концов, в России больше — нас или террористов?

ЭП: Идея мне нравится. Сегодня же предложу ее Глебу Георгиевичу. *(Понизив голос.)* У нас с ним назначена встреча. В семь часов, в Петросовских банях. В отдельном кабинете, второй номер. Но это т-тайна. Никому ни слова.

Смолянинов: Что ж я, не понимаю. *(Тоже шепотом.)* В бане — это для конспирации, да?

ЭП: Конечно. *(Смотрит на дверь кабинета.)* Что полковник? У себя?

Смолянинов: Пять минут как вернулся. Странный какой-то, взъерошенный. Доложить?

ЭП кивает. Смолянинов скрывается за дверью.

ЭП достает из правого кармана червового валета, загибает угол, перекладывает в левый карман.

Из кабинета выскакивает Бурчинский, за ним растерянный Смолянинов. Вид у полковника и вправду какой-то встре-
панный: пробора нет, под глазами круги.

Бурчинский: Эраст Петрович! Прошу, прошу!

Кабинет Бурчинского

Входят Бурчинский и Фандорин.

Бурчинский на протяжении нижеследующего монолога все время мечется, жестикулирует, то сядет, то вскочит, то примется ходить по комнате. ЭП сидит в кресле и только следит за полковником взглядом.

Бурчинский: Пропал! Пропал! Всему конец! Я был у Пожарского. Под суд, говорит! В тюрьму, на каторгу!

ЭП: У меня сегодня встреча с Пожарским, в Петросовских банях. В кабинете номер три. В семь вечера. Если хотите, могу с ним п-поговорить...

Бурчинский: Бесплезно! Я у него прощения просил, на коленях стоял! Какое там! Ладно, говорит, из уважения к бывлым заслугам. И дал — вот. *(Роетса в кармане, достает револьверный патрон, показываает — пальцы ходят ходуном.)* Что... что вы мне посоветуете? Под суд или... или... *(У Бурчинского вырывается глухое рыдание.)*

ЭП: Как вы назначаете встречу вашей таинственной Диане?

Бурчинский: Диане? Есть номер телефона. Звоню — ей передают... Да что Диана? Чем она мне может помочь?

ЭП: Дайте мне номер.

Бурчинский пишет на листке четыре цифры, отдает листок.

Бурчинский: Фандорин, неужели спасения нет? Ведь позор, отвернуться как от прокаженного. Да и как я, я — на каторге? *(Смотрит на подарок Пожарского.)* Что выбрать?

ЭП *(холодно — страдания несимпатичного полковника его нисколько не тронули):* Дело вкуса. По мне позор хуже смерти. Так я говорю, в третьем кабинете, в семь...

Бурчинский: Что? А, какие глупости! *(Тусклым голосом.)* Да, каторга хуже... Всё, Эраст Петрович, прощайте. Идите. Мне нужно... Одному...

Приемная

Выходит Фандорин.

Смолянинов: Что с ним? Болен?

Из-за двери доносится выстрел.

Смолянинов, опрокинув стул, кидается в кабинет.

ЭП не идет туда. Достает из кармана трефового короля, рвет пополам, бросает на пол.

ЭПИЗОД 27. Шепот в темноте-2

Перед домом Дианы.

ЭП стоит на крыльце. Берется за ручку двери. Дверь открывается.

ЭП входит.

Показать это с расстояния, издалека. Потом камера отъедет еще чуть дальше, и станет видно, что за Фандориным кто-то наблюдает из коляски с поднятым верхом.

Комната Дианы

То же, что в Эпизоде 9.

Диана сидит в кресле.

Диана (тянет все звуки «с», отчего ее шепот звучит мистически): Здравствуйте, статский советник. Зачем я вам понадобилась?

ЭП хочет подойти ближе, но она делает останавливающий жест.

Диана: Нет-нет, сядьте вон там.

ЭП (садится): Тогда по крайней мере говорите нормальным голосом.

Диана (шепчет): Моя стихия — шепот, шорох, шипенье. Моя стихия — тень, темнота, тишина. Зачем вы пришли один, без полковника Бурчинского?

ЭП: Бурчинский застрелился.

Диана (совершенно спокойно): Вот как? Интересный поворот пьесы.

ЭП: Вы необыкновенная личность, настоящая роковая женщина. Из-за таких мужчины теряют голову, забывают о служебном долге, с-стреляются.

Диана (смеется): Говорите, говорите. Такие речи приятней аплодисментов.

ЭП: «Пьеса», «аплодисменты». Вы актриса?

Диана: По призванию — да. Мне бы блистать на сцене, но... жизненные обстоятельства не дают мне возможности использовать свой талант по назначению.

ЭП: Из-за вашего происхождения? Вы ведь, кажется, принадлежите к хорошему обществу?

Диана: Нечто вроде этого. Ничего, играть в жизни гораздо интересней, чем в театре... Стало быть, бедняжка Бурчинский застрелился. И вы хотите, чтобы я теперь сотрудничала с вами?

ЭП: Да, именно этого я и хочу.

Диана: Мой партнер должен быть исполнителем главной роли, а не второстепенной.

ЭП: Простите?

Диана: Вы, статский советник, уже статист, а не премьер. Увы. Передайте генералу Пожарскому, что Диана согласна сотрудничать только с ним.

ЭП (понурившись, после паузы): ...Хорошо. Я сделаю это нынче же. У меня как раз встреча с к-князем в семь часов, в Петросовских банях.

Диана (смеется): Он намылит вам голову?

ЭП: Там есть отдельный кабинет номер три — удобное место для беседы с глазу на глаз. *(Поднимается.)* Значит, я теперь с-статист?

Диана: Обиделся. *(Смеется.)* Ну хорошо-хорошо, вы актер второго плана.

ЭП выходит понурый, под звуки тихого, придушенного смеха. За дверью ЭП распрямляет плечи. Вынимает из кармана пиковую даму, загибает угол, перекладывает карту в левый карман.

ЭПИЗОД 28. Ссора

Кабинет Фандорина.

Лист бумаги, на котором схема расположения бассейна и кабинетов в Петросовских банях.

По схеме движется карандаш.

Голос ЭП: ...Проще простого. Ты сидишь вот здесь, в бассейне.

У стола, склонившись, стоят ЭП и Маса. Женский голос (уверенный и мелодичный, но чудовищно фальшивящий) напевает романс: «Это было давно, лет пятнадцать уже, вез я девушку трактом почтовым. Миловидна, бела, словно тополь стройна и прикрыта платочком пуховым. Вдруг жандармский разъезд перерезал нам путь, кони верные вкопанно встали...» и т.д.

Маса (кивает): Хай.

ЭП: Ничего не делаешь, просто смотришь, в какой к-кабинет они ворвутся — в первый, второй или третий.

Маса: Хай.

ЭП: Потом идешь к пятому, вот сюда, там буду находиться я. Стучишь в дверь — один, два или три раза. Возвращаешься в бассейн, всё.

Маса (показывает пальцем на схеме): Гаспадзин, а затем тетвертый кабинет?

ЭП: Я хотел проверить и Бурчинского, но... (Пожимает плечами.)

Голос Эсфири: Эраст! Эра-аст!

ЭП оглядывается на дверь.

ЭП: Сейчас.

Выходит.

Японская баня

Под бочкой с водой тлеют уголья, идет пар. В бочке сидит красная, распаренная Эсфирь и блаженно улыбается. Волосы замотаны полотенцем.

Эсфирь (поет): «Перед смертью она признавалась мне: от жандармов я нынче бежа-ала».

Входят ЭП и Маса.

Эсфирь: Маса, ты прав, японская баня — настоящий рай! *(Хотя со стороны Эсфирь больше похожа на грешницу в аду.)* Эраст, лезь ко мне. Это просто блаженство!

ЭП: Я немного з-занят. К тому же мне сегодня еще предстоит посетить баню.

Эсфирь: Какую?

ЭП: Петросовскую. У меня там в семь встреча.

Эсфирь (сдвинув брови): С кем это?

ЭП: С князем Пожарским.

Эсфирь: С этим палачом? Да он приговорен к революционной казни! По нему давно пуля плачет!

ЭП вздрагивает. *Флэшбэк:* Лицо Пожарского, говорящего: «А вы с вашей нигилисткой мадемуазель Эсфирью не чрезмерно откровенничаете?»

ЭП (медленно, отчетливо): Мы с Пожарским встречаемся в... четвертом номере.

Лицо Масы — он смотрит на хозяина широко раскрытыми глазами.

Фандорин краснеет, трясет головой, словно отгоняя наваждение.

ЭП: То есть, я хочу сказать в пятом. Прости. Прости.

Эсфирь (вскакивает в бочке): «Прости»?! Ты смеешь признаваться?! Наслышана я про ваши нравы да про отдельные

кабинеты! Мамзельки, китайский массаж! Гадость! Какая гадость!

Маса пялится на голую барышню. ЭП разворачивает слуге голову на 180 градусов и толчком выставляет за дверь.

Эсфирь: Господи, какая грязь! (*У нее на глазах злые слезы.*) Дай халат, подлец!

ЭП: Но... выслушай же! Это совсем не то...

Эсфирь: Не смей на меня пялиться, грязный распутник! Швыряет в ЭП мокрое полотенце, сдернув его с головы. Хватает медный ковш, замахивается — ЭП едва успевает выскочить за дверь. Раздается звон, грохот.

Крик Эсфири: Я ухожу! Навсегда!

ЭП сдергивает с плеча повиснувшее полотенце. Маса смотрит на него, сочувственно цокает языком.

ЭПИЗОД 29. Грину снова пишут

Сторожка обходчика.

Железнодорожные пути, полоса отчуждения, унылые пакгаузы. Домик с заколоченными окнами.

Давно день, но Снегирь и Емеля спят на полу, прижавшись друг к другу и накрывшись полушубками.

У окна сидит Грин. Его голова забинтована. Ноги лежат на шляпной коробке. Рядом еще одна. Грин смотрит в щель между досками. Чувствуется, что в этой позе он сидит уже очень долго.

На подоконнике револьвер.

Грин делает движение — он заметил Жюли.

Она идет, грациозно покачивая бедрами. Ножки на высоких каблучках ступают между шпал.

Пронесся маневровый паровоз, обдав Жюли клубом пара. Она закрыла лицо кружевным платочком, чихнула.

Жюли входит в сторожку.

Жюли: Всё спят?

Грин: Пускай. Мальчик устал, первая акция. А Емеля всю ночь читал своего «Монте-Кристо»... Вас долго не было. Я стал беспокоиться. Сделали?

Жюли подходит к спящим, укутывает Снегиря. Тот жалобно стонет во сне.

Жюли садится напротив Грина.

Жюли: Сняла номер в «Бристоле». *(Загибает пальчик.)* Послала телеграмму в Питер. *(Второй пальчик.)* Вот ответ. *(Показывает.)* «Благодарим пунктуальность. Ждите коммивояжера Одессы. Будет послезавтра. Правление». Это за деньгами приедут.

Грин: Хорошо. Я приготовил.

Снимает крышки с шляпных коробок. Там плотно уложены пачки кредиток.

Жюли (жалобно): А мои шляпы?!

Грин: Там где-то.

Небрежно показывает на пол — там валяются две шляпы, изрядно помятые, потому что Емеля навалился на них боком. Жюли берет одну, с тихим стоном отбрасывает в сторону. Берет вторую, рассматривает, надевает. Сломанное страусиное перо свисает ей на лицо.

Жюли (отшвырнув шляпу, жалобным тоном): Какие жертвы я приношу на алтарь революции!

Емеля вскидывается. Смотрит на Жюли бессмысленными глазами.

Емеля: Ну и гад же этот Вильфор.

Роняет голову, засыпает вновь.

Грин (встает): Идите, пора. О нас не беспокойтесь. Теперь я свяжусь с Иглой, она нас спрячет.

Жюли: Зачем рисковать? Давайте с ней свяжусь я.

Грин: Нет. Вы теперь важней. (*Кивает на коробки.*)

Жюли обнимает его, нежно целует. Оборачивается на спящих. Мелко крестит их слева направо, на католический манер.

Берет коробки, выходит.

Грин выходит за ней, хочет проводить, протягивает руку взять коробку.

Жюли: Нет-нет, я сама. У меня там извозчик.

Грин смотрит вслед тонкой, элегантной женщине, сгибающейся под тяжестью денег.

Жюли оборачивается, весело улыбается.

Грин хочет войти в сторожку. Застывает.

В щель между бревен всунут белый свернутый листок.

Грин быстро оборачивается вправо-влево, жмурится от солнца. Смотрит на Жюли, которая отошла уже далеко. Качает головой — нет, невозможно.

Разворачивает записку. Видно одну строчку и крупно подпись: СДД.

Грин сразу же забывает о загадочности появления записки.

Грин (*шепчет*): Ну, господин Пожарский, вот и ваш черед...

Быстро, решительно входит в сторожку.

Смысл этого эпизода, кроме функционально-сюжетного, заключается в том, что зритель должен еще больше полюбить Жюли, проникнуться к ней нежностью и горячей симпатией.

ЭПИЗОД 30. «Полет ястреба»

Петросовские бани. Коридор с входами в кабинеты.

Идет Фандорин, на нем шуба и цилиндр. Впереди — давешний служитель.

Служитель: Ваш дружок уже пожаловали — в пятый. Симпатичный господин. (*Подмигивает.*)

ЭП (*кинув взгляд искоса*): О да.

Служитель: Что прикажете делать с остальными кабинетами?

ЭП: Ничего. Может быть, мы пожелаем п-переместиться. Служитель открывает перед Фандориным дверь кабинета с цифрой 5, кланяется.

Петросовские бани. Кабинет № 5

Голый Пожарский сидит в маленьком бассейне, дымит сигарой.

На полу возле бассейна — откупоренная бутылка шампанского.

Пожарский: Как молодой повеса ждет свиданья, так я весь день минуты ждал, когда чего-то там подвал мой тайный.

ЭП: Зачем вы разделись?

Пожарский (он шепелявит из-за сигары): Так ведь баня же. Как говорится в гусарском анекдоте, заодно и помоемся.

ЭП: Я вижу, вы в игривом настроении. И шампанское...

Снимает верхнюю одежду.

Пожарский (выпустив клуб дыма): Ох, хорошо! Есть повод для веселья, Фандорин. Есть! Да не стойте вы, как манекен в магазине готового платья. Раздевайтесь. Генерал свиты его величества, можно сказать, Рюрикович перед вами в чем мать родила, а вы церемонничаете. Право, это неучтиво. *(Смеется.)* Или вы стесняетесь? Как это на вас похоже!

ЭП после колебания начинает раздеваться, то и дело поглядывая на дверь, что ведет в большой бассейн.

ЭП: Очень может быть, что нам придется быстро уходить...

Пожарский (беспечно): Я со времен кадетского корпуса умею одеться в тридцать секунд.

Петросовские бани. Общая зала

В бассейне сидит Маса. Его голова повязана стянутым в жгут полотенцем.

Там же плещутся еще три упитанных господина с обычной для конца XIX века растительностью на лице. У одного волосы стянуты сеточкой. Маса подозрительно косится на соседей по бассейну. Членов Б.Г. среди них нет.

С одного борта вниз льется искусственный водопад. Один из купальщиков пристроился под ним и ухает от удовольствия. Впрочем, из-за шума воды все звуки сливаются и неразборчивы.

Петросовские бани. Кабинет № 5

Фандорин сидит напротив Пожарского в бассейне.

На лежанке — аккуратно разложенная одежда ЭП. Там же арсенал: большой револьвер в специальной кобуре, маленький револьвер на ремне, который крепится к лодыжке, и стилет.

Пожарский (кивнув на оружие): Изрядный арсенал, одобряю. А я попросту, с одним «кольтиком».

Кладет руку на бортик. Там шелковый шнурок. Пожарский тянет за шнурок, и из-под лежанки вдруг выскальзывает револьвер, скользит по мраморному полу — прямо под руку Пожарскому.

Пожарский (ухмыляется): Привычка. Ну что, к делу?

ЭП: К делу.

Он поглядывает на дверь, руки откинул на бортики, чтоб была точка опоры.

Пожарский (улыбаясь): Так что ваш план?

ЭП: У меня есть основания надеяться, что виновник обнаружится уже с-сегодня. Но об этом чуть позже. Сначала вы. Что за повод для шампанского?

Пожарский (интригуяюще ухмыльнувшись): Я знаю, как найти Б.Г., и очень скоро всю ее зацапаю.

ЭП: Каким образом?!

Снова взгляд на дверь.

Петросовские бани. Общая зала

Маса напрягся. Из двери раздевалки выбегают трое одетых мужчин с револьверами в руках: Грин, Емеля и Снегирь. Емеля и Грин первым делом подбегают к бортику бассейна, рывком выдирают латунную лесенку и бросают ее на пол. Теперь без посторонней помощи купающиеся вылезти не смогут. Купающиеся возмущенно галдят, но из-за водопада разобрать слова невозможно.

Емеля (наклонившись и погрозив револьвером): Тихо мне тут, сардельки!

Трое террористов взбегают по лестнице на галерею, где расположены двери в номера.

Маса отчаянно прыгает в воде, пытаясь зацепиться за бортик, но у него слишком короткие руки.

Тогда он отплывает к противоположной стенке, чтобы лучше видеть, в какую дверь ворвутся террористы.

Там один из купальщиков — тот, что в сеточке. Возмущенно кричит.

Купальщик: Что за свинство! Эй, вы кто? Грабители? Что с голых возьмешь? Где служители? Полиция! *(И т.д., без остановки.)*

Террористы пробегают мимо первой двери, второй, третьей, четвертой. Грин дергает дверь пятой — она заперта. Дает знак Емеле. Тот разбегается.

Маса (в ужасе): Данна-а-а! Ки-о цукэ-э-э-э! *(Что означает: «Господин! Берегись!»)*

Но голос японца теряется в шуме воды и галдеже купальщиков.

Тогда Маса нажимает купальщику на голову, тот с бульканьем уходит под воду. Маса опирается на него коленкой, делает отчаянный рывок кверху — вот уже достал кончиками пальцев до бортика, но пальцы соскользнули.

Петросовские бани. Кабинет № 5

Пожарский вылез из бассейна. Загадочно улыбаясь, стоит у столика, наливает в два бокала шампанское. Оглядывается на дверь.

Пожарский: Каким образом? Да в некотором роде благодаря вам...

В этот миг дверь, ведущая в общую залу, с грохотом слетает с петель. В кабинет с разбега влетает Емеля. Поскользнувшись, растягивается на полу и по инерции скользит до самого бассейна. За ним вбегают Грин и Снегирь.

Пожарский и Фандорин, каждый на свой лад, проявляют чудеса ловкости.

Пожарскому легче (*потому что он знал о нападении и был к нему готов*). Его «кольт» остался лежать на полу подле бассейна, и князь не пытается подобрать оружие. Он просто разворачивается и бросается к двери в коридор.

ЭП проделывает кульбит: его руки были отведены назад и лежали на бортике; он опирается на руки, выталкивает тело из воды (взлетает фонтан брызг), переворачивается через голову и приземляется на корточки, уже на полу.

Если это сальто невозможно выполнить даже при помощи дублера, можно придумать что-то менее эффектное. Например, ЭП использует упавшего Емелю как рычаг: хватает его за шиворот, чтобы выпрыгнуть из бассейна, и потом тоже бежит к двери.

В дверях Пожарский и Фандорин сталкиваются плечами. Выстрелы. От косяка летит щепка.

Оба нудиста вылетают в коридор.

Пожарский: Поврозь!

Бежит направо, в направлении двери с табличкой «Дамское отделение».

Фандорину ничего не остается, как бежать налево.

В коридор выбегают террористы.

Грин: Пожарский — мой! Фандорин — ваш!

Емеля и Снегирь бегут за Фандориным, который скрывается за дверью служебной лестницы (на ней обозначено «Черная лестница»).

Грин — за Пожарским, стреляет, но генерал уже нырнул в дамское отделение.

Петросовские бани. Дамское отделение

Под визг полуодетых и совсем раздетых дам Пожарский бежит к противоположной двери.

Пожарский (кричит на бегу): Миль пардон, медам! Я не смотрю! Слово Рюриковича!

Скрывается за дверью.

Грину приходится труднее. Дамы уже несколько опомнились. Одна, дородная, с монументальным бюстом, вцепляется террористу ногтями в лицо. Другая отвешивает ему оплеуху. Грин продвигается вперед довольно медленно, стряхивая с себя разъяренных представительниц прекрасного пола.

При этом стоит оглушительный визг.

Ясно, что Пожарский успел удрать.

Петросовские бани. Черная лестница

Голый ЭП несется вверх по мрачной каменной лестнице. Вниз бежать некуда — там железная дверь с увесистым висячим замком.

Следующий пролет. Дверь. ЭП дергает ручку — заперто. Снизу доносится топот преследователей.

ЭП бежит выше. Когда он слишком приближается к перилам, Емеля стреляет в него с нижнего этажа. Противный визг пули.

На следующем этаже то же самое — дверь заперта.

Третий этаж — опять.

Это похоже на кошмарный сон с дурным повторением одной и той же аллегории безысходности.

С третьего этажа вверх ведет узкая лестница — там чердак. ЭП взбегает туда.

Там тоже дверь, и на двери замок. Но дверь обычная, деревянная. ЭП чуть отступает назад и с разворота бьет ногой. Дверь слетает с петель. ЭП, схватившись за ушибленную ногу, вваливается в тесное чердачное помещение.

Оглядывается по сторонам.

Слышен топот преследователей.

ЭП распахивает узкое окошко, выглядывает.

Петросовские бани. Крыша

Красивое звездное небо.

Из чердачного оконца на блестящую крышу вылезает голый чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе. Чуть припадая на ногу, бежит по грохочущей жести в один конец. Отшатывается — внизу освещенная улица: люди, экипажи.

Я понимаю, что это очень дорого и непродуктивно — делать целую улицу XIX века ради пяти секунд, но это было бы широко, эффектно — именно из-за пяти секунд.

ЭП бежит в обратном направлении. Останавливается на самом краю. Отвесная стена, до земли метров пятнадцать. Далеко внизу — внутренний двор бань, весь заваленный снегом.

Сзади, из окна чердака, вылезают двое. Грохочут сапогами. Впереди Емеля.

ЭП смотрит на силуэты московских колоколен, башен, крыш. Морозный воздух прозрачен.

Емеля не спеша приближается, медленно поднимает руку с револьвером.

Емеля: Побегали, ваше высокородие, и будет. Теперь полетайте. Всё ваше псиное племя под корень изведем.

ЭП вздрагивает. Флэшбэк: гравюра «Полет ястреба» со схемой прыжка ниндзя, которая уже была подробно показана в Эпизоде 15.

ЭП смотрит вниз, передергивается. Складывает ладони на буддийский лад.

ЭП: Наму амида Буцу. *(Потом быстро крестится.)* Господи спаси!

С отчаянным криком, вытянувшись в струнку, шагает в пустоту. Падение с крыши. Отталкивание ногами от стены. Сальто. Траектория падения меняется с вертикальной на диагональную. Куда упал — не видно, но крик оборвался.

Петросовские бани. Внутренний дворик

Заснеженный темный двор, кусты, сугробы.

Посреди дворика фонтан с чашей, увенчанный амурчиком. Снег здесь всю зиму не убирали, да еще сгребали с боков.

Емеля и Снегирь смотрят сверху. Голый человек исчез.

Емеля (обескураженно): На небо, что ль, вознесся? Вроде не должен бы.

Снегирь: Пойдем. Ну его. С такой высоты упал — насмерть убился.

Емеля (качает головой): Чудеса в лукошке.

Уходят.

Снег в фонтане зашевелился, из-под ног амура высовывается голова Фандорина.

ЭП (он не в себе от шока, бормочет): Это ад... Японский ледяной ад... Не надо было буддийскую м-молитву...

Трясет головой. Встает. Падает с фонтана в снег.

Снова встает. Шатаясь, бредет к воротам, ведущим в переулок.
Трель свистка.

Переулок

По переулку топчет сапожищами городской.

Внезапно из-за угла на него вываливается голый человек, облепленный снегом, — городской едва успевает его подхватить.

Городовой: Ну, господа! Как напьются, так сразу палить! И телешом на улицу! Вот я тя, свинью поганую, в кутузку!

ЭП (с блаженной улыбкой оседает наземь, его пальцы пытаются ухватиться за шинель полицейского): Свой ад, православный...

ЭПИЗОД 31. Страшное подозрение

Гостиница «Лоскутная». Номер Пожарского.

ЭП открывает глаза и в первый миг не понимает, где находится. Он лежит в кровати.

Поворачивает голову. Это гостиничный номер (уже знакомый зрителю). На стуле лежит одежда ЭП, доставленная из бань.

Рядом сидит один из телохранителей Пожарского. Увидев, что ЭП открыл глаза, телохранитель молча встает и выходит в соседнюю комнату.

Оттуда появляется Пожарский.

Пожарский: Ну наконец-то! Чуть не сутки продряхли. Я уж думал, придется без вас обойтись. Доктор сказал, нервный обморок, а так все цело. *(С любопытством.)* Как вы от террористов-то сбежали? Я посмотрел потом — кроме как на крышу, деться вам было некуда.

ЭП (осипшим голосом): Не сбежал. Улетел. А вы?

Пожарский (смущенно улыбнувшись): Меня, как всегда, выручили женщины.

ЭП садится на кровати, осторожно ощупывает члены.

ЭП (с удивлением): Действительно, цел. *(В следующую секунду уже смотрит на Пожарского, требовательно.)* Есть вопросы. Вы давеча сказали, что вышли на след Б.Г. и будто бы

благодаря мне. Это раз. Что произошло за минувшие сутки? Это два. И еще. Вы сказали «обойтись без меня». В чем обойтись? Это т-три.

Пожарский (*садится на кровать*): Сначала — главное. После вчерашнего покушения нам с вами поручено возглавить чрезвычайный штаб по борьбе с Б.Г. (*С нажимом.*) И отчитываться мы теперь будем перед самым государем. Вы понимаете, что это значит?

ЭП, судя по его виду, не очень понимает.

Пожарский (*снисходительно*): Ах, да ведь вы — человек, далекий от большой власти. Пока далекий. Но очень скоро наша с вами фортуна воспарит в эмпиреи, потому что расчудесная Б.Г. у меня в кармане.

ЭП: Как вам это удалось?

Пожарский (*посмеиваясь*): Через вашу Диану. А вывели на нее меня вы. После нашего памятного разговора при факелах я установил за вами слежку. Что-то, думаю, темнит статский советник. Мои людишки видели, как вы посещаете некий особнячок с мезонином. Я туда наведалься и взял обретавшуюся там таинственную особу за шенкеля.

ЭП: Диану?!

Пожарский: Это для Охранки она Диана, а для господина Грина ее имя СДД.

ЭП: Как? СДД?

Пожарский: Ну да. Это означает «Смерть Дарящая Диана». Барышне нравилось разыгрывать из себя этакую вершительницу судеб. Водила за нос обе стороны. Получала от болвана Бурчинского секретные сведения, переправляла Грину.

ЭП: Но как она узнала про пятый номер? Об этом знала только...

На миг зажмуривается. Флэшбэк: Лицо Эсфири и голос Фандорина, говорящий: «То есть, я хочу сказать в пятом. Прости. Прости».

Пожарский: Кто?

ЭП: Неважно... Где она сейчас?

Пожарский: Там же. Ее стережет один из моих квазимод. Едемте. Покажу вам зрелище не для слабых нервов. Готовьтесь, Фандорин, вас ждет потрясение.

ЭП смотрит на князя в упор — он уже уверен, что Диана — это Эсфирь и что Пожарский издевается над ним.

ЭП (обреченно): Что ж, едем...

ЭПИЗОД 32. Родимое пятно

Особняк Дианы.

Пожарский и Фандорин поднимаются в мезонин по скрипучей лестнице. Пожарский доволен собой, напевает. Фандорин бледен и напряжен — его мучает предстоящая встреча с Эсфирью.

В коридоре у двери стоит второй телохранитель Пожарского. Он неподвижен, лицо непроницаемо.

Пожарский: Что она?

Телохранитель: Поплакала маленько, потом утомонилась.

Пожарский открывает дверь.

Полумрак. Силуэт женщины, стоящей у окна, только что-то очень уж высокий.

Пожарский: Мерзавец! Прохлопал!

Бросается вперед. Снимает повесившуюся на окне Диану. Кладет на пол.

Фандорин закрывает глаза.

Пожарский отдергивает занавеску.

В комнате становится светло.

Телохранитель: Ваше превосходительство! Вы ведь сами велели: не входить, не выпускать!

Пожарский (*сидя на корточках*): Ладно... Ничего. Она, собственно, свое дело сделала... Но кто бы мог подумать, черт... (*Оборачивается.*) Эраст Петрович, что вы там встали? Идите, тут есть на что посмотреть.

ЭП обреченно подходит. Смотрит на лежащую женщину. На его лице страдание, горечь, потрясение.

Пожарский берет ее двумя пальцами за маску (глядит при этом на Фандорина) и жестом фокусника сдергивает ее.

Пожарский: Оп-ля! Аплодисменты.

Ошеломленное лицо ЭП.

На полу лежит женщина, которую он видел на сборище у инженера Ларионова, — та самая, с чудовищным родимым пятном в половину лица.

Пожарский: Какова? Теперь понятно, отчего она интересничала и в темноте сидела?

ЭП передергивается, как бы отгоняя наваждение. На миг закрывает глаза. М.б., даже краснеет — ему стыдно, что он мог заподозрить Эсфирь в коварстве.

ЭП (*беря себя в руки и изображая деловитость*): Вы сказали, она сделала свое дело? (*Отворачивается от трупа.*)

Пожарский: Да. Во-первых, она сообщила мне, где скрывается Б.Г....

ЭП: Так почему вы их до сих пор не взяли?!

Пожарский: Потому что они сидят в динамитной мастерской. Как их там возьмешь? Пол-Москвы на воздух взлетит. Нет, надо их, голубчиков, выманить в тихое, удобное местечко. И Диана

это сделала. (*Треплет мертвую Диану по уродливой щеке, поднимается.*)

ЭП: Как?

Пожарский (*довольный собой*): Написала им под мою диктовку записочку. «Пожарский и Фандорин, которых вы упустили, будут завтра в полдень в Снежном городке. СДД».

ЭП: Где?

Пожарский: Не слышали про Снежный городок? Ай-я-яй. А еще москвич.

ЭПИЗОД 32-а

Снежный городок.

Пожарский и Фандорин в Снежном городке. Это довольно обширный пустырь, со всех сторон огороженный наспех сколоченным дощатым забором. Фигуры, композиции, избушки, памятники, вылепленные изо льда и снега, — впечатление заколдованного зимнего царства. Посередине сооружение довольно странного вида, ледяной лабиринт: квадрат с ледяными стенами, в котором проделаны вход и с противоположной стороны выход. Напротив выхода большое жестяное панно, на котором аляповато намалеваны персонажи пушкинских сказок: кот, русалка на дереве, царевна Лебедь, дядька Черномор и прочее. Поверху затейливыми письменами выведено: МАТУШКЕ МОСКВЕ ОТЪ КУПЕЧЕСТВА ПЕРВОЙ ГИЛЬДИИ КЪ МАСЛЕНИЦЕ.

Пожарский и ЭП идут среди снежных изваяний. В городке почти пусто, только сбоку от Лабиринта трое людей старательно утрамбовывают невысокий снежный параллелепипед довольно уродливого вида.

Пожарский: Местечко — просто мечта. Купечество устроило подарок москвичам к Прощеному воскресенью. Открытие

послезавтра, а пока ни души. Тут мы нашу БГ и возьмем. На живца, то бишь на вас. Вы показываетесь, они себя обнаруживают, тут появляюсь я со своими нукерами, и бац! — мышеловка захлопнулась.

ЭП: А вместе с мышами в мышеловке оказываюсь я? (*Кивает на Лабиринт.*) Это что такое?

Пожарский: Лабиринт. Аттракцион для публики. Тут вход, с той стороны выход.

ЭП заинтересованно заглядывает внутрь. Хорошо бы здесь показать Лабиринт сверху: хаос зигзагообразных галереек и с другой стороны выход.

Пожарский: Рискованно, понимаю. Можете отказаться. Только кроме вас вряд ли кто справится. Тут отличная реакция нужна, ловкость. Тогда и риска немного.

ЭП (иронически): В самом деле?

Пожарский: Во-первых, если они себя обнаружат на подходе к городку, то и живец не понадобится. А во-вторых... (*Делает паузу.*)

Они огибают угол Лабиринта, и видно тех троих рабочих, что утрамбовывают странную снежную фигуру.

ЭП: Что «во-вторых»? Ну и уродство! Что это д-должно изображать? Гроб Господень?

Пожарский (посмеиваясь): Загоруйко!

Один из рабочих, вытягивается по стойке смирно.

Рабочий: Я, ваше превосходительство!

Пожарский: Ну-ка яви свой шедевр во всей красе.

Рабочий: Так сызнова транбовать придется.

Пожарский: Ничего, пусть его высокородие полюбуется.

Двое рабочих наклоняются, суют руки в снег, тянут что-то. Вытягивают лист картона, и половина «гроба» вдруг проваливается — в земле раскрывается дыра.

Пожарский: Тут канализационный люк. Вы прыгаете вниз, прямо туда. Соломы подстелил?

Загоруйко: Так точно.

Показать люк — на дне и в самом деле большой ворох соломы.

Пожарский: Я смотрел по плану подземных коммуникаций. Отсюда отводы на три соседние улицы. Так что восстанете из гроба живехоньки. А мы тем временем тут из БГ бефстроганов сделаем.

Фандорин заглядывает в дыру, ничего не говорит. Идет дальше, за угол Лабиринта, подходит к жестяному панно, рассеянно постукивает по нему — раздается звук, какой издает толстый металлический лист. Пожарский терпеливо ждет.

Фандорин: Что ж, план неплох. Но прежде чем открыть огонь, вы предложите им сдаться. *(Смотрит на Пожарского.)* Дайте слово.

Пауза.

Пожарский *(со вздохом):* Ну хорошо. Слово офицера. Так что, разыграем эту пьеску в четыре руки?

Протягивает Фандорину руку.

Рукопожатие: Пожарский накрывает руку Фандорина левой, ЭП тоже кладет сверху левую — получается четыре руки.

ЭПИЗОД 33. Ловушка

Перед динамитной мастерской.

Двор, вымощенный булыжником. Вход в полуподвал. Над дверью вывеска «Скобяной складь». Медный колокольчик. Мужская рука в перчатке звонит. Сует в щель конверт. Исчезает.

Здесь можно слегка поиграть со зрителем в таинственность — прикинуться, что не покажем, кто это. А потом все-таки взять и показать.

Это один из телохранителей Пожарского.

Быстро отошел, спрятался за угол, наблюдает.

Грин осторожно приоткрывает дверь. Письмо падает. Дверь открывается шире, и видно, что у Грина наготове револьвер. Грин подбирает письмо, выскакивает наружу, спрятав оружие. Вертит головой.

Ухо залеплено пластырем. Щека расцарапана. Телохранитель спрятался. Смотрит при помощи ручного зеркальца. Взгляд прищуренный, оценивающий.

Грин захлопывает дверь.

Динамитная мастерская

Полки с образцами скобяного товара, коробками, мешками, пакетами — идеальная маскировка для динамитной мастерской.

Емеля, как всегда, читает книжку. Грызет ломоть хлеба, шмыгает носом.

Снегирь в углу учится кидать нож; бросает его в дощатую дверь. Нож никак не желает втыкаться.

Игла, сидевшая у стола, поднимается навстречу вошедшему Грину. У того в руках развернутый листок. Движения быстрые, лицо напряженное.

Игла: Снова СДД?

Грин кивает, дает прочесть письмо. Сам подходит к полкам, заглядывает в мешки, в коробки.

Игла: Пойдете?

Грин: Разумеется. Пожарский — ладно, но Фандорин-то откуда? Емеля, ты же говорил, Фандорин разбился.

Емеля (отрываясь от чтения): Ну.

Грин: А он живехонек, сегодня в двенадцать снова с Пожарским встречается.

Емеля: Да ну?

Грин: Вот тебе и «ну».

Снегирь: А я догадался. Он за крышу руками зацепился и повис, а мы не заметили.

Грин: Больно шустрые господа, их бы лучше бомбой. Что у вас за мастерская! Динамита сколько угодно, а запалов нет. Зачем тогда динамит? Можете достать запалы? Прямо сейчас?

Игла (виновато): Нет, на это нужно время.

Грин (рассматривает банки): Гм. Парафин есть, пикриновая кислота есть, перегонник есть... Даже стеклянные трубки. Можно сделать гремучий студень. Только нитроглицерина недостает...

Снегирь (заинтересованно): А корпуса? А наполнитель?

Емеля: Это ерунда. Консервные банки да резаные гвозди. Лучше всякого динамита.

Игла: У Аронзона должен быть нитроглицерин.

Грин: Опасно. Рахмет наверняка выдал химика.

Игла: А это можно проверить. Здесь рядом аптека, там телефон.

ЭПИЗОД 34. «Всё в порядке»

Аптека.

Игла у телефонного аппарата. Рядом Грин.

Игла (в трубку): Алло... Алло... *(В трубке слышится прерывистое дыхание.)* Семен Львович?

Голос в трубке: Да.

Игла: Семен Львович, это вы?

Голос: Да. *(Отчетливый. — это действительно голос Аронзона.)*

Да, это я. Здравствуйте.

Игла: У вас... у вас всё благополучно?

Аронзон: Да. У меня все в порядке. Всё прекрасно.

Игла: К вам можно?

Аронзон: У меня всё в порядке... Да, можно. Приходите.

Игла (повесив трубку): Кажется, разбудила. Еще рано. Еду.

Грин: Поедем вместе. Одну не отпущу.

Она смотрит на него с выражением, в котором сочетаются удивление и, пожалуй, робость — в ее отношении к железному человеку произошел некий перелом, она не уверена, что означают слова «одну не отпущу» — обычную заботу о товарище или нечто большее?

ЭПИЗОД 35. У приват-доцента

Перед домом Аронзона.

Грин и Игла стоят на углу переулка и смотрят вверх, на окна квартиры приват-доцента, закрытые шторами.

Грин: Войдете — первым делом отодвиньте штору вон в том окне. Если в течение пяти минут не сделаете этого — я пойму: засада.

Игла: И немедленно уходите. *(Поколебавшись.)* На складе можете остаться. Я не выдам.

Грин: Я знаю.

Она снова бросает на него неуверенный взгляд и краснеет от удовольствия.

Игла *(с небрежным видом):* Не станут же они меня пытаться.

Грин: А клаустрофобия? Вы говорили, что боитесь тесного пространства.

Игла: На крайний случай у меня есть вот это. *(Показывает заколку в волосах.)*

Поворачивается, пересекает улицу, входит в подъезд.

Грин смотрит на окна.

Каким-то образом показать, что прошло больше пяти минут. Предположим, Грин поглядывает через окно парикмахерской, как бреют голову татарину-приказчику. Вот ее только что намылили. Половина обрита. Вся обрита, сияет, как шар; парикмахер любовно полирует ее бархоточкой — клиент доволен. Или еще что-то в этом роде, требующее примерно пяти минут. Другой вариант, при котором можно не ждать пяти минут. Занавеска на одном из окон аронзоновской квартиры дрогнула, чуть отодвинулась. Грин подался вперед, он уверен, что это — условленный сигнал, но через стекло видно какую-то усатую физиономию, зорко осматривающую улицу. Грин прячется за угол.

Физиономия исчезает.

Грин хмурится. Колеблется — уходить или нет. Сохранность Боевой Группы и предстоящая акция важнее, чем судьба Иглы, и всё же...

Выражение мрачной решимости на его лице.

Он входит в подъезд.

Перед квартирой Аронзона

Грин у двери с медной табличкой «Приватъ-доцентъ С.Л. Аронзонъ». Стоит, приложив ухо к двери.

Доносятся приглушенные странные звуки: какие-то сердитые голоса, монотонное подвывание, потом вдруг стук, словно упал какой-то предмет мебели.

Грин достает револьвер, звонит.

Голос умолкает, стук тоже, остается одно подвывание.

Дверь осторожно приоткрывается, видно блестящий глаз. Грин коротко, без размаха, бьет рукояткой в щель, потом с силой толкает дверь.

Перепрыгивает через упавшего мужчину. Здесь же в коридоре второй, тоже с револьвером в руке, но опешивший от неожиданности. Грин хватает его рукой за горло, стучает затылком о стену — раз, другой, третий. Тот оседает на пол. Это люди из охраны Храпова — те самые, что были в эпизодах 3 и 5.

Голос ротмистра Зейдлица: Что там у вас?

Грин оглядывается на оглушенных агентов. Двумя размеренными, точно рассчитанными ударами рукояткой в висок добивает их. Спокойно идет по коридору.

Голос Зейдлица: Шутов! Кто пришел? Лежать, сука!

Грин (входя в кабинет): Я пришел.

Зейдлиц в рубашке с засученными рукавами стоит перед упавшим стулом, к которому прикручена Игла. Грохот, который Грин слышал через дверь, был звуком падения.

У Иглы разорвано на груди платье, кровоподтек на ключице, губы разбиты в кровь.

(Подвывание звучало все это время и теперь стало громче, но его источник пока неясен.)

Одновременно: Зейдлиц с рычанием тянется к лежащему на столе револьверу, Грин стреляет с бедра.

Пуля попадает Зейдлицу в горло. Ротмистр падает на спину, рывком садится, держится руками за шею, меж пальцев выхлестывает кровь. Смотрит на Грина с ненавистью, шевелит губами, но сказать ничего не может. Зейдлиц откидывается на спину, дергает ногами. Бульканье вытекающей крови. Грина ротмистр не интересуется.

Грин: Их трое или еще?

Игла: Трое.

Тогда Грин прячет револьвер, отвязывает ее, берет на руки, относит на кожаный диван. Игла всхлипывает, по лицу текут слезы.

Грин: Больно?

Игла: Я... я не смогла... Думала, что смогу... И время было... Выдернуть *(показывает на заколку)* и в горло... Но не смогла... Простите меня...

Грин: И очень хорошо, что не смогли. А то бы я зря рисковал.

Игла: Это начальник охраны Храпова... Устроил собственное расследование... Бешеный... Осатанел... А там Аронзон... Они с ним что-то сделали...

Показывает туда, откуда доносится подвывание.

Только теперь видно, что у стола, уткнувшись лбом в скрещенные руки, сидит Аронзон.

Грин подходит к нему, трогает за плечо.

Аронзон (отчаянно дернувшись): Не надо!

Поднимает голову, и видно, что вместо одного глаза у него — красная яма. Вся рубашка в пятнах засохшей крови.

Грин, хоть и железный человек, отшатывается.

Аронзон (*он не в себе*): А, это вы! Отлично! Убейте меня! Я вас выдал! Он... Они... Били, мучили... Целые сутки. Потом кислотой в глаз... Сейчас, говорит, второй выжгу. (*Рыдает.*) Я с детства боялся ослепнуть! Простите, ради Бога простите! И застрелите! (*Хватает Грина за руку.*) Все равно конец...

Грин: Нечего прощать. У каждого свой предел.

Окровавленная рука умирающего ротмистра шарит по ковру. Пальцы нащупывают выпавший револьвер, судорожно сжимаются на рукоятке.

Игла: Грин!

Грин оборачивается, приседает, звучит выстрел. Из-за того что Грин присел, пуля попадает в приват-доцента. Тот опрокидывается на пол.

Грин выхватывает револьвер, но стрелять ему не приходится — рука Зейдлица безвольно опустилась, мертвые глаза яростно смотрят в потолок.

Грин наклоняется к приват-доценту. Тот тоже мертв.

Грин: Может, и к лучшему. Куда бы мы его?

Игла: Я бы тоже, наверно, не выдержала. Просто меня они по настоящему еще не мучили.

Грин подходит к ней, садится рядом.

Грин (*уверенно*): Вы бы выдержали.

Смачивает платок водой из графина. Начинает осторожно вытирать ей губы.

Расстегивает платье, обнажая Игле грудь. Трогает ключицу. Игла тихонько вскрикивает.

Грин: Рукояткой, да? Ничего, перелома нет.

Она смотрит на него снизу вверх — глаза влажные, рот открыт.

Игла: Я вся избитая. На меня смотреть неприятно. Я и без того некрасивая.

Грин смотрит на нее с удивлением и вдруг замирает. Выражение глаз в этот миг делают лицо Иглы несказанно прекрасным. Будто куколка превратилась в волшебную бабочку.

Грин (тихо, удивленно): Нет, вы очень красивая.

Хочет стереть кровь, которая сочится из угла ее рта.

Игла вдруг прижимает его пальцы к губам.

Грин порывисто наклоняется, целует ее прямо в окровавленные губы, прижимается лбом к ее шее.

Игла (бормочет, закрыв глаза; быстрыми, безотчетными движениями гладит его по волосам): Нет-нет... Я дала себе клятву... Сейчас, сейчас пройдет... Лишнее, совсем лишнее...

Грин: Да, лишнее.

Они жадно, яростно бросаются друг другу в объятия — слишком долго оба подавляли в себе всё живое, естественное, человеческое.

Жадные поцелуи; пальцы, нетерпеливо обрывающие пуговицы на одежде; бессвязный шепот Иглы: «Лишнее, лишнее». А камера тем временем скользит по комнате: кровь, трупы, упавший револьвер. И яркие лучи утреннего солнца.

ЭПИЗОД 36. Взятие Снежного городка

Улица перед Снежным городком.

Пустынная заснеженная улица полудеревенского вида. Здесь тоже солнечно, но солнце уже высоко в небе — полдень. Заборы, одноэтажные и двухэтажные домишки. Никого, только на скамейке у ворот сидит мужик в длинной дохе, огромных валенках, на глаза надвинута баранья шапка. Напротив видно забор Снежного городка, над которым торчат верхушки белых изваяний.

Подъезжают сани. Из них выходит ЭП. Он в шубе, цилиндре. Отпускает извозчика.

Мужик приподнимает шапку. Это Пожарский.

Пожарский (негромко): Двое там. Грина не видно. Придется идти. Ну, храни вас Господь.

ЭП оборачивается, смотрит на Пожарского с холодным любопытством, будто на некий невиданный экземпляр.

ЭП: Mercі.

Идет по направлению к городку.

Внутри городка

Неподалеку от входа в Лабиринт двое мастеровых возьмется на небольшом дощатом помосте, где установлены наковальня и верстак. Один держит деревянную рейку, второй обтесывает ее топором. Отодвигается доска в заборе. Сначала появляется рука в белой перчатке, потом пролезает сам ЭП. Стоит перед забором, отряхивает присыпанное снегом плечо. Неспешно движется по направлению к Лабиринту.

Мастеровой, что держит рейку, поворачивает голову. Это Снегирь. Видит статского советника, незаметно дергает напарника за полу полушубка. Это Емеля. Не оборачиваясь, он достает железный штырь, начинает забивать его топором — раздается металлический грохот.

Улица перед Снежным городком

Пожарский встрепнулся, услышав грохот. Озирается. И точно — видно, как к забору сбоку, с другой стороны, метнулась быстрая фигура. Это Грин. Подбежал к забору, легко подтянулся, спрыгнул.

Внутри городка

Забор, с которого спрыгивает Грин — бесшумно, в заранее намеченном месте, за снежным бастионом. Тихо ступая, движется к Лабиринту. Видно издали Фандорина, скучливо прохаживающегося по дорожке.

Улина перед Снежным городком

Пожарский скинул валенки — под ними блестящие лаком сапоги. Встал, скинул доху — под ней парадный генеральский мундир. Отшвырнул баранью шапку, достал из-под скамейки белую мерлушковую, свитского генерала. Решительно двинулся к городку.

Внутри городка

Фандорин прошел мимо спасительного «гроба», чуть покосившись на него. Обогнул угол Лабиринта. Остановился у входа, с неудовольствием посмотрел на мастеровых, потом с любопытством оглядывает городок. Емеля и Снегирь шагах в тридцати от него. Емеля кончил колотить по штырю. Сунул в рот цыгарку, полез за спичками — в кармане щелкнул взводимый курок. Снегирь держит руку за пазухой.

Из-за угла снежной часовенки, в каких-нибудь десяти шагах от Фандорина, выглянул Грин. В руке у него револьвер. ЭП его не видит, потому что повернут к Грину спиной.

Перед Снежным городком

Пожарский остановился перед самой калиткой. Поднял руку, щелкнул пальцами.

В тот же миг длинный сугроб, тянущийся вдоль всей обочины улицы, приподнимается. Оказывается, это замаскированная траншея, прикрытая брезентом и сверху присыпанная снегом. Из траншеи вылезают люди. Их несколько десятков. Некоторые в

штатском, некоторые в синих мундирах, у каждого карабин. Вытянувшись плотной, плечом к плечу, цепочкой, быстро приближаются к забору.

Внутри городка

Фандорин достает сигару, закуривает. Емеля смотрит на Грина. Тот поднимает палец: мол, погоди, еще рано, должен прийти второй.

Вдруг калитка с грохотом распаивается. В проеме стоит Пожарский, во всей эполетно-аксельбантной красе.

Пожарский (*раскатисто, весело*): Гас-пада из БэГэ! Перестрелять бы вас к черту, да жаль, слово дал... А ну рруки к небу!

Немая сцена. Террористы от неожиданности застыли на месте. ЭП отшвырнул спичку, сделал шаг, но не к «гробу», а в противоположном направлении.

Пожарский по-разбойничьи свистит.

Раздается громовое «Й-эх!!!», исторгнутое полусотней глоток, и вся часть забора, обращенная к улице, заваливается внутрь от мощного толчка. В снежной пыли стоит шеренга агентов и жандармов с наведенными карабинами.

Пожарский: Не шалить! Карабины заряжены картечью.

Дальше — быстрая смена кадров.

Фандорин смотрит на сигару, сильно дует на огонек — и вдруг с шипением окутывается облаком белого дыма. Грин выскакивает из укрытия, стреляя в это облако, но Фандорина на месте уже нет — воспользовавшись завесой, он нырнул в Лабиринт. Грин бросается за ним.

Агенты открывают ураганный огонь. Все стоят в полный рост, посередине Пожарский. Он не стреляет, проворно вертит головой, наблюдает. Лицо веселое, азартное.

Емеля хватает Снегиря за шиворот, валит за помост. Начинает отстреливаться. Пули попадают в наковальню, летят синие искры. Один, потом другой агент падают от метких Емелиных выстрелов.

Грин тем временем мечется в ледяном Лабиринте. Стены крошатся от пуль, крошка летит ему в лицо. Нет ничего, кроме посверкивающего льда и грохота выстрелов, короткие зигзаги галерей никуда не ведут. Снова, как в сцене с подводным плаванием, Грин оказывается в ледяном плену, только теперь ему, похоже, не выбраться.

Показать, как агенты палят по Лабиринту, как разлетаются прозрачные стены, но за ними стоят другие.

Емеля (Снегирю): Беги, Снегирек, прикрою!

Привстает из-за укрытия, стреляет с обеих рук. Его качнуло назад — пуля попала в плечо, но Емеля продолжает стрелять. Снегирь на четвереньках отползает. Потом, пригнувшись, ныряет за угол какой-то снежной конструкции.

Емеля падает — пуля попала ему в грудь. Тут же встает на колени. Одна рука висит плетью. Вторую, с револьвером, поднимает, но щелкает пустой барабан. Улыбается, чмокает углом рта. Еще несколько попаданий, Емеля опрокидывается.

Снегирь бежит по Снежному городку. У мальчика совершенно безумное, ошалевшее лицо. Он бросается к забору, не может подтянуться, срывается. Дико озирается по сторонам. Видит снежный бастион — крепкий, весьма натуралистичный, ныряет в него. Залп картечи разносит бастион в труху — груда снега, сквозь который проступает кровь.

Снова Грин в Лабиринте. На лбу — алая, сочащаяся полоса от касательного ранения. Грин хватается из кармана бомбу (по виду — обычная консервная банка), бросает ее через ледяную стену. Взрыв. Шатаясь, оглушенный Грин идет куда-то через снежную пыль и дым, спотыкается о ледяные глыбы. Под ногами у него «Гроб Господень». Грин делает еще шаг и проваливается.

Барахтается в соломе. Сумрак, только наверху — круг света. Оттуда доносятся приглушенные выстрелы. Грин видит черную дыру прохода, бросается туда. Почти сразу же проход поворачивает под прямым углом. Там — железная решетка из толстых прутьев. Грин хватается за прутья руками, трясет.

Наверху. Пожарский вскидывает руку. Пальба стихает. Дым и искрящаяся пыль над разгромленным Лабиринтом постепенно рассеиваются. Проступает что-то разноцветное. Пожарский вглядывается. Это жестяное панно с героями пушкинских сказок, находившееся по ту сторону Лабиринта. Вся жесть во вмятинах от картечин, расстреляны и царевна, и Черномор, и тридцать три богатыря. Сбоку отделяется силуэт. Это Фандорин.

ЭП (оглядев разгромленный городок): Не з-задался подарок к Масленице.

Пожарский (бросаясь к нему): Живой! Слава Богу!

Агенты волокут за ноги Емелю. Из кармана вываливается книжка.

Агент (нагибаясь): Поди, Карл Маркс. *(Смотрит на переплет, присвистывает.)*

Из-под снежного завала выволакивают Снегиря. Мертвые глаза смотрят в небо.

Пожарский подлетает к ЭП, обнимает его.

Пожарский: Что ж вы в люк-то не прыгнули? А если б заплутали в Лабиринте?

ЭП: Лабиринты — моя специальность.

Высвобождается, смотрит Пожарскому прямо в глаза.

Пожарскому сейчас не до психологических нюансов поведения статского советника.

Пожарский (обернувшись): Грин где? Грина ищите!

ЭП: Он в люке. А там, как вы знаете, решетка. Так что никуда Грин не денется.

Глаза Пожарского на миг прищуриваются — острый, насто-
роженный взгляд.

Пожарский: Какая решетка?

ЭП: Отлично придумано, б-браво. Я — в люк, террористы — за мной. Они кончают меня, вы — их. И славой делиться не нужно... Неужто вы думали, что я пойду на операцию без разведки?

Под землей

Свет электрических фонариков выхватывает из темноты решетку с погнутыми прутьями. Перед ней Пожарский и Фандорин, сзади несколько агентов.

ЭП (качая головой): Ну и силища... (Пожарскому.) Выходит, и делить нечего. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

Пожарский (бешено): Загоруйко, пёс! Почему не проверил? Эраст Петрович, я клянусь вам..!

Но Фандорин уже уходит.

ЭП (полуобернувшись): Объяснимся у генерал-губернатора.

Пожарский: Да постоит же! (Агентам.) Что уставились? (Кивает на решетку.) За ним! Может, ранен, недалеко ушел!

ЭПИЗОД 37. «Уходим»!

Динамитная мастерская.

Игла сидит у стола, перед ней разложены стеклянные трубочки взрывателей, но она не работает — смотрит в одну точку. Выражение лица совсем не такое, как обычно, — видно, что она сейчас думает вовсе не о революции.

Врывается Грин — заляпанный снегом, без шапки, на виске запекся след от пули.

Игла (*вскакивает, кричит*): Что?! Что?!

Грин мечется по комнате: выхватил из стола завернутый в тряпку револьвер и патроны, еще какие-то свертки, бросает всё это в саквояж. Одновременно говорит.

Грин (*задыхаясь, отрывисто*): Убиты... И Емеля, и Снегирь. (*Игла вскрикивает.*) СДД — провокатор! Уходим! Скорей! С минуты на минуту будут здесь.

Игла немедленно вскакивает, набрасывает пальто и шаль.

Грин: Взрыватели? Готовы? (*Сует их в карман, предварительно завязав в платок.*) Это — отдельно (*Берет с полки склянки с химикатами, пустые банки, кладет в саквояж.*)

Грин (*обернувшись к Игле*): Есть куда? Чтоб ни одна душа.

Игла: Да. Ко мне домой.

Они быстро идут к выходу. Грин берет чью-то шапку, надевает пониже, чтоб не было видно кровь и залепленное пластырем ухо. Выглядывает за дверь. Револьвер держит наготове.

Грин: Чисто...

Они быстро идут через двор.

Грин (*бормочет*): Ничего, ничего... За всех, за каждого...

ЭПИЗОД 38. Фандорин получает повышение

Резиденция генерал-губернатора. Приемная.

За столом сидит секретарь. Рядом, на отдельном столике, уже знакомый зрителю телефон устрашающего вида.

Входит ЭП, деловитой походкой направляется к двери кабинета, кивнув секретарю. Очевидно, так Фандорин обычно и поступает, когда бывает у генерал-губернатора, — входит запросто, без доклада.

Секретарь вскакивает.

Секретарь (*сконфуженно*): Ваше высочородие, их сиятельство велел никого не принимать.

ЭП (*удивленно*): Даже меня?

Секретарь разводит руками.

ЭП: А кто у него?

Секретарь: Молодая особа. Прекрасная собой. Имени не назвала. (*Видно, что секретарю самому до смерти любопытно*).

ЭП (*пожимает плечами с некоторым раздражением*): Нашел время, г-герой-любовник. (*Это про себя. Теперь громче.*) Однако у меня совершенно неотложное дело... Хорошо. (*Нагибается над столом, пишет записку.*)

Дверь кабинета приоткрывается, оттуда выскальзывает Ведищев с пустым подносом в руке.

ЭП: Фрол Григорьевич, скажите князю, у меня сверхважные известия.

Ведищев с таинственным видом проходит мимо. ЭП смотрит на него в полном недоумении. У выхода в коридор Ведищев оборачивается и манит Фандорина пальцем. Тот следует за камердинером.

Они выходят в коридор, сворачивают в другой коридор, поуже и потеснее, потом — в какую-то низенькую дверцу в стене, которую Ведищев открывает собственным ключом. Там и темный проход, приводящий в шкафообразную комнатку. Ведищев тычет пальцем в окошко, откуда открывается вид на кабинет генерал-губернатора. Фандорин заглядывает в комнату и видит, что старый князь сидит на диване, с ним женщина, уткнувшаяся головой Долгоруцкому в грудь. Князь осторожно гладит ее по черным волосам. Женщина всхлипывает.

ЭП (*оглянувшись на Ведищева, говорит сердитым шепотом*): Что за...

Ведищев (*подносит палец к губам*): Тссс.

Тут раздается голос, который заставляет Фандорина вздрогнуть.

Голос Эсфири: Вы правда считаете, что я должна его бросить?

Кабинет Долгоруцкого

Эсфирь и генерал-губернатор.

На стене, недалеко от двери, зеркало (через которое подглядывает ЭП).

Долгоруцкий: Выкинь его из сердца, не пара он тебе. Эраст Петрович, хоть и люблю я его, неживой он какой-то, будто инеем прихваченный. Было у него там, в юности, что-то такое, отчего полдуши отсохло. А ты девочка прямая, горячая, наполовинку жить не умеешь. Найди себе какого-нибудь простого, ясного — и будешь счастлива, уж поверь старику.

Эсфирь резко встает.

Эсфирь: Не хочу я простого, ясного, я *его* хочу! Ничего вы не понимаете, хоть и губернатор! Он живет всех на свете, только я боюсь, что он любить не может. И еще все время боюсь, что его убьют...

Эсфирь подходит к зеркалу, за которым стоит Фандорин, вытирает платком заплаканные глаза.

Фандорин отшатывается, выходит из потайной комнаты.

ЭП (яростно шепчет Ведищеву): Зачем вы меня сюда привели?

Приемная

ЭП, мрачнее тучи, сердито пишет записку, скребя по бумаге пером и разбрызгивая чернила. Дописал, свернул, подал секретарю.

ЭП: Вот, передайте его сиятельству. Скажите, был Фандорин, дожидаться не стал.

Дверь кабинета открывается. Выходит Эсфирь, ее провожает Долгоруцкий. По виду Эсфири невозможно догадаться, что она только что рыдала. Фандорин молча ей кланяется. Она бросает на

него царственно-пренебрежительный взгляд, гордо проходит мимо.

Долгоруцкий (вид у него не смущенный, а скорее хитрый): М-да... Милости прошу, Эраст Петрович.

Кабинет генерал-губернатора

Князь сидит за столом, Фандорин стоит, всем своим видом изображая холодность и официальность.

ЭП: ...Итак, ваше сиятельство, Б.Г. вроде бы уничтожена, но главарь ушел, а это означает...

Долгоруцкий (с довольным видом): Что хвост у ящерицы отрастет снова. А лучше всего то, что хваленая звезда сыска Пожарский сел в лужу. Доверились бы питерские умники нам с вами, всё по-другому бы вышло. А я, голубчик, вот что сделаю. (*Берет лист бумаги.*) Немедленно доложу в Петербург о художествах Пожарского. До суда вряд ли дойдет — больно скользок, но хвост ему прищемят. И еще вот что. Немедленно издам приказ о назначении статского советника Фандорина временно исправляющим должность обер-полицмейстера с передачей ему, то есть вам, всех положенных полномочий.

ЭП: Так ведь не утвердят.

Долгоруцкий: Теперь — непременно утвердят, никуда не денутся. Особенно когда вы им этого Грина на тарелочке поднесете. Ведь поднесете?

ЭП: Не могу г-гарантировать, однако же...

Долгоруцкий (*машет рукой*): Знаю я ваше «не могу гарантировать». Поезжайте в обер-полицмейстерскую резиденцию, вступайте в должность.

Наклоняется к листу бумаги.

Перед входом в генерал-губернаторский дворец

Из подъезда выходит Фандорин.

Его ожидает лакей в генерал-губернаторской ливрее.

Лакей: Ваше высочородие, пожалуйста в карету.

Неподалеку стоит роскошная карета с золотым гербом города Москвы на лаковой дверце.

Фандорин смотрит на этот членовоз, вздыхает, идет к карете.

Лакей распахивает дверцу с почтительным поклоном.

ЭП ставит ноту на ступеньку. В этот миг в спину ему ударяется снежок.

Снежок кинула Эсфирь, которую Фандорин не заметил, потому что она стояла за полосатой будкой часового.

Эсфирь подходит к карете.

ЭП (ядовито): Ябедничать начальству ходили, мадемуазель Литвинова?

Эсфирь (спокойно): Эраст, ты дурак. Молчи лучше, а то опять поссоримся.

ЭП: А как же совет его сиятельства?

Эсфирь: Хороший совет. Обязательно им воспользуюсь. Только не сейчас, позже. Куда ты собрался на этой таратайке?

ЭП: На Тверской бульвар. Я назначен обер-полицмейстером.

Эсфирь: Обер-ищейкой? *(Она потрясена.)* Обер-охранителем и обер-хватателем? Но тогда я... я не смогу быть с тобой! С обер-полицмейстером? Никогда! Эраст, как ты не понимаешь: власть — это грязь! Ты в ней увязнешь, утонешь! Ради меня... Нет, ради себя — откажись! *(На глазах у нее слезы.)* Неужто ты не понимаешь, что это безнравственно, преступно!

ЭП (тихо): По-моему, безнравственно обходить грязь стороной. А если грязно в твоём доме, нужно сделать дом чистым.

Эсфирь смотрит на него полными слез глазами, молча качает головой, поворачивается, идет прочь. Этот ее уход уже окончателен.

ЭП провожает ее взглядом, в котором печаль и горькое сожаление, — из этого взгляда должно быть ясно, что связь с Эсфирью была для него не просто интрижкой, а чем-то большим. Садится в карету. Лакей, который всё это время, оказывается, был здесь же, но за дверцей мы его не видели, аккуратно прикрывает дверцу.

ЭПИЗОД 39. СДД разоблачен

Общий вид дома Иглы.

Старинная чугунная решетка, сквозь которую виден заснеженный двор и здание дворца екатерининских, а то и еще более ранних времен. Дворец, когда-то пышный, облупился и обветшал, в нем давно не живут. Герб с графской короной на фасаде или воротах.

Сбоку — пристройка, в которой в прежние времена, очевидно, находились службы. В пристройке светится одно из окон. Вечер еще не настал, но день пасмурный, да и дело, которым сейчас занимаются в пристройке, требует хорошего освещения, потому и горит лампа.

Неторопливый показ заснеженного двора, заколоченных окон дворца и прочего идет под голос Грина, который учит Иглу делать бомбы с гремучим студнем.

Голос Грина: Парафин разогреваешь на горелке. Можно использовать обычную керосиновую лампу. Пикриновую кислоту можно перемолоть в кофейной мельнице. Хорошо бы реторту, а раз нет, сгодится любая склянка. Из самовара получается вполне сносный перегонник...

Дом Иглы

Грин и Игла стоят рядом, касаясь друг друга плечами, у столика, на котором все вышперечисленные предметы плюс кастрюля с

серой студенистой массой, несколько пустых консервных банок двух диаметров (побольше и поменьше), кучка шурупов, стеклянные трубочки.

Грин (*продолжает объяснять*): Смотри. Во внутренний корпус (*берет банку поменьше*) кладешь гремучий студень (*ложкой берет из кастрюли массу*), остороженько уминаешь, в центре оставляешь ямку. Ставишь маленькую банку в большую, вот так. (*Ставит.*) Теперь засыпаешь шрапнель — в данном случае обычные шурупы. (*Засыпает.*) Теперь самое опасное — вставить химический взрыватель. (*Берет стеклянную трубочку, вдавливая ее в студень.*) Одно неверное движение, и трубочка треснет, содержимое соединится с гремучим студнем и произойдет... что?

Игла все это время смотрела на Грина — кажется, любовалась им или думала о чем-то вовсе не воинственном (один раз даже поглатила его по щеке — не удержалась), однако отвечает впопад.

Игла: Взрыв.

Грин: Правильно. А теперь попробуй сама.

Отходит. Сначала наблюдает очень внимательно. Потом, убедившись, что Игла всё делает правильно, разглядывает комнату. Во время инструктажа, да и после него, камера успевает по деталям показать интерьер, который расскажет об этой женщине, ее истории и характере то, чего мы до сих пор не знали или о чем могли только догадываться.

Существенные детали интерьера:

Портреты предков — важные вельможи в пудренных париках, александровский генерал с пышными эполетами. Фотографии: узнаваемая девочка-Игла с чудесной куклой; с мамой и папой-генералом; Игла-институтка; счастливая девушка в бальном платье с красивым студентом; тот же студент крупным планом, весело улыбающийся, в черной траурной рамке.

Грин стоит и рассматривает эту последнюю фотографию. Игла подходит, снимает портрет, целует его, прячет в письменный стол. Смотрит Грину в глаза.

Игла: Его повесили. Три года назад. По Екатеринославскому делу.

Грин: Да-да, помню... *(Внезапно срывается.)* Кто этот СДД, кто?! Почему сначала помогал, а потом предал?! Зачем?! Кто это?!

Бьет кулаком по спинке стула — та треснула пополам.

Грин: Прости.

Машет Игле рукой — продолжай, мол.

Игла возвращается к рабочему столу.

Грин ведет внутренний монолог — качает головой, сжимает пальцы в кулак — его мучает всё тот же вопрос. Игла же думает о другом.

Игла: Скажи... Ты когда-нибудь... любил? Женщину. По-настоящему...

Грин: Что? А. Гимназистом что-то такое... Не помню, ерунда. Потом не до того было. Любовь не для таких, как я.

Пальцы Иглы, сжимающие хрупкую трубочку, дрожат, вот стукнули ею о край жестянки.

Зритель должен следить за подрагивающим взрывателем и мысленно говорить: «Потом о любви будешь болтать, дура! Сейчас ведь взорвешься». То есть внимание зрителей должно быть главным образом приковано к изготовлению бомбы, нужно поиграть у зрителя на нервах.

Игла: Я понимаю... Конечно, какая любовь... Есть вещи во сто крат важнее...

Грин (не слышит): СДД, СДД! Иуда! Как его найти?! За Снегиря! За Емелю!

Игла: Вспомни, как к тебе попадали записки? Ключ в этом.

Грин: Да-да. Всегда загадочным образом. Сначала в Петербурге, потом в Москве. Вот сегодня утром... Кто из московских знает о динамитной мастерской?

Игла: Немногие. Но все же с десяток наберется...

Грин: Нет, десяток — много. Не годится. Хорошо, предыдущая записка. Я нашел ее в двери сторожки. Там уж никто знать не мог, ведь мы там оказались случайно... *(Трясет головой.)* Не может быть! Нет! *(Его глаза расширяются. Грин делает порывистое движение — Игла от неожиданности снова ударяет взрывателем о край банки — именно это должно сейчас занимать зрителя больше всего, а не Гриновы догадки. Этой абберрацией сознания объясняется и то, что Грин сразу, еще в сторожке, не сложил два и два: он тоже был всецело поглощен тем, что в тот момент казалось ему более существенным, — содержанием записки, а не ее происхождением.)* У тебя должен быть телефон. Где он?

ЭПИЗОД 40. Сюрприз Пожарского

Подъезд обер-полицмейстерской резиденции на Тверском бульваре.

Подъезжает карета с гербом. Из нее выходит Фандорин.

Дверь резиденции распахивает дежурный жандарм, берет под козырек. Однако ЭП войти не торопится. Он смотрит на расположенный в стороне, куда более скромный, подъезд с табличкой «Приемъ посетителей». Туда стоит очередь понурых людей.

ЭП: Кто ведет прием?

Жандарм: Как положено, ваше высочорodie, дежурные чиновники.

ЭП: А почему стоят на улице?

Жандарм: Тесно там, ваше высокородие, места не хватает.

Фандорин входит в просторный мраморный вестибюль резиденции. К нему, козырнув, подлетает дежурный адъютант.

Адъютант: Поздравляю со вступлением в должность, ваше высокородие!

ЭП: Пока временным... *(Оглядывается по сторонам.)* Вот что, штабс-ротмистр, распорядитесь-ка перенести п-приемное помещение сюда, чтобы у нас посетители на улице не мерзли. Да не забудьте поставить стулья.

Адъютант: Но, ваше высокородие, в бельэтаже расположены ваши личные апартаменты! *(Видно красивую, устланную ковром лестницу на второй этаж — на площадке караульный жандарм.)* А в приемную какой только, пардон, швали не таскается!

В дверях, за спиной у Фандорина, появляется Пожарский. Он в штатском. Наблюдает за происходящим.

ЭП: Выполняйте что велено. И еще вот что... Тех, кто пожелает видеть лично меня, пропускать безо всяких п-препятствий. Я назначу для этого часы.

Пожарский поднимает брови с веселым удивлением.

Адъютант: А соображения безопасности? Вашей личной охране будет трудно проверить каждого, кто пожелает...

ЭП: У меня личная охрана? И большая?

Адъютант: Шестнадцать агентов, лучшие из лучших.

ЭП: Раз лучшие, переведите их в уголовный сыск. Пускай бандитов ловят.

Пожарский: Эраст Петрович, да вы прямо хан Мамай. *(Фандорин оборачивается.)* Еще до кабинета не дошли, а от

обер-полицмейстерства уже камня на камне не оставили. Хорошо, что вас временно назначили, а не навсегда.

ЭП (неприятно): Вы? Если желаете оправдываться — не трудитесь. А если имеете новости о Б.Г. — я слушаю.

Пожарский (весело): О Б.Г. новостей не имею, зато имею новости о Г.Г. — Г.Г.Пожарском. *(Достает из кармана депешу.)* Именным указом определен на должность московского обер-полицмейстера. Так что сдавайте дела. *(Смеется.)* Шучу-шучу. Вы ведь их и принять не успели. *(Берет оторопевшего Фандорина за локоть, ведет по парадной лестнице вверх. Шепчет.)* Мой покровитель позубастей вашего, да и зубы у него не вставные, а самые что ни на есть настоящие.

Кабинет обер-полицмейстера

Пожарский по-хозяйски прохаживается по просторному помещению. Пальто он сбросил на зачехленное кресло. Фандорин стоит у входа не раздевшись. Выражение лица каменное — Эраст Петрович очень не любит попадать в смешное положение.

Пожарский: Там пришел и другой указ, поважней этого. Князя Долгоруцкого, поблагодарив за долгую службу, отправить в отставку. Губернаторствовать в Первопрестольной теперь будет августейший брат его величества, великий князь Симеон. *(Со значением.)* Принято решение — там *(показывает пальцем вверх)* поднять статус Москвы как второй столицы. Была провинция, а станет центром России. *(Он уже говорит серьезно, безо всякой шутливости.)* Здесь, в Москве, будет создан плацдарм крепкой государственной власти, образец для подражания. Великий князь, мой покровитель, в практические дела вникать не привык, да, по правде говоря, мало что в них

смыслит, так что крылья мне подрезать не станет. (*Подходит ближе, переходит на задумчивый тон.*) Эраст Петрович, милый вы мой, бросьте ребячиться. С волками жить — по-волчьи выть. Я — волк, вы тоже не овечка. Так давайте выть вместе, а? Дуэтом. Вы ведь умница, талант. Ах, какие бы горы мы с вами свернули! Ведь дух захватывает! Тут не о Москве речь идет, о завтрашнем дне России! Здесь ее сердце, печень, кишки, а не в Питере! Мы кишочки-то эти прочистим, пищеварение наладим!

ЭП: Я вряд ли гожусь на роль к-клизирной трубки.

Пожарский (горячо): Это я еще мягко выразился. Мы, охранители порядка, хуже, чем клизирные трубки или золотари. Знаете, кто мы такие, слуги престола?

ЭП (сухо): Надеюсь, защитники добра против зла.

Пожарский: Именно что добра! Краденого! Наши с вами предки обокрали менее оборотистых соплеменников, за многие века преумножили добычу, и мы с вами это самое добро охраняем. Не то налетят грязные, вшивые, голодные и растащат все к чертовой матери, а нас с вами топорами порубят. Что, не нравится вам такая трактовка?

ЭП: Совсем не нравится. Охранять кусок хлеба от голодных — это не по мне.

Пожарский: Да голодных-то мы накормим, слава Богу двадцатый век на носу, технический прогресс поможет. Дело ведь не в хлебе, а в стихии разрушительства. Вот где опасность! Наше общество плохое, несправедливое согласен. Да только если мы с вами это плохое общество не защитим, во сто крат хуже выйдет! Мы, защитники власти, — тонкий заслон, перед которым орды дикого зверья. А за спиной у нас тургеневские

барышни, детишки в матросках, Чайковские с Пушкиными и прочие цирлихи-манирлихи. Оплошаем, не устоим — страна в такую преисподню ухнет, что Иван Грозный ангелом небесным покажется. Всем вы хороши, Эраст Петрович, кроме одного — этого вашего чистоплюйства. Кто боится в грязи руки замарать, никакой работы не сделает!

ЭП (вздрагивает, бормочет, повторяя собственные слова, недавно сказанные им Эсфири): А если грязно в твоём доме, нужно сделать дом чистым...

Пожарский: Ага! Не мальчика, но мужа! Так что, работаем, Фандорин? Мне толковый товарищ о-го-го как нужен. Ведь один воюю — и с теми, и с этими.

Фандорин: С какими ещё «этими»?

Пожарский: С начальничками да сослуживцами драгоценными. (Зло.) Сами ничего не могут и другим не дают. А как попадетя человек сильный, с талантом, так накинутся сворой — ату его, ату! Он не такой, как мы! Что это у него на плечах — никак голова? Да ещё с мозгами?! Оторвать, немедленно оторвать! А между ногами у него что? Э, да он ещё и мужчина! Ну уж это оторвать и подавно! Бездари да завистники — вот кто сегодня империю защищает, Фандорин. Только вам это и могу сказать, потому что вы из другой породы. Нас таких мало, а без нас всему конец. Руку, Фандорин! Похищенные в казначействе деньги я уже нашёл, но у нас с вами ещё товарищ Грин на свободе гуляет. Вместе мы его в два счета изловим!

Звонит стоящий на столе телефон. Пожарский снимает трубку. Протянутую руку, которую ЭП так и не пожал, сначала, забыв, держит на весу, потом, сжав в кулак, мощно бьёт ею по столу.

Пожарский: Кто? Немедленно соединить! *(Пауза.)* Да- да, я уже по этому номеру... *(Нежно улыбается, косится на Фандорина.)* Ладно-ладно, об этом после... *(Меняется в лице, здесь бьет кулаком по столу.)* Да ты что?! Сам?! Золото ты мое червонное! Где они? Пока не знаешь? Тогда так... Хотя нет, лучше не по телефону. Когда он тебе назначил? *(Пауза. Пожарский смотрит на часы.)* Успею! Жди у входа!

Дает отбой.

Пожарский *(скороговоркой — он уже утратил интерес к Фандорину):* Прощайте, после договорим. Кажется, я смогу взять Грина и без вашей помощи. *(Берет трубку другого телефона, машет рукой Фандорину — идите, мол, идите.)* Штабс-ротмистр, карета, на которой приехал статский советник, еще у подъезда? Не отпускать!

Фандорин выходит, понуро спускается по лестнице. Адъютант внизу держит трубку у уха, на статского советника не обращает внимания.

Все с тем же побитым видом ЭП выходит на улицу.

Если в этой сцене слишком много разговоров, аргументацию Пожарского можно несколько ужать, но не слишком сильно — это единственный шанс показать, что Пожарский не тривиальный шкурник и карьерист, а человек со своими, пусть опасными, представлениями о том, что правильно и что неправильно. И главное: он, в сущности, прав. Если бы он или такие, как он, сто лет назад пришли к власти, в России пролились бы не реки крови, а ручьи; погибли бы не миллионы, а тысячи. Пиночет плох, но Сталин хуже.

ЭПИЗОД 41. Фандорин в действии

Тверской бульвар перед обер-полицмейстерской резиденцией. Фандорин со вздохом проходит мимо чудесной кареты, которая

теперь ожидает другого. Вдруг ЭП начинает двигаться совсем иным темпе.

Машет рукой проезжающему на санях извозчику — тот останавливается.

Извозчик: Куда изволите, барин?

ЭП (*треплет лошадку по гриве*): И почем нынче такая упряжка?

Извозчик: А?

ЭП: Сколько хочешь за упряжку?

Извозчик: А?

Из подъезда резво выскакивает Пожарский, легко впрыгивает в карету.

ЭП (*достает золотые часы, говорит скороговоркой*): Это золотой б-брегет с алмазами. Стоит тысячу рублей. Меняемся на упряжку?

Извозчик выпрыгивает из саней, хватает брегет, кусает цепочку — проверяет, золотая ли. Совершенно очумевший от такого счастья, сует брегет за щеку. Мычит что-то, бежит прочь, пока полоумный барин не передумал. Лошадка печально смотрит вслед хозяину.

Карета Пожарского отъезжает.

ЭП (*извозчику*): Стой!

Тот останавливается, обреченно поворачивается. Из рта свисает золотая цепочка.

Извозчик: Хех хам хахин хехаца хад хохым хехохехом.

ЭП: А?

Извозчик (*вынул брегет, протягивает*): Грех вам, барин, смеяться над простым человеком.

ЭП: Да нет, оставь себе. Давай дальше меняться. (*Оглядывается на удаляющуюся карету, говорит быстрее, одновременно снимая шубу.*) Вот, снимай тулуп... И шапку.

Меняются одеждой. Извозчик теперь в шубе и цилиндре.

ЭП: И кнут. (*Лезет в карман.*) За него могу п-предложить...

Извозчик (*широким жестом*): Дарю!

Сует кнут облезлым кнутовищем вперед. Потом, подобрав полы шубы, несется прочь, топчет латаными валенками. ЭП натягивает драный тулуп, трех развязывает и нахлобучивает пониже, поднимает воротник, чтобы утопить в нем нижнюю часть лица. Нет — этого недостаточно. ЭП хватает лошадку за пегий хвост, вынимает из кармана брюк стилет, отрезает дюймов десять от хвоста и прицепляет к воротнику — получается (с некоторой помощью гримера) вполне убедительная бороденка.

ЭП (*голосом заправского извозчика*): Нно, брюхатая! Гони!

Лошадка, задорно трянув башкой, припускает следом за каретой.

Московские улицы

Извозчицьи сани едут за каретой, держась на некотором отдалении. Хорошо бы показать уличную Москву.

Карета Пожарского останавливается перед гостиницей «Бристоль». По ступенькам к нему сбегает женщина, которая дожидалась у дверей. Мы видим это издали, глазами Фандорина — просто, как Пожарский выскочил из кареты, как ему навстречу бросилась какая-то стройная женщина, они обнялись, поцеловались. Лица женщины пока не видно.

У гостиницы очередь — двое извозчицьих саней, которые поджидают седоков. Фандорин лихо объезжает их.

Первый извозчик: Куды прешь? В хвост вставай!

ЭП делает движение — в извозчика летит серебряный рубль.

Извозчик подхватывает его, затыкается.

Второй извозчик: Ишь, ловкий! Вот я тя в харю!

Снова фокус с монетой.

ЭП встает первым, в непосредственной близости от кареты Пожарского и лестницы.

Пожарский ведет женщину вниз по лестнице, обняв за плечи. Вот она обернулась, и впервые видно ее лицо — это Жюли. Глаза сияют любовью и счастьем, Пожарский тоже смотрит на нее такими глазами, каких мы у него еще не видели. Оказывается, этот интриган умеет любить.

Сыграть любовь Пожарского и Жюли очень трудно: и экранного времени мало, и функция обоих неблагоприятна, но все же зрителю должно быть совершенно ясно, что это именно любовь. Их поцелуи коротки, но жадны, руки так и тянутся дотронуться, погладить, сцепиться пальцами — а времени совсем нет, нужно завершить операцию, Грин долго ждать не будет, а надо еще обо всем условиться.

Разговор Жюли и Пожарского происходит на французском, под закадровый перевод. Именно поэтому они не боятся говорить при ваньке. Подчеркнуты те слова, которые вставляются на русском. Пожарский и Жюли приближаются к Фандорину. Становятся слышны их голоса.

Жюли: ...Сказал, срочное дело. Велел медленно ехать на извозчике по Мясницкой, потом по Лубянке и Моховой.

(Название улиц, разумеется, может быть другое.)

Пожарский: Будет проверять, нет ли слежки. *(Хмурится.)*
Может, заподозрил?

Жюли: Ты за меня волнуешься? Милый, милый Глебушка.
(Целует.) Нет, это его обычная осторожность.

Пожарский *(полуобернувшись):* Извозчик!

ЭП подкатывает.

ЭП *(измененным голосом):* Садитесь, сударь с мамзелью!
Докатим в лучшем виде!

Пожарский и Жюли целуются. Он нежно на нее смотрит.

Пожарский: Ты — мой счастливый талисман.

Жюли: А ты мой триумфатор. Ну, пора, пора... Опаздываю...

Садится в сани. ЭП, отвернувшись от Пожарского, укутывает ей ноги полостью.

ЭП: Куды прикажете?

Жюли (глядя на Пожарского): Вперед. Кататься. Скоро, уже скоро...

Пожарский тоже смотрит только на нее. Он растроган — стиснул зубы, даже стряхнул с ресниц слезинку. Поодаль, из-за афишной тумбы, высунулся и исчез мужчина в опущенной на глаза ушанке. Это Грин.

Пожарский: Я к себе! Буду ждать весточки!

ЭП (залихватски): Эх, держись, дамочка, не вылети!

Лошадка берет разбег, звенят бубенцы.

Жюли взвизгивает от удовольствия.

Снова проезд по Москве.

Жюли напевает какую-нибудь веселую песенку вроде «Красного сарафана». Фандорин подпевает. Жюли смеется — в общем, идиллия а-ля рюс, ее лицо раскраснелось от мороза, глаза сияют счастливым блеском. То и дело поглядывает по сторонам.

Жюли (с этого момента она снова говорит по-русски): А теперь медленней. Покатай меня вокруг фонтана.

Жюли запевает по-русски.

Вдруг в сани на бегу вскакивает человек в ушанке и полушубке.

Это Грин.

ЭП (обернувшись и замахиваясь кнутом): А ну слезь, шарамыжник!

Жюли: Нет-нет, это мой друг! Здравствуйте, Гриночка!
(Обнимает его и целует.)

Грин (извозчику): Направо сворачивай. Потом покажу.

Оглядывается назад.

Жюли: Что случилось? Как наши?

Грин смотрит на нее искоса.

Грин: Приедем — расскажу.

Сани сворачивают еще раз, останавливаются перед домом Иглы. Грин сует извозчику деньги.

Седоки скрываются в пристройке (дверь которой выходит прямо на улицу, а окна — на улицу и во двор, огороженный решеткой).

ЭП отъезжает подальше. Привязывает лошадь к каменному столбику. Неспешно идет вдоль дворцовой ограды. В переулке пусто.

Фандорин ловко карабкается на ограду, спрыгивает во двор. Идет вдоль стены, глядя на освещенное окно.

Подходит к другому окну, неосвещенному. Там чуть приоткрыта форточка. Фандорин сбрасывает тулуп и треух. Влезает на подоконник, потом в форточку.

За ней — сумрачная кухня. ЭП перевешивается головой вниз, сползает до тех пор, пока его пальцы не касаются подоконника, делает сальто и почти бесшумно приземляется на пол. Застывает.

Тихо приоткрывает дверь. Доносятся голоса, пока неразборчивые. Фандорин крадется по коридору.

Голоса становятся слышнее.

Голос Жюли: Вы просто сумасшедший! Это мания преследования!

ЭП заглядывает в щелку двери.

Комната Иглы

Игла делает бомбу. Три бомбы стоят рядом, уже полностью снаряженные.

Жюли стоит, прижавшись спиной к стене. Перед ней — Грин.

Жюли: Гриночка, опомнитесь, ведь это я, Жюли!

Грин: Кроме вас, подбросить письмо в сторожку было некому. Емеля и Снегирь не выходили... А еще я был у «Бристоля». Видел, как вы целовались с Пожарским...

Жюли вскрикивает.

Грин (*наступая на нее*): Два вопроса. Первый: давно работаете на полицию? И второй: почему? (*Второй вопрос произнесен с тягостным недоумением — предательство Жюли для Грина потрясение.*)

Жюли молчит, глядит на Грина со страхом.

Грин: Ладно, второй неважно. Ответьте на первый.

Жюли молчит.

Грин достает из кармана кинжал — такой же, как прежде, с буквами Б.Г.

Грин: Будете молчать — убью. Ответите — обещаю партийный суд.

Фандорин достает из кармана револьвер. Берется за ручку двери — хочет арестовать Грина, пока не произошло убийства, но в этот миг раздается едва слышное позвякивание — это стеклянная трубочка в пальцах Иглы задевает за край жестянки. ЭП убирает револьвер, поняв, что взять Грина сейчас не удастся, — может произойти взрыв. Крупный план снаряженных бомб, трубочки и гремучего студня, чтобы даже не слишком сообразительный зритель понял.

Из поведения Иглы должно быть ясно, что ее нервы на пределе и что изготовление бомбы для нее — способ чем-то занять руки и внимание, пока происходит объяснение с предательницей.

Жюли (*быстро*): Давно, с самого начала. Все записки мне диктовал он.

Грин: Кто? Пожарский?

Жюли кивает, завороченно глядя на нож.

Глаза Фандорина чуть сузились.

Грин: Зачем?

Жюли: Не знаю. Мне все равно. Это ваши, мальчишечьи игры. Вы вечно играете или в войну, или в казаки-разбойники.

Бегаете друг за другом, стреляете. А нас, женщин, эти глупости не занимают. Мы знаем, что главное — любовь.

Грин (недоуменно): Любовь? При чем тут любовь?

Игла (брезгливо): Она хочет сказать, что любит этого своего жандарма и предавала ради любви.

Жюли: Да! Ради любви! Мы, женщины, если любим, то всем сердцем! Пускай хоть весь мир летит к черту!

Грин: Сейчас проверю, всем ли сердцем.

Берет Жюли за горло, прижимает к стене. Приставляет нож.

Грин: Здесь телефон. Звоните своему покровителю и вызовите его сюда.

Жюли (сдавленно, мотает головой): Нет! Ни за что!

Грин, кивнув, заносит нож для удара.

Жюли: Да! Да! Я позвоню! Но обещайте, что потом отпустите меня!

Грин (убирает нож): Обещаю. Когда с Пожарским будет кончено.

Жюли (держась рукой за помятое горло): Где телефон?

Игла: В коридоре.

Фандорин оглядывается, видит телефонный аппарат, рядом с ним зеркало. Бесшумно пятится в кухню.

В коридоре, где он только что был, зажигается газовая лампа-бра. Фандорину видно только зеркало, в котором отражается лицо Жюли. Разговаривая по телефону, Жюли разглядывает себя, поправляет прядку на лбу — она уже совершенно оправилась.

Жюли: 44-22, мадемуазель... Алло, это приемная обер-полицмейстера? Срочно соедините с князем... Жюли, он ждет... Ах, так? Хорошо, я перезвоню.

Жюли оборачивается.

Жюли: Он еще не вернулся. До Тверского от гостиницы дальше, чем сюда.

Грин: Хорошо, через четверть часа позвоните вновь. Идемте в комнату.

Берет ее за руку, уводит в комнату.

ЭП после секундного колебания поворачивается, лезет в окно кухни.

Улица перед домом Иглы

ЭП перелезает через забор, прыгает в сани, настегивает лошадь.

Сани несутся. Тулуп распахнулся, видно щегольской сюртук с атласной жилеткой.

ЭПИЗОД 42. Фандорин промолчал

Вестибюль обер-полицмейстерской резиденции.

По ступеням лестницы, из бельэтажа, быстро сбегает Пожарский.

Адъютант (вытянувшись в струнку): Прикажете карету, ваше превосходительство?

Пожарский: Нет-нет, я на извозчике.

Из входной двери, навстречу, входит Фандорин. Он без тулупа.

Делает движение, чтобы задержать Пожарского.

Пожарский: После, Фандорин, после! Ключевой момент настает!

ЭП (крепко взяв Пожарского за локоть): Для вас ключевой момент уже настал. Пойдемте-ка в кабинет.

Пожарский дергает рукой, но хватка у Фандорина мертвая.

Пожарский (глядит на ЭП с любопытством): Ого, блеск в глазах, румянец. Не узнаю статую командора. Что стряслось? Хорошо, пять минут. Не больше.

Кабинет обер-полиимейстера

Входят Пожарский и Фандорин. Последний плотно закрывает дверь.

ЭП: Я думал — вы карьерист и интриган, а вы во сто крат хуже. Провокатор, государственный преступник. Все акции Б.Г. — ваших рук дело! Хотите доказательств?

Пожарский (после паузы, с улыбкой. — обвинение не произвело на него особого впечатления): Да ну их к черту, ваши доказательства. Сейчас начнете нудить: «Это раз, это два, это три», а мне нужно операцию закончить. Предположим, я — предводитель террористов. Дальше что?

ЭП (опешив): Как «что»?

Пожарский: Да так. Ничего, кроме умозаключений, у вас быть не может, потому что следов я не оставляю. Никто вам не поверит, а умозаключения можете засунуть себе... в портмоне.

ЭП (растерянно): Вы признаетесь? Но... но зачем вам понадобилась эта... эта гадость?

Пожарский (жестко, весомо): Я человек, который может спасти Россию. Потому что я умен, смел и лишен сантиментов. Мои враги двух видов: сановные тупицы, разваливающие государственную машину своей бездарностью, и революционеры, подкладывающие под эту машину бомбы. Еще неизвестно, кто из них опасней для страны. Руками товарища Грина я убирал самых вредных из числа государственных тупиц. Воздух становился чище, а я — к солнцу поближе. Теперь последний трюк — убрать мавра, который сделал свое дело. Что *(подмигивает)*, не ждали такой откровенности?

Фандорин молчит — он и в самом деле не ждал.

Пожарский: Времени нет, Фандорин, уходит время. Еще несколько лет, и погубят Россию. Не те, так эти.

ЭП: Так вы *всё это* — ради России? А не ради того, чтоб подняться «поближе к солнцу»?

Пожарский (весело): А я себя от России не отделяю. Что мы с ней друг без друга? Дорогу, Фандорин, дорогу! Не думайте, что я вас боюсь. Это я вначале вообразил, будто вы опасны, и хотел устранить, чтоб под ногами не путались. А теперь я вижу, что бояться вас нечего. Гибкости в вас маловато. Больно нежно себя несете, расплескать боитесь.

Пожарский уже в дверях, но оборачивается.

Пожарский (грозно): Выбирай, Фандорин. Или ты играешь со мной, по моим правилам. Тогда полетим к солнцу вместе. Или выставляешь себя дураком перед начальством и всем миром. Тогда закончишь в сумасшедшем доме.

ЭП молчит.

Пожарский (презрительно усмехнувшись): Есть и третий путь, который, вероятно, тебе более всего подходит. Промолчи. Выйди в отставку. Самый что ни на есть интеллигентский фокус. Останешься чистеньким.

Пауза. Они смотрят в глаза друг другу.

ЭП: *Аку ва аку-о куу.* Зло пожирает само себя. Так говорят на Востоке.

Пожарский: Давай без японских штучек. Так что: играешь со мной, валяешь дурака или промолчишь?

ЭП: Могу и п-промолчать. Не пожалеешь?

Пожарский: Как-нибудь переживу. (*Смотрит на часы.*) Видите, ваше высокородие, и пяти минут не понадобилось.

Выходит.

Фандорин смотрит ему вслед.

ЭПИЗОД 43. Вспышка

Дом Иглы.

Игла стоит у стола, где она делала бомбы. Там же саквояж, куда она укладывает готовые снаряды (числом четыре), бережно оборачивая каждый в тряпку. Игла в пальто, на плечах — платок.

Грин сидит у стены, Жюли нервно ходит по комнате.

Жюли: Я всё сделала, я сказала, чтоб он непременно пришел один. Вы ведь не убьете меня?

Грин: Если придет один — не убью.

Игла: А судьба «любимого» вас, похоже, не интересует.

Жюли (пожав плечами): Презираете? Напрасно. Я не такая, как все вы, я сердце слушаю. Если сердце сказало бы «умри», я бы умерла. А сердце сказало: проживешь и без Глеба. Значит, не любовь это. *(Смотрит на Иглу, на Грина, тон жалеющий.)* Ах вы, бедняжки. Ведь любите друг друга, сразу видно. Бросьте вы эти глупости, хватит людей убивать. Ничего хорошего на убийстве все равно не построишь... Жили бы себе, радовались счастью. Настоящая любовь нечасто бывает.

Игла (тихо, яростно): Только про любовь поучать не смей, гадина! А то ведь я тебе честного слова не давала, могу пристрелить! Беги на край света, забейся в щель.

Жюли: Я и на краю света не пропаду, мужчины везде есть.

Звонок.

Грин (вскакивает): Он! Игла, я быстро. Только один вопрос задам, и конец. Потом уходим. Вы — к двери *(обращается к Жюли)*. И смотрите!

Жюли: Ах, бросьте!

Идет в коридор, Грин за ней.

Жюли: Глебчик, ты?

Голос Пожарского: Я, золотая-серебряная. Как лист перед травой!

Грин встает так, чтобы открывшаяся дверь его заслонила. Лицо напряженное, в поднятой руке револьвер.

Жюли открывает, входит Пожарский. Он один.

Обнимает Жюли.

Пожарский: Где они?

Жюли: Ты один?

Пожарский: Один-один. Они что, сорвались? *(В его голосе тревога.)*

Жюли: Нет. *(Идет по коридору.)* Я приготовила тебе сюрприз.

Пожарский *(идет следом):* Обожаю твои сюрпризы.

Грин бесшумно крадется у него за спиной.

Пожарский *(войдя в комнату):* Кто это? Не представляйтесь, сударыня. Догадаюсь сам. Мадемуазель Игла! В самом деле сюрприз. Решили взяться за ум? А где нестигаемый товарищ Грин?

Грин *(уоставив дуло в затылок Пожарскому):* Здесь.

Лицо Пожарского делается серьезным, строгим, но не более чем на пару секунд. Снова улыбка — адресованная Жюли.

Пожарский *(он стоит, держа руки в карманах):* Я думал, ты меня любишь. Ошибся. И на старуху бывает проруха. *(Подмигивает Жюли, та всхлипывает.)*

Жюли: Глебушка! *(Плачет.)*

Пожарский: Товарищ Грин, я могу повернуться?

Грин: Руки из карманов. И медленно.

Пожарский вынимает руки из карманов, медленно поворачивается. Грин отступает на шаг, держа князя на мушке.

Грин: Что такое СДД?

Пожарский (с улыбкой): Вон оно что. А я-то удивляюсь что это он мне сразу пулю в затылок не всадил. Любопытство не чуждо даже железным рыцарям революции. А вот не скажу. Так и оставлю заинтригованным. (Смеется.) Ладно-ладно, скажу, как старому соратнику и сотруднику. Из благодарности. (У Грина при этих словах дергается лицо.) Смысл аббревиатуры очень прост. СДД означает: «Сожрите Друг Друга». Вы — Храповых, они — вас. (Смеется.) Эх, судьба-кокетка! Поманила, да не дала!

Грин вскидывает руку, целя Пожарскому в лоб.

Пожарский: А последнюю папиросу? Мы вашим перед виселицей дозволяем.

Грин: Нет.

Пожарский: Ну хоть с любимой попрощаться. (Поворачивается к плачущей Жюли.) Ничего, я на тебя зла не держу. Мне с тобой было хорошо, весело. А что предала, так, видно, деваться было некуда.

Грин взводит курок, и в ту же секунду Жюли с воплем «Нет!» бросается на Грина, повисает на руке с револьвером, вцепляется в нее зубами. Выстрел. Пуля попадает в пол.

Пожарский сует руку в карман, стреляет через полу пальто. Грина отбрасывает к стене, он сползает на пол.

Дальнейшее развитие событий я бы предложил показать как бы глазами умирающего Грина. Голоса гулкие, фокус расплывается, ракурс — снизу вверх, комната качается и т.д.

Пожарский: Bravo, девочка! Ты просто чудо!

Жюли (обхватив его за колени): Люблю! Люблю!

Игла хватает со стола саквояж.

Пожарский (направляет на нее револьвер): Цып-цып-цып. Стоять, курочка!

Грохот сапог. В комнату вбегают трое: двое уже знакомых зрителю телохранителей Пожарского и третий — Загоруйко, который был в Снежном городке.

Пожарский: Молодцы, быстро. Этот готов, кончается. *(Показывает на Грина.)* Девка *(на Иглу)* знает лишнее. Вздернуть, как ту, с пятном на роже.

Игла, глядя на Грина (крупно — ее сияющий любовью взгляд), поднимает саквояж высоко над головой и бросает на пол. Вспышка взрыва.

ЭПИЗОД 44. ЭПИЛОГ⁹

Приемная в резиденции генерал-губернатора.

По просторному помещению прохаживается Фандорин. Приемная такая же, как прежде, но Эраст Петрович здесь уже не свой, и войти к высокому начальству запросто не может. Он в парадном мундире, лицо раздраженное. Статский советник уже очень давно ожидает аудиенции, чтобы представиться новому московскому генерал-губернатору великому князю Симеону Александровичу.

У двери — стол дежурного адъютанта, где сидит смазливый офицерик с аккуратной куафюрой и подкрашенными губами. *(Можно обойтись и без намека на гомосексуальные пристрастия великого князя, но адъютант в любом случае должен производить неприятное, даже несколько злое впечатление своей прилизанностью, лощеностью, холодностью — одним словом, немосковскостью.)* Адъютант в какой-то момент разглядывает себя в зеркальце: выщипывает пинцетом волосок, а то и пудрится. ЭП смотрит на этого хлыща с явной неприязнью.

Терпение Фандорина лопнуло. Он решительно подходит к столу.

⁹ Вариант 1.

ЭП: Послушайте, капитан, быть может, его императорскому высочеству будет вовсе не угодно меня п-принять? Сколько можно дожидаться?

Адъютант эпатированно смотрит на дерзкого чиновника.

Адъютант: Столько, сколько понадобится. (*Однако, посмотрев в глаза статского советника, берет со стола лист, смотрит.*) Вы — статский советник Федорин?

ЭП (*в холодном бешенстве*): Федорин.

Адъютант: Да-да, Федорин. Сейчас закончат представляться чины Московского военного округа, а потом уже и вы. Самым последним. На десерт.

Эти слова адъютант сопровождает *особенной* улыбкой, из которой, собственно, понятно лишь то, что она означает нечто особенное, и очень возможно, что в самом недобром смысле.

Федорин хочет сказать что-то резкое, но тут высокие двери кабинета открываются. Выходят три генерала, тоже в парадных мундирах. Лица у генералов такие, будто им только что задали изрядный нагоняй.

Первый генерал (*вытирая платком лоб*): Крутенок, ох крутенок.

Второй генерал (*симпатичное, открытое лицо*): Это черт знает что! Что с того, что «императорское высочество»? Я еще его деду служил! Мальчишка!

Третий генерал (*опасливо покосившись на адъютанта и Федорина*): Тс-с-с, ваше превосходительство!

Второй генерал (*запальчиво*): Ах да бросьте вы, Иван Карлович! Если будут такие порядки, уйду в отставку, к чертовой теще уйду! Рыбу ловить! Уток стрелять!

Адъютант, проводив буйного генерала неодобрительным покачиванием головы, поворачивается к Федорину.

Адъютант: А теперь вы пожалуйте.

Подлетает к двери с листком в руке, просовывает голову.

Адъютант: Бывший чиновник особых поручений при генерал-губернаторе статский советник Эраст Петрович Фандорин!

Кабинет генерал-губернатора

В отличие от приемной, это помещение изменилось очень сильно. Исчезли все признаки домашности. Портьеры распахнуты, открывая величественный вид на кремлевские соборы. Мебель новая, торжественно-казенного вида. Огромный, в полный рост, портрет императора в помпезной золотой раме. На обширном столе идеальный порядок: ровно уложенная стопка бумаг, бронзовый чернильный прибор, роскошный бювар — ничего лишнего. Великий князь стоит у окна — там же, где в Эпизоде 2 стоял Долгоруцкий. Поза картинная, рука в белой перчатке заложена за спину. Великий князь смотрит на Кремль. Фандорин стоит перед столом, ждет.

Князь не спеша оборачивается. Молодое — лет тридцати, красивое, породистое, очень холеное, но весьма неприятное лицо: надменное и недоброе.

Внезапно лицо освещается милостивой улыбкой.

Симеон: А, Фандорин. Догадался, почему я тебя напоследок оставил? (*С милостивым лукавством.*) Это великий признак.

Фандорин чуть приподнимает брови — обращение на «ты» ему не нравится.

Симеон обходит стол, садится в кресло, жестом предлагает чиновнику сделать то же. Фандорин садится.

Симеон: Вот ты каков. Покойный Пожарский в донесениях рекомендовал тебя самым лестным образом. Талантливый был человек. Какая потеря для России и для меня.

Фандорин делает движение, но великий князь останавливает его.

Симеон: Читал. Читал твой рапорт министру, всё знаю. Получил сей документ с припиской: «Полнейший бред и к тому же опасный». Но я хорошо знал Пожарского и потому верю тебе. Похоже, Глеб заигрался, ну да Бог ему судья. Он верил, что действует на благо отечества.

Лицо Фандорина, удивленного мягкостью эпитафии. В этом диалоге Фандорин вплоть до финальной реплики всё время молчит — тем выразительней должно быть его лицо.

Симеон: Я многое позволяю тем, кто мне искренне предан. У тебя еще будет возможность в этом убедиться. Мне нужны такие помощники, как Пожарский и ты: умные, энергичные, не пасующие ни перед какими препятствиями. Ни перед какими! *(Повторено со значением.)* Место подле меня освободилось, и займешь его ты. Ты станешь моим новым Пожарским. *(Берет со стола бумагу.)* Вот высочайший указ о назначении тебя московским обер-полицмейстером. Подписан помазанником Божьим, так что даже я отменить не в силах. *(Эта фраза произнесена шутливо, с разведением руками.)* Отсюда, из Первопрестольной, мы начнем перестраивать здание российской государственности. Хватит изображать из себя Европу. Доизображались! Мы — Азия, Византийская империя, и править станем по-византийски: жестко и даже жестоко. Держись меня, Фандорин, не прогадаешь. Через три месяца будешь действительным статским советником — даю слово. А звание камергера я тебе добуду прямо нынче. *(Встает, Фандорин тоже.)* Ну что? Как говорят ваши московские купцы, по рукам?

Протягивает руку в перчатке. Рука повисает в воздухе.

ЭП (убрав руки за спину — вновь, как и в самом начале, возникает тема рукопожатия): Гнусности нельзя делать даже ради блага отечества. Это раз. Извольте обращаться ко мне на «вы». Это два. И, наконец, три: тебе, ваше императорское высочество, служить я не стану.

Поворачивается, идет к выходу.

Перекошенное лицо великого князя.

Вестибюль резиденции

Фандорин идет к выходу. Его лицо грустно, но спокойно, как у человека, который сделал то, что должен был сделать.

У дверей поджидает поручик Смольянинов.

Смольянинов: Эраст Петрович! А я вас поджидаю. Попрощаться хочу. Ухожу я из жандармов.

ЭП (вздрагнув): Что так?

Смольянинов (машет рукой): Выстроились мы перед его высочеством представляться. Он и говорит, вы, говорит, должны внушать обывателям страх и благоговение перед властью. Один вид синего мундира должен повергать в оцепенение. Иначе, говорит, перебесятся людишки от вседозволенности, станут хамить власти.

ЭП: Может, так оно и есть?

Смольянинов: Может. Только я не хочу, чтоб от моего вида цепенели. Что я ему, Дракула, что ли? Напишу рапорт, переведусь в драгуны. Это решено. Хотел только вот с вами объясниться, чтоб плохо про меня не думали. Вроде как бросил вас.

ЭП: А почему вы уверены, что я останусь?

Смолянинов (удивленно): Вы — совсем иное дело. Вам так, за здорово живешь, уйти нельзя.

ЭП: Да отчего же?

Смолянинов: Ну как же, вы — Фандорин. С вас спрос другой.

ЭП: Какой такой «д-другой»?

Смолянинов: Ну... другой. Сами знаете. (*Тряхнув головой.*) Не поминайте лихом, ваше высококородие. И не судите строго.

Козыряет, разворачивается на каблуках, уходит.

Фандорин удрученно смотрит ему вслед.

Перед резиденцией

В несколько повозок грузят вещи прежнего генерал-губернатора: тюки, чемоданы, знакомую вазу с дарственной надписью и прочее.

Развернутая батарея. Солдаты суеются возле орудий, готовя их к салюту.

Распоряжается лакеями Ведищев. Он в затрапезном виде, щека подвязана шарфом.

Ведищев (двум лакеям, которые несут большой кактус в кадке): Легче, легче вы, ироды. Его сиятельство этот кактус десять лет из своих ручек поливали...

Оборачивается, видит вышедшего из дверей Фандорина.

Бросается к нему.

Ведищев: Эраст Петрович, батюшка, вот как съезжать-то приходится. На телегах! А Сарданапал этот рад, из окна любит.

В окне виден силуэт великого князя с белым платком в руке.

Ведищев: Салют придумал, в честь самого себя. Махнет платком, пушки и выпалят. Чтоб все знали: новое время настает, грозное. Со всех сторон про новшества-то эти (*кивает на*

дворец) доносят. Что с городом, что с людьми будет? От злой власти и человеки в злобу впадают. Охо-хо... *(Всхлипывает.)* Мой-то исчах весь, слег. Сказано Екклезиастом: «Что будет иметь человек от всего труда своего?»... Ничего *(показывает кукиш)*, дулю без масла, вот как Екклезиастом сказано. *(Сморкается, тем же платком вытирает слезы.)* Одна надежда, что ты, Эраслушка, при этом Навуходоносоре будешь. Не дашь ему слишком большой воли. Не забалует он при тебе-то, постережется.

ЭП: Фрол Лукич, я, собственно... *(Запинается.)*

Ведищев: Тяжкий тебе, Эраст Петрович, крест выпал. Ну да ничего, ты крепкий, ты сдюжишь. *(Поворачивается к лакеям.)* Всё, что ли? Так что встали? Трогай! *(Крестит Фандорина, обнимает.)* Храни тебя Господь.

Фандорин внезапно резко поворачивается, входит во дворец.

Кабинет генерал-губернатора

Великий князь, мрачнее тучи, стоит у окна, но смотрит не вниз, а вверх — в небо над городом.

Дверь распахивается.

Голос адъютанта: Стойте! Без доклада никак невозможно! Ой!

Адъютант умолк — очевидно, ЭП случайно попал ему пальцем или локтем в какое-нибудь чувствительное место. Входит ЭП, с самым решительным видом.

ЭП (звонко, без заикания): Так говорите, ваше высочество, мое назначение утверждено помазанником Божьим? Даже вы отменить не властны? Что ж, стало быть, послужим вместе. Вы на своем месте, я на своем.

Великий князь ошарашен. Судорожно вскидывает платок — вытереть лоб.

Внизу командир батареи, не спускающий глаз с окна, машет шашкой.

Командир: Батарея, пли!

Пушки дают залп.

С кремлевских куполов взлетают стаи воронья. Под крик перепуганного воронья идут финальные титры.

ЭПИЗОД 44. ЭПИЛОГ¹⁰

Николаевский вокзал.

Духовой оркестр, почетный караул, отцы города. Среди высших московских сановников (все в парадных мундирах) и Фандорин — тоже в шитом мундире, при шпаге.

На пути стоит поезд (виден последний вагон). Оркестр громгласно репетирует «Боже, царя храни», звук труб заглушает все разговоры.

Вдруг публика заоборачивалась — выражение лиц странное, словно бы сконфуженное. Как раз и оркестр умолк. Появляется князь Долгоруцкий. Он укутан в теплое, поверх шинели пуховый платок, на ногах бурки. Рядом — Ведищев с котом на руках. Сзади носильщики несут багаж: узлы, коробки, чемоданы.

Долгоруцкий (глядя на почетный караул, на оркестр, с намернувшимися на глаза слезами): А ты, Фрол, врал, что не придут... Я моих москвичей знаю! Четверть века вместе! А ну сними это!

Сердито дергает платок. Ведищев разматывает платок, поспешно вынимает из шляпной коробки генеральскую фуражку, сдергивает с Князевой головы меховую шапочку, надевает фуражку. Долгоруцкий приосанился, поправил усы. Приветственно поднял руку.

¹⁰ Вариант 2.

Долгоруцкий: Спасибо, спасибо, дети мои... Что пришли почтить старика.

В публике замешательство. Люди переглядываются, некоторые откашливаются, кое-кто отворачивается. Вдруг крик: «Едет!» Видно приближающийся паровоз, украшенный российским и императорским флагом.

Дирижер: И-и!

Махнул палочкой.

Оркестр заиграл.

Все отвернулись от Долгоруцкого — перед ним одни спины. Гул приветственных криков. Князь застывает в растерянности. Из толпы выходит Фандорин.

Долгоруцкий: Так они этого... Не меня... *(Не может договорить — трясется голова, дрожит голос.)*

ЭП (пожав плечами): Просто совпало. Иначе проводили бы. Не думайте о москвичах слишком плохо.

Толпа устраивает овацию высокому, прямому, как палка, Симеону, который спускается из вагона. У него правильное, но деревянное в неподвижности лицо. Видно (но не слышно), как великому князю рапортуют, стоя навтыжку, какие-то генералы. Симеон слушает без улыбки.

Ведищев: Чистый Сарданапал. Что с городом, что с людьми будет? От злой власти и человеки в злобу впадают. О-хо-хо... *(Всхлипывает.)* Сказано Екклезиастом: «Что будет иметь человек от всего труда своего?»... «Ничего *(показывает кукиш)*, дулю без масла», — вот как Екклезиастом сказано. *(Сморкается, тем же платком вытирает слезы.)*

В толпе заоборачивались.

Протискивается лощеный, набриллинтенный адъютантик.

Адъютантик: Который? Который?

Важный господин (услужливо): Вон он, возле... э-э-э... возле фонаря. Господин Фандорин!

Из толпы (сразу несколько голосов): Господин Фандорин! Эраст Петрович!

Адъютантик (приближаясь и салютуя): Господин статский советник! Его императорское высочество зовет — сопровождать.

Долгоруцкий (крестит Фандорина): Ну, голубчик, дай вам Господь.

Фандорин с подчеркнутой почтительностью салютует князю. Великий князь уже прошел ковровой дорожкой, садится в карету, поданную прямо на перрон. Поставив ногу на подножку, обернулся к приблизившемуся Фандорину, поманил пальцем.

Фандорин садится в карету напротив великого князя.

Симеон (с милостивой улыбкой): Вот ты какой.

Фандорин чуть приподнимает брови — обращение на «ты» ему не нравится.

Симеон: Пожарский в донесениях рекомендовал тебя самым лестным образом. Эх, талантливый был человек. Какая потеря для России и для меня.

Фандорин делает движение, но великий князь останавливает его.

Симеон: Читал. Читал твой рапорт министру, всё знаю. Похоже, Глеб заигрался, ну да Бог ему судья. Он верил, что действует на благо отечества.

Лицо Фандорина, удивленного мягкостью эпитафии. В этом диалоге Фандорин, вплоть до финальной реплики, всё время молчит — тем выразительней должно быть его лицо.

Симеон: Я многое позволяю тем, кто мне искренне предан. Мне нужны такие помощники, как Пожарский и ты: умные, энергичные, не пасующие ни перед какими препятствиями. Ни

перед какими! *(Повторено со значением.)* Ты станешь моим новым Пожарским. Держись меня, Фандорин, не прогадаешь. Обер-полицмейстерство уже твое. Через неделю будешь камергером. Через месяц — действительным статским, даю слово. Ну что? Как говорят купцы, по рукам?

Протягивает руку в перчатке.

ЭП *(дав высочайшей деснице повисеть в воздухе):* Гнусности нельзя делать даже ради блага отечества. Это раз. Извольте обращаться ко мне на «вы». Это два. И, наконец, три: тебе, ваше императорское высочество, я служить не стану.

Открывается дверца кареты, Фандорин легко спрыгивает на землю. Дверца остается открытой. Видно перекошенное, побелевшее лицо генерал-губернатора.

Симеон *(высунувшись из дверцы):* Вы сумасшедший?!

Генерал-распорядитель *(прикладывая ладонь к уху):* Что, ваше высочество?

Фандорин снимает парадную двуголку, вытирает платком лоб, ветерок треплет его волосы. Государственная служба статского советника закончилась.

Шипение Симеона: Дверцу! Не сам же я!

Генерал-распорядитель: Что?

ЭП *(глядя на галдящих в небе ворон, устало):* Музыку, генерал.

Генерал машет дирижеру.

Оркестр играет финальный марш. Кучер воспринимает это как сигнал трогаться — щелкает кнутом. Карета поехала. Болтается приоткрытая дверца. Воровато высовывается рука в белой перчатке, захлопывает ее.

Фандорин смотрит вверх. По небу летают вороны. Это фон для титров.